

A woman with long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a pink long-sleeved dress, sits on a balcony. She holds a white cup of coffee with both hands, and steam rises from it. On the table in front of her is a white teapot and a small plate with a pat of butter. The background shows a Venetian canal with buildings, a hot air balloon with a sun and face design, and a street lamp. Pink roses are visible in the top left and bottom right corners.

Николя Барро КАФЕ МАЛЕНЬКИХ ЧУДЕС

Роман

Annotation

Нелли Делакур двадцать пять лет, она обожает книги, не любит суеты и спешки, верит в знаки судьбы и тайно влюблена в профессора философии Даниэля Бошана, у которого пишет магистерскую диссертацию. А кроме того, Нелли не доверяет чересчур красивым мужчинам и никогда, ни при каких обстоятельствах не летает на самолетах! Впрочем, сбежать среди зимы из холодного Парижа в сказочную Венецию можно и на поезде, особенно когда в твоей жизни все почему-то идет не так и нужно срочно избавиться от страданий из-за безответной любви... И вот однажды январским утром, сняв в банке все свои сбережения, Нелли легкомысленно отправляется в путешествие, которое станет главным приключением ее жизни, а также заставит нашу героиню в корне изменить некоторые ее взгляды на мир...

Роман печатается впервые на русском языке.

- [Николя Барро](#)

-
-
-
-
- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [Эпилог](#)

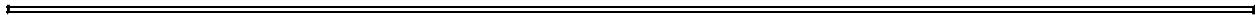
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

Николя Барро

Кафе маленьких чудес

Nicolas Barreau

DAS CAFÉ DER KLEINEN WUNDER

Copyright © Thiele Verlag in der Thiele & Brandstätter

Verlag GmbH, München und Wien 2016

All rights reserved

First published in Germany by Thiele Verlag.

This agreement by arrangement with SalmaiaLit.

© И. Стреблова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

...Почему Венеция оказывается совсем не тем городом, который ожидает увидеть Нелли Делакур, почему порой просто необходимо бросить в Гранд-канал свою новую сумочку и без оглядки довериться возмутительно красивому венецианцу, почему, наконец, нужно быть легкомысленной и безрассудной, – обо всем этом рассказывается в волшебной истории любви Николя Барро, от которой читателю будет очень трудно оторваться.

Amazon

Женщина сталкивается с мужчиной, романтическая комедия сталкивается с комедией дель арте, и над всем царит дух Венеции. Можно только сказать: ах!..

Brigitte

Николя Барро родился в 1980 году в Париже. Изучал романские языки

и историю в Сорбонне, защитил диссертацию. Работает в книжном магазине на левом берегу Сены, но «книжный червь» – это кто угодно, но только не он... Его литературным дебютом в 2009 году стал роман «Ты найдешь меня на краю света», который принес автору известность.

Произведения Николя Барро пользуются неизменным успехом у читателей и переведены на многие языки: английский, итальянский, испанский, португальский, польский, норвежский, литовский... Только все ли мы знаем об авторе «Ты найдешь меня на краю света», «Улыбки женщины» и «Однажды вечером в Париже»?

– Я верю в хеппи-энды. Это единственное, что мне представляется логичным.

– Так, значит, вы за сказку?

– По-моему, всем нам иногда хочется немножко волшебства, разве не так?

Из фильма Питера Богдановича

«Мисс Переполох»

Пролог

Нелли предпочитала жить в размеренном темпе. Ей больше нравилось ходить прогулочным шагом, чем куда-то бежать, и она всегда долго раздумывала перед тем, как принять какое-то решение. Вот и сегодня, неторопливо шагая по набережной мимо нескончаемой вереницы отчаянно гудевших, застрявших в яростной пробке «железных коней», она упорно думала о Поле Вирильо и его теориях.

Действительно, есть что-то роковое в той гонке, в которой человек вечно стремится сам себя обогнать: непрерывное ускорение окружающего мира ни к чему хорошему не приведет. Но дипломная работа на степень бакалавра о Поле Вирильо свела Нелли с Даниэлем Бошаном, и это было очень хорошо. Вот уже одиннадцать месяцев три недели и пять дней она работала у профессора философии и все это время была потаенно в него влюблена.

Ну да, глубоко потаенно. Временами Нелли убеждала себя в том, что предвкушение счастья, которое ожидает их впереди, даже лучше, чем его осуществление. Что может быть прекраснее, чем, лежа в постели, мечтать под ночными небесами о чаемом блаженстве, рисуя в своем воображении то, что, *может быть*, когда-то произойдет?

Робкая улыбка скользнула по лицу девушки, когда она непроизвольно покрепче ухватила за ремешок кожаной сумки, которая висела у нее через плечо. Сегодня утром Даниэль Бошан оставил ей на автоответчике сообщение, что ему нужно о чем-то с ней переговорить! Почудилось ей только или голос профессора действительно звучал на этот раз иначе, чем обычно?

Этот крупный вежливый мужчина, слегка приволакивавший правую ногу после так и недоленной травмы, полученной в юности из-за велосипедной аварии, сразу же приворожил ее живым взглядом водянисто-голубых глаз. Она никогда не забудет и всегда будет ему благодарна за то, что в первый день ее работы на кафедре он специально пришел в университет пораньше, чтобы встретить новую сотрудницу. Боясь опоздать на работу, Нелли примчалась в тот день, почти год тому назад, ни свет ни заря и, взбежав по лестнице на этаж, где проходил семинар, обнаружила, к своему удивлению, что в кабинетах философского факультета еще не было ни души. Только в секретарской тлела какая-то жизнь – на свободном письменном столе одиноко стояла дымящаяся чашка café au lait^[1]. Мадам

Борель, которой Нелли должна была доложить о своем приходе, тоже еще отсутствовала. В нерешительности Нелли прошла в зад и вперед по коридору и в конце концов постучалась в кабинет Бошана. Она несмело взялась за дверную ручку, но не успела нажать, как увидела в конце коридора самого профессора, который спешил ей навстречу своей характерной, чуть прихрамывающей походкой.

– Так я и знал! – произнес он, и глаза его дружелюбно блеснули из-за больших очков. – Моя новая ассистентка уже на месте, и никого нет, чтобы ее встретить.

Улыбаясь, он пожал ей руку, затем не спеша отпер дверь своего кабинета и пригласил ее войти:

– Заходите, пожалуйста, мадемуазель Делакур! Извините, что вам пришлось ждать. Народ здесь чертовски растяжимо толкует термин «*sum tempore*»^[2].

Он пододвинул ей стул к заваленному бумагами и книгами столу, а сам с облегчением плюхнулся в кожаное кресло.

– Во всяком случае, добро пожаловать в нашу разгильдяйскую команду! С вами, я это чувствую, все непременно пойдет гораздо лучше. Разрешите предложить вам чашку кофе, пока мы будем дожидаться прихода мадам Борель? Это произойдет явно не очень скоро, – весело подмигнул профессор.

С этого момента сердце Нелли было отдано ему безвозвратно.

Такое, надо сказать, уже бывало с ней и раньше. В студенческие годы случалось, что ей мог приглянуться тот или иной из сокурсников. Но сейчас все было *по-настоящему*. У нее появилась *настоящая* работа. А профессор Бошан был *настоящий* мужчина – не какой-то влюбленный мальчишка, который дрожащей рукой пытался потрогать ее грудь, а сам даже не знал, как завязать разговор с женщиной.

Нелли выросла в семье, где мать была владелицей книжной лавки и, страстно увлекаясь своим делом, нередко оставляла манеж с младенцем возле набитых книгами полок, а сама, с головой погрузившись в чтение увлекательного романа, совершенно забывала о существовании своей малышки, между тем как дитя вместо игрушек мирно забавлялось с книжками, вытаскивая их с полки одну за другой. Так случилось, что Нелли с детства больше всего на свете любила книги. Вечера же она проводила на коленях у отца, инженера-строителя по профессии, человека с нежной и любящей душой. Но родители рано умерли, оба погибли одновременно в результате несчастного случая, об этой трагедии Нелли

никогда не вспоминала в разговорах. Неудивительно, что она влюбилась в такого мужчину – не молодого, но и не старого, высокообразованного, но не высокомерного и хорошо понимавшего женщин (наблюдая очевидные проявления этого качества со стороны, Нелли испытывала неприятное чувство ревности).

К счастью, профессор Бошан не был красавцем. К красавцам Нелли Делакур относилась с глубоким недоверием. Красавцы, как правило, бывают самовлюбленными эгоистами с пустой головой, оттого что все в жизни им дается слишком легко. А эта нескладная походка, боксерский приплюснутый нос и стиснутые узкие губы никогда не позволили бы ему завоевать премию в конкурсе красоты, но умные глаза и обаятельная улыбка делали их обладателя, так интересно и увлекательно рассказывавшего о Поле Вирильо и Жане Бодрийере, в глазах Нелли чрезвычайно притягательным.

В последовавшие затем недели Нелли незаметно навела справки о своем новом менторе: оказалось, он был женат один раз и один раз разведен, живет в районе парка Бют-Шомон, не имеет постоянной подруги и, как выяснилось, является большим поклонником Фрэнка Синатры. Ну что ж, для начала уже кое-что!

Дело в том, что Нелли знала все песни Синатры. Так вышло потому, что в детстве ей разрешали ставить все пластинки из папиной коллекции, и это было для нее всегда как награда и знак величайшего доверия. Бережно и сосредоточенно, как учил папа, чтобы не повредить нежную иголку, она опускала ее на виниловую пластинку и слушала тихое потрескивание, после которого раздавался бархатный голос Фрэнка Синатры. Это было подобно маленькому волшебству, от которого преображалось все в комнате. Забравшись с ногами в большое вольтеровское кресло, девочка с каштановыми кудрями смотрела, как танцуют родители под звуки «Somethin' stupid»^[3] или «Strangers in the night»^[4]. Тогда ее мир был еще в целостности и сохранности, и Нелли навсегда запомнила ощущение покоя и уюта, которое охватывало ее в те вечера, когда музыка и сгущающиеся сумерки окутывали ее шелковым коконом и она испытывала такое чувство безопасности, какого в дальнейшей жизни ей никогда больше не довелось изведать. Остались песни Синатры и смутная тоска, нападавшая на нее, когда она слышала эти песни.

И вот теперь она встретила человека, который, как и она, любил старого Фрэнка Синатру! Иногда Нелли воображала, как она будет танцевать с профессором под «Somethin' stupid», свою любимую песню. И это еще не все, что у них было общего! Фрэнк Синатра, старые фильмы с

Хамфри Богартом и Лорен Бэколл, его пристрастие к рыбному супу с острым соусом руй (это уж действительно нечто чисто бретонское!) и грушевому пирогу. А еще он больше любил море, чем горы; ему нравился испанский художник Соролья^[5] (тогда как все вокруг восторгались французскими импрессионистами!), а в те давние времена, до того как состоялось их знакомство, он купил в «Галерее 21» на Вогезской площади картину Лоранс Бост^[6]. (У самой Нелли был дома только каталог этой художницы. Но все же – какое невероятное совпадение!) То, что он клал в кофе со сливками ровно одну ложечку сахара, было еще одной, очередной, общей чертой. Ну и в довершение, конечно же, Вирильо! И хотя об этом философе, чей критический взгляд на мир времен постмодерна оказался ей так близок, Нелли впервые услышала на одной из лекций Бошана, она и в этом увидела знак судьбы.

В течение последних месяцев Нелли составила подробный «Список совпадений». Со всей несомненностью этот перечень доказывал, что они с профессором созданы друг для друга. В основе всех хороших отношений всегда лежат сходные предпочтения и интересы – так говорила еще ее бабушка-бретонка, а Клэр Делакур была умной женщиной с большим жизненным опытом, и Нелли всегда прислушивалась к ее мнению.

Нелли поправила почти соскользнувший с погончика осеннего плаща ремень своей тяжелой сумки, подтянув его повыше, и ее губы дрогнули в смешливой улыбке. Профессор Бошан наверняка очень бы удивился, если бы его скромная ассистентка выложила у него перед носом «Список совпадений». В сущности, все между ними было ясно, как нынешний парижский солнечный осенний денек, но хотелось бы знать, когда же наконец профессор признается ей в любви? Этот большой неуклюжий мужчина проявлял по отношению к ней такую душевность, что это постоянно давало девушке все новую пищу для бесчисленных романтических сценариев (к сожалению, всего лишь воображаемых), но ни разу Бошан не перешагнул границ приличия, за исключением разве что одного случая, когда он после летнего праздника задержал ее руку в своей, кажется, чуточку дольше, чем принято.

– У вас очень красивое платье, мадемуазель Делакур, совершенно прелестное! Вам очень идет, когда вы не так самозабвенно работаете, – сказал он тогда, прощаясь с ней перед очаровательным маленьким ресторанчиком «Роза Бонёр» в самой глубине парка Бют-Шомон, куда Бошан пригласил своих сотрудников отметить окончание семестра. – Поверьте мне, ни одна книга на свете не стоит того, чтобы ради нее

забывать о жизни. Выходите почаще из дома, чтобы развлечься!

Нелли радостно заулыбалась и смущенно перевела взгляд на цветные фонарики, развешанные среди деревьев; они создавали идеальную декорацию для романтической прогулки при луне. Но ей не хватило находчивости, чтобы придумать остроумный и дерзкий ответ, что-нибудь вроде: «Нужно ли понимать это как предложение, месье Бошан?»

Так поступила бы на ее месте Лорен Бэколл и обольстительным жестом подставила бы сигарету, чтобы он дал ей огня. Но у Нелли не было сигареты, она молчала как дурочка и только молилась, чтобы щеки не залились горячим румянцем. А потом вдруг взяла и ляпнула:

– Но мне правда очень нравится моя работа!

«Но мне правда очень нравится моя работа» – такие слова способны разрушить всякое очарование. Это просто наводит тоску. Не хватало только больших очков в черной роговой оправе! Злясь на себя, Нелли мысленно так и видела перед глазами пляшущих на радостях злобных гномиков.

Бошан тогда посмотрел на нее задумчивым взглядом.

– Иногда, глядя в эти красивые глаза, мне делается любопытно, какие мысли роятся там в глубине, за сетчаткой, – произнес он, посмеиваясь.

– Это мой секрет, – смущенно ответила Нелли и, понятное дело, сберегла его слова в памяти как драгоценное сокровище, чтобы, вернувшись домой, потом еще долго поворачивать их так и сяк, стараясь разгадать смысл.

А дальше она продолжала заниматься тем, что умела делать лучше всего: работала дольше всех (с трудом согласилась даже пойти в отпуск) и все ждала знака, который покажет, что настал решающий момент. Надеясь стать незаменимой, она постоянно была на месте и чувствовала себя совершенно счастливой, если в конце долгого рабочего дня, после того как все уже разошлись по домам, ей выпадал случай обменяться парой слов на неслужебную тему с Даниэлем Бошаном, который обеспокоенно спрашивал свою хорошенькую и до невозможности добросовестную молоденькую ассистентку, есть ли у нее вообще какая-то личная жизнь.

В отличие от многих нынешних людей, которые вечно торопят события, Нелли Делакур владела позабытым искусством ждать и не торопить события. Всему свой час, полагала она. Но одиннадцать месяцев три недели и пять дней сладостного ожидания даже ей представлялись уже вполне достаточным сроком, и сейчас, бредя вдоль берега Сены, она вдруг почувствовала, что нынешний день ознаменуется решающим поворотом. Профессор Бошан хочет о чем-то с ней *переговорить*. Нелли ощутила вдруг, как сердце в груди забилося сильнее.

Она была так погружена в свои мысли, что только в последний момент обратила внимание на сгрудившуюся возле моста Пон-Нёф толпу. Слышались восхищенные возгласы, прохожие зачарованно глазели вверх, запрокинув головы; на миг все словно замерли в прозрачном воздушном коконе, как будто над головами происходит какое-то чудо. Нелли заслонила от солнца рукой и, щурясь от света, посмотрела туда же и тут увидела: над рекой плыл по воздуху роскошный шар-монгольфьер; мерцая на солнце розовыми и золотыми красками, он бесшумно летел над Парижем.

Как чудесно, должно быть, вот так плавно лететь в небесной лазури, легко воспарив над землей, когда стоит только протянуть руку, и ты, словно любящее сердце, пустившееся в романтическое путешествие, коснешься облаков! На миг Нелли увидела себя летящей в вышине над городом. Затем вздрогнула и покачала головой.

– Я бы так никогда не смогла! – сказала она про себя, провожая взглядом воздушный шар, который вскоре исчез за горизонтом.

Хорошим, если верить в знаки судьбы, было то, что они помогали как-то ориентироваться в запутанной карте жизненных путей. Но плохо было то, что они отдавали вас на произвол ваших несовершенных решений, если вы ошибочно истолковывали эти знаки.

Она все испортила! Ей подвернулась неожиданная удача, а она все испортила. Целых пять дней вместе с профессором Бошаном, вдвоем с ним по ту сторону Атлантики! Из груди Нелли вырвался стон отчаяния, когда она, как оглушенная, на заплетающихся ногах шла назад по улицам Латинского квартала, а вокруг всюду маячили влюбленные парочки, которые шли рука об руку мимо кафе и ресторанов или бросали друг на друга влюбленные взгляды поверх бокалов с вином! Это было ужасно! Непереносимо! И словно всего этого еще мало, в конце улицы Жюльен-ле-Повр, неподалеку от книжного магазина «Шекспир и компания», стоял американский студент, который играл на гитаре и с чувством пел песню Синатры «Come fly with me»^[7].

«Let's fly, let's fly away...»^[8] Молодой человек с белокурыми кудрями весело раскачивался в такт мелодии и еще издали улынулся, увидев Нелли. Когда она подошла ближе, он вложил в следующие слова всю обольстительность, на какую только был способен: «Once I get you up there... I'll be holding you so near...»^[9] И тут он, этот белобрысый парень, подумать только, еще заговорщицки ей подмигнул, сопроводив слова «up there» выразительным покачиванием бедрами. Нелли сердито сверкнула на него глазами и, проходя мимо, чуть было не пихнула ногой футляр от гитары, в котором уже лежало несколько монет и бумажек.

«It's such a lovely day...»^[10] – громко пропел ей в спину уличный музыкант, чуть не свернув себе шею вслед удаляющейся красоте в осеннем плаще с погончиками, которая, высоко вскинув голову и распрямив плечи, направилась в близлежащий парк и села там на скамейку. Некоторое время Нелли неподвижно смотрела на свои синие туфли с ремешком. Затем пробормотала:

– Кто бы мог такое подумать!

Час назад она сидела в кабинете профессора Бошана, и он с улыбкой объявил, что имеет на нее некоторые виды:

– Я знаю, что это предложение застает вас врасплох, но...

У Нелли вдруг пересохло во рту.

– Да?

– Я подумал, не согласитесь ли вы поехать со мной на философский конгресс в Нью-Йорк? Сабине Марсо, с которой мы об этом договаривались, помешали неожиданно возникшие обстоятельства. Кстати, тема, о которой там пойдет речь, – Вирильо и новейшие техники мгновенной интерактивности, и я читаю там доклад «Где я, если я нахожусь всюду». Это, наверное, должно представлять для вас интерес в связи с вашей дипломной работой...

Какое огорчение для Сабины Марсо, зато для меня какая удача!

Нелли едва сдержалась, чтобы громко не закричать от радости. В голове закружился рой мыслей. Вот он, нужный момент, счастливый случай, которого она ждала все это время!

– Но это же... Это же...

Она покраснела от радости и уже собиралась выразить восторженное согласие, как вдруг вспомнила одну вещь, от которой ее счастье лопнуло точно мыльный пузырь.

Съездить в Нью-Йорк означало *лететь* в Нью-Йорк самолетом. Маловероятно, чтобы профессор Бошан планировал морское путешествие на лайнере «Королева Мэри». А полеты были единственным, на что Нелли никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах не могла согласиться. Даже ради Даниэля Бошана она не взойдет на борт самолета. Сколько Нелли себя помнила, она всегда страдала ужасным страхом перед самолетами – и у этого были свои причины (хотя, надо признать, и несколько странные). Страх перед самолетами был ее тщательно скрываемой тайной, истоки которой коренились в детских воспоминаниях. Нелли ужасно стыдилась этого страха. Она ни за что бы в нем не призналась, тем более перед этим замечательным человеком, на которого она так хотела произвести впечатление. Страх перед самолетами смешон и постыден. Он ставит ее в дурацкое положение. В наше время все летают. Даже Поль Вирильо, сказавший однажды, что изобретение самолета равнозначно изобретению авиационных катастроф (что очень понравилось Нелли), наверняка как ни в чем не бывало летал себе на реактивных самолетах по всему свету, чтобы читать лекции о теории скорости и аварий. Даже ее бабушка Клэр, впервые севшая в самолет после смерти мужа в возрасте пятидесяти семи лет, нашла этот способ передвижения замечательным. «Не успеешь кашлянуть, и ты уже в Италии. Ах, Италия! Как вспомнишь, сколько времени потребовалось нам с твоим дедушкой, чтобы добраться до Рима на машине...»

Хотя Клэр была родом из Финистера^[11] в Бретани, она просто обожала

юг. Как, бывало, загорались ее глаза, когда она вспоминала об Искии, Амальфитанском побережье, Неаполе или Венеции! В такие мгновения Нелли узнавала в ней ту молодую светловолосую женщину в юбке в горошек и остроконечных туфельках на шпильке, которую она видела только на старых фотографиях.

Нелли смущенно заерзала на стуле перед столом, за которым сидел профессор, и повертела старинное гранатовое колечко на среднем пальце, которое торчало там, как малинка, и которое она получила в подарок от бабушки на свое двадцатилетие. Клэр, одна из немногих, кто знал про ее страх перед самолетами, протянула его ей со словами: «От души желаю тебе, детка, встретить однажды человека, с которым ты не побоишься летать».

Уже потом, много времени спустя, Нелли обнаружила выгравированные на кольце полустершиеся слова: «AMOR VINCIT OMNIA».

Любовь все побеждает.

Может быть, любовь действительно все побеждает и даже учит тебя летать, но все, что летает, может упасть, подумала тогда Нелли. Тогда она еще даже не знала теорий Поля Вирильо. Но старинное гранатовое кольцо из бабушкиной шкатулки стало ее счастливым талисманом, и она его почти никогда не снимала.

И вот она сидит перед своим профессором, приветливые слова которого доносятся до нее словно сквозь вату, и чувствует, как при одной мысли о том, что надо лететь из Парижа в Нью-Йорк и *провести несколько часов без твердой почвы под ногами*, у нее кружится голова.

– Думаю, что мы еще успеем переоформить заказанные билеты, – произнес в это время Бошан. – Ну, что вы на это скажете, мадемуазель Делакур? Составите мне компанию? Мне это было бы очень приятно.

– Мм... Д-да, – промямлила Нелли, листая с несчастным видом свой еженедельник. – И когда именно это нужно?

– В среду через две недели.

– Ах... Ну да... – Опустив голову, Нелли продолжала перелистывать страницы. – Боюсь... Боюсь только, что это, к сожалению, невозможно, потому что... В это время никак не получится...

И затем она наплела профессору довольно путаную историю про свою кузину Жанну, которой она как раз на упомянутую неделю обещала позаботиться о ее собачке, потому что кузина ложится в больницу и ей предстоит операция на коленном суставе («Это мениск, очень неприятная штука!»), поэтому, мол, очень важно, чтобы ее твякающая питомица Лула

была на это время пристроена в надежные руки.

– Видите ли, я ей уже обещала и не могу так вдруг все отменить! – Нелли и сама слышала, как в ее голосе зазвучали истерические нотки. Она откашлялась и попыталась снова перейти на нормальный тон. – Что поделать! Лула вообще с причудами. Она чихуа-хуа. Знаете эту породу? Уж если Лула кого невзлюбит, тому с этим дрянцом вообще не справиться. Меня она, к счастью, признает. И поэтому... Так что я не могу, и я очень сожалею!

Тут Нелли закрыла свой еженедельник и молча подняла взгляд на профессора. В этой наспех придуманной истории была доля правды. Кузина, которая была на шесть лет старше Нелли, уже давно переехала в Париж. Она благополучно жила в районе Сен-Жермен, с коленями у нее все было в порядке, и она была хозяйкой небольшого кафе под названием «Друзья Жанны», куда Нелли с удовольствием сводила бы профессора, потому что фирменным блюдом там был вкуснейший грушевый пирог с лавандой. («Груши – еще недооцененный продукт», – приговаривала Жанна, доставая из духовки очередной ароматный пирог.) Что до Лулы, то она была миролюбивой собачкой, которая свободно помещалась в дамской сумочке.

– Гм, – произнес Бошан и растерянно посмотрел на свою ассистентку, которая сидела перед ним красная, как свекла, и явно очень взволнованная.

Затем он снова заговорил, стараясь ее успокоить:

– Не беспокойтесь, мадемуазель Делакур! Я предложил вам на всякий случай, но если у вас не получится, в этом нет ничего страшного. Наверняка найдется кто-нибудь другой, кто сможет поехать. – Профессор откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и улыбнулся. – А маленькому дрянцу Луле здорово повезло заполучить такую симпатичную няньку. Хотя, конечно, очень жаль, что так получилось.

– Да, очень жаль, – упавшим голосом повторила Нелли.

Послышался звон колоколов Нотр-Дам, и Нелли, которая все еще сидела на скамейке, глядя себе под ноги, уже в который раз спросила себя, как может женщина с таким великим именем оказаться такой неудачницей! Ибо Нелли, которую на самом деле звали Элеонорой, как это ни печально, не стала такой же волевой и бесстрашной, как знаменитая Элеонора Аквитанская, в честь которой была названа, потому что ее мать во время своей беременности увлеченно читала биографию этой выдающейся королевы. Маленькая Элеонора, как это вскоре выяснилось, к великому огорчению ее матери, оказалась скорее робкой, чем храброй, и

скорее чувствительной, чем волевой, она пошла совсем не в ту породу решительных бретонков, какими были прежние представительницы семейства Делакур. *Элеонора!* Ну как могла мама с ней так нехорошо поступить! Нелли сердито отшвырнула ногой какой-то камешек. Это имя она ненавидела с детства, предчувствуя, что никогда не сможет до него дорасти. В то время как крепко сбитые кузины с визгом кидались в волны бретонского прибоя, маленькая Элеонора пряталась от накатывающихся на берег волн подальше в дюнах. Если за столом кто-нибудь вдруг скажет что-то не так, она убегала и запиралась у себя в комнате. В ранней юности она обижалась из-за пустяков. А в тринадцать лет избавилась от завещанного матерью имени, сменив его на уменьшительное Нелли.

Нелли хорошо помнила те вечера, когда она, сидя на бархатном синем диване с потертой обивкой, который стоял на кухне сложенного из местного песчаника дома с лиловыми ставнями, делилась с бабушкой крупными и мелкими горестями, от которых ей тяжело было на сердце. Клэр Делакур терпеливо слушала ее, стоя у огромной плиты, которую тогда еще топили углем, и пекла сладкие блинчики с шоколадным и миндальным соусом, от которых по кухне распространялся замечательный, утешительный аромат. У Клэр всегда находился для любимой внучки хороший совет. «Деточка, – говорила она (для нее взрослая Нелли и в двадцать лет все еще оставалась деточкой), – деточка, не надо принимать все так близко к сердцу. Иначе тебе трудно придется в жизни. – Чтобы ободрить внучку, она ласково гладила ее по голове. – Нельзя быть такой мимозой, Нелли. Будь лучше розой».

Нелли сидела на скамейке, вертела гранатовое кольцо на пальце, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Как бы она хотела быть розой! Но она была не Скарлетт О' Хара, а всего лишь Нелли – трусиха, которая боится летать. По щеке у нее скатилась слеза, и вдруг перед глазами у нее появилось что-то белое. Это был носовой платок.

Нелли вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял, опершись на футляр с гитарой, белокурый уличный музыкант и, склонив набок голову, глядел на нее с сочувственным выражением.

– Why are you so blue, mademoiselle?^[12] – спросил он. – Такой хорошенький девушка, как вы, не должен быть такой грустный! – И, указывая на скамейку, добавил: – Можно?

Нелли взяла протянутый платок и кивнула. Иногда в жизни случаются такие обстоятельства, когда принять помощь от добросердечного уличного музыканта становится чем-то естественным.

– Well... What happened? Что случилось? Вы так горестно на меня посмотрели, когда промчал мимо.

Нелли невольно улыбнулась.

– Промчались, – поправила она.

– Yeah...^[13] Промчались, – засмеялся музыкант. – Боже мой, на секунда я даже боялся, что вы ступит на футляр от гитары. – Он скорчил забавную гримасу, его глаза весело блеснули. – Неужели я так плёко пел, что вы даже заплакал, а?

Нелли решительно вытерла глаза и помотала головой.

– Hell^[14], по крайней мере, я рад, что не из-за меня вы так огорчились, мадемуазель.

Сейчас было самое время встать и с достоинством удалиться. Но Нелли осталась сидеть.

– Вы летаете? – спросила она неожиданно, все так же глядя себе под ноги.

– Это в смысле... на... э-э-э, – он взъерошил свои густые волосы, – в смысле на самолете? Sure...^[15] Я не приплыл через Атлантический океан. А вы что думал? – Он широко улыбнулся.

Нелли покивала головой, потом обернулась к нему.

– Вы хоть понимаете, как это *опасно*? – сказала она, понизив голос и многозначительно посмотрев ему прямо в глаза. – Изобретение самолета равнозначно изобретению авиакатастроф.

– Ну, это... – Он равнодушно пожал плечами. – Жизнь вообще – штука опасный. No risk, no fun!^[16]

– А я, знаете ли, не летаю. Ни за что бы не согласилась! Ни за какие коврижки!

Он посмотрел на нее внимательным взглядом.

– И это вас сейчас мучит, да? – спросил он, удивленно подняв брови.

«Видимо, кто-то его научил добавлять по-французски в каждом вопросе словечки „да“ или еще что-то в этом роде», – подумала Нелли, затем откинулась на спинку скамейки и глубоко вздохнула.

– Я могла бы полететь в Нью-Йорк... Но пришлось отказаться. Видите ли, я никогда ни за что не сяду в самолет... А теперь ругаю себя.

Она снова толкнула носком туфли подвернувшийся камешек.

– Эй! Не надо огорчаться, мадемуазель! No worries!^[17] И вообще – для чего вам в Нью-Йорк, я ведь здесь! – пошутил он.

Нелли не откликнулась на его игривое замечание.

– Но я бы отправилась туда с человеком, который мне очень, очень

нравится, понимаете?

– А этот... человек – он знает, что вы боитесь летать?

– Нет! – На лице Нелли отразился ужас. – Он не должен об этом узнать.

– Oh... well!^[18] – Уличный музыкант на секунду задумался. – А если поупражняться на авиасимуляторе? – предложил он.

– Поздно, – ответила Нелли. – До полета осталось всего две недели. – Она немного помолчала. – И теперь профессор Бошан, наверно, возьмет в Нью-Йорк другую сотрудницу, – пояснила она. – А мне бы так хотелось его сопровождать!

– Это очен обидно, – сказал уличный музыкант и сочувственно дотронулся до ее плеча.

– Ирония судьбы, – сказала Нелли. – Между прочим, у Вирильо сказано, что в самолете человек утрачивает местоположение в пространстве, а все это ускорение, достигаемое благодаря средствам передвижения и телекоммуникациям, которое перманентно испытывает на себе человек, ведет к разрушению реальности.

– О-о-кей... – протянул уличный музыкант, который не понял ни слова. – А этот Вирильо – он вам тоже небезразличен, да?

– Нет. – Нелли задумалась. – То есть в смысле как мужчина.

– Тогда как друг? – продолжал выяснять музыкант. – Как в «Гарри и Салли»?^[19]

Нелли вздохнула:

– Послушайте, я с этим человеком вообще не знакома. Если бы познакомилась, то, может быть, мы стали бы друзьями. Но точно не так, как в фильме «Гарри и Салли». Вирильо – это просто человек, которого я очень уважаю как мыслителя. Понимаете? Он – дромолог.

– Дромо... кто?

Нелли снова откинулась на спинку скамейки и устремила мечтательный взгляд на башни собора Нотр-Дам, высившиеся на фоне безоблачного неба несокрушимо, как крепостная твердыня.

– Дромолог, – повторила она.

– Oh, wow! Вот это да! Просто сьюпэр! И чем же занимается этот ваш дромолог?

– Он занимается ускорением и тем, какое воздействие оно оказывает на человеческий род.

– Cool!^[20] – восхитился уличный музыкант. – Он провел рукой по светлой трехдневной щетине и, судя по выражению лица, серьезно

задумался. – О дромологах, знаете, я никогда еще не слышал. Много их тут во Франции? – Он произнес это так, словно речь шла о какой-то редкостной разновидности вымерших ящеров, занесенной в Красную книгу, и Нелли невольно расхохоталась:

– Нет, по всей вероятности, не много. Но это не профессия, а скорее особое мировоззрение. Поль Вирильо – выдающийся французский философ и критик, и он, так сказать, изобрел дромологию. Поэтому он называет себя дромологом.

– Поньял, – сказал американец, и это была чистейшая ложь. Сложив губы дудочкой, он покивал, прежде чем вновь вернуться к первоначальной теме разговора. – Но при чем тут профессор, который хотел летать с вами в Нью-Йорк? – приступил он к расспросам. – И что, дромолог тоже туда летит?

Нелли мысленно застонала от его непонятливости. Она совершила ошибку, вступив в разговор с простоватым американским бардом, который о философских теориях имел такое же представление, как Нелли об управлении самолетом. Это была минутная слабость. Разговоры с незнакомцами ни к чему хорошему не приводят.

Она выпрямилась и небрежно махнула рукой:

– Ах, забудьте об этом! Слишком сложные вещи. Не буду вам больше надоедать, и вообще, мне пора идти.

Она встала и разгладила помятый плащ.

– Нет, что вы, совсем не пора! – Он тоже торопливо вскочил, заслонив своей двухметровой фигурой вид на Нотр-Дам. – Вы же остановились на самый интересный место, ведь так? Пожалуйста, расскажите мне подробнее!

– Я же вас совсем не знаю!

– Я – Шон, – одарил он ее обезоруживающей улыбкой. – И я очен люблю сложные истории. Знаете, как говорят у нас в Мэне?

Нелли мотнула головой:

– Нет, не знаю. А как говорят у вас в Мэне?

– В жизни вообще все непросто. Life is trouble. Only death is not, you know^[21]. – Шон перекинул через плечо футляр с гитарой и протянул ей крепкую мужскую руку. – Пойдемте что-нибудь выпьем! – Он смотрел на нее с улыбкой во все лицо, а заметив ее колебание, добавил: – Да пойдемте уж. У нас в Мэне говорят еще, что нельзя бросать несчастную женщину одну, пока она снова не будет улыбаться.

Нелли закусила губу:

– Очень остроумно! Уверена, что вы только что это придумали!

Через пятнадцать минут они уже сидели за столиком у «Друзей Жанны». Нелли, недолго думая, привела своего нового знакомого через запутанные улочки Латинского квартала к заведению кухни, которое располагалось в переулке рядом с улицей Бюси и занимало помещение размером с комнату обыкновенной квартиры. Жанна стояла за стойкой из темного полированного дерева и была немало удивлена, увидев в дверях Нелли со спутником двухметрового роста. Войдя, они направились к столику в самом дальнем углу.

– Mon Dieu^[22], где это ты подцепила такого парня? – громким шепотом обратилась к кухне Жанна, когда Шон отошел к витрине, где были выставлены пирожные и другие десерты. – Этот для разнообразия выглядит очень даже ничего!

– Да нет, скорее уж это он меня подцепил, – мгновенно отпарировала Нелли, метнув тревожный взгляд в сторону витрины. – И пожалуйста, Жанна, не надо так громко орать!

Жанна невозмутимо поставила на круглый столик две большие чашки кофе со сливками:

– Да ладно тебе! Я же шепотом.

– Шепотом ты вообще не умеешь.

– Ах, благодарю, мадемуазель Комильфо! – Широко улыбаясь, Жанна поправила выбившуюся из прически прядь. Ее густые белокурые волосы были уложены на затылке большим, пышным узлом, который держался на одной резиночке.

В отличие от Нелли, у рослой Жанны не было недостатка в видных кавалерах. Ей бы и в голову не пришло забраковать мужчину только за то, что он хорош собой. Напротив, для нее мужчиной мог считаться только тот, кто был ростом не меньше чем метр восемьдесят.

– Я сама высокая, так что мне глупо было бы с гномиками водиться. Пускай уж они останутся Белоснежке. И что это вообще за разговор – «он слишком красивый»? Выдумаете тоже! Не бывает такого, как ты говоришь: «чересчур хорош» или «чересчур богат», это как здоровье или как вкусненькое – их тоже не бывает чересчур.

Критерии, которыми руководствовалась Жанна, были очерчены достаточно четко. На каждой вечеринке она с полным бокалом шампанского целеустремленно направлялась в сторону самого видного

мужчины в компании и развлекалась на всю катушку. Взгляды младшей кузины на этот счет представлялись ей более чем странными.

– У тебя, голубушка, предрассудков немерено. Ты это хоть сама сознаешь? – говорила она всякий раз, когда речь заходила о мужчинах. И в отличие от Нелли, Жанна часто заводила такие разговоры. – Зачем тебе непременно нужен лысый урод, когда можно найти Адониса?

– Не было у меня никогда лысых уродов, – обиженно возражала ей Нелли. – А зачем тебе дурак, когда можно найти умного? Никак ты боишься умных мужчин?

– Да ну тебя! Одно другого не исключает, – говорила Жанна, очевидно полагавшая, что все мужчины умные, даже те, которые наделены от природы лучистыми глазами, прямым носом, твердым подбородком, густыми волосами и атлетическим телосложением. – Знаешь, Нелли, у меня на этот счет совсем другая теория! – добавляла она, блестя зелеными кошачьими глазами.

– И какая же?

– Ты боишься красивых мужчин, потому что не веришь в себя, *c'est tout!*^[23]

– Ой, ну что бы я делала без твоей доморощенной психологии?

– Вот и я себя часто об этом спрашиваю!

Хотя относительно мужчин они придерживались разных взглядов, Нелли в глубине души была рада, что в лице землячки-кузины, с которой они были знакомы с детства, у нее есть близкий человек, к которому всегда можно прийти. В огромном Париже Жанна была для нее частью малой родины, и Нелли любила заходить в ее уютное кафе, причем не только ради грушевого пирога, которым в детстве по воскресеньям баловала девочек бабушка.

Жанна всегда была весела, и ничто не могло выбить ее из колеи. И Нелли было приятно знать, что рядом есть человек, который, даже если наступит конец света, устоит среди всеобщего разрушения, как скала в волнах прибоя.

Хотя сейчас она предпочла бы, чтобы Жанна не торчала так упорно в своем длинном зеленом фартуке возле ее столика, дожидаясь, когда за него сядет американец, который как раз отошел от витрины и направился к ним.

– Ну как? Что-нибудь выбрали, месье? – спросила Жанна, одобрительно оглядев Шона, который усаживался за стол, пытаясь поудобнее примоститься на маленьком стульчике.

– Ваши пирожные выглядят так аппетитно, что трудно выбрать, – произнес Шон на ломаном французском. – Но я подумал, что нужно взять

грушевый пирог – или, может быть, правильно будет *грюшевый*? Такого я еще никогда не поглещал...

Кузины переглянулись, и обе прыснули.

– Непременно попробуйте, месье, он хорошо поглощается. Этот грушевый пирог с лавандой – наше фирменное блюдо. Удачный выбор! – Жанна довольно улыбнулась, и Нелли уже заранее знала, что она скажет дальше. – Я всегда говорила: груши – еще недооцененный продукт.

Нелли выразительно закатила глаза.

– Кстати, я – Жанна. Но кузина, наверно, вам это уже сказала, – объявила Жанна, сходяв за пирогом и поставив на стол две большие порции.

– Да, конечно... да! – Шон улыбался светловолосой хозяйке кафе, высившейся над ним подобно темно-зеленому маяку, и в своем стремлении сказать ей что-то приятное даже перестарался. – Вы совсем не покожи на кузин! – пошутил он.

Ложечка в руке у Нелли опустилась на мягкую печеную грушу, которая золотистым холмиком проступала из-под густого слоя сбитых сливок.

Всякому человеку с нормальным зрением было видно, что между ней и Жанной сходство весьма условное!

– Вас можно принять за сестер! – воскликнул он и снова заулыбался.

Нелли чуть не подавилась.

– Неужели у вас в Бретани все женщины такие красивые? Тогда надо скорей ехать туда!

Шон засмеялся. Жанна засмеялась. Нелли посмотрела на них и положила в рот новый кусочек пирога.

– Не все, – ответила наконец Жанна и бросила на Нелли выразительный взгляд, говоривший, что она оценила шутку американца. – Так что оставайтесь лучше в Париже!

Она заботливо поправила на столе тарелочку Шона и кофейную чашку, чтобы они удобнее разместились на маленькой мраморной столешнице. Затем опять обернулась к Нелли:

– Не хочешь представить мне своего нового друга?

Нелли проглотила кусок, который был у нее во рту, но не успела она заговорить, как американец вскочил, толкнув при этом столик, так что стоявшие на нем большие белые чашки с зеленой каймой угрожающе зашатались.

– О, простите, простите! – воскликнул он. – Как невежливо с моя сторона! Мне давно надо было представиться. Я Шон. Шон О’Малли.

– Жан? – обрадовалась Жанна. – Значит, вас зовут так же, как меня.

– Его зовут не Жан, а Шон, – вступила в разговор Нелли, решив, что ее кухне, которая всегда была склонна делать себя центром внимания, пора бы уже удалиться на свое место за стойкой.

– Yeah, Шон, – подтвердил Шон, и в его произношении это действительно прозвучало почти что как «Жан». – Я живу в Мэне, но моя семья родом из Ирландии. Мы с вашей кухней только что познакомились на скамеечке в парке. Она была такая... – И тут он ошарашенно замолчал, получив чувствительный пинок под столом, несомненно нанесенный синей туфелькой с ремешком.

– Шон интересуется Полем Вирильо, – быстро вмешалась Нелли.

Надо было срочно остановить Шона, чтобы он в своей простодушной раскованности не выболтал что-нибудь лишнее, чего совершенно необязательно было знать Жанне, потому что Жанна Делакур была не в курсе того, какие высокие чувства питает младшая кузина к своему профессору. Пускай это так и останется до тех пор, пока положение дел не изменится таким образом, что будут исключены любые неподобающие высказывания. Хотя имя Бошана уже не раз возникало в разговорах кузин – его упоминания было трудно избежать, поскольку Нелли у него работала, – сама она сознавала, что уважаемый профессор далеко недотягивает до того, чтобы его можно было причислить к десятке самых сексуальных мужчин на свете. С Жанной они виделись только один раз, эта случайная встреча произошла летом, когда кузина как-то вечером зашла за Нелли в Сорбонну. Но обаятельный Бошан, как и следовало ожидать, не произвел на Жанну особенного впечатления. «Что-то с виду не скажешь, что ему только тридцать пять лет, правда? – сказала тогда Жанна, и это было единственное замечание, которое она сделала, когда они, выйдя из университета, спускались по ступеням. – Он, кажется, хромает?» Было бы напрасной тратой времени объяснять прозаической Жанне, почему ей все в Бошане кажется необыкновенным – даже его покачивающаяся походка, про которую Нелли никогда бы не сказала, что это хромота.

– Вирильо? – Брови Жанны вопросительно изогнулись. Затем она как будто вспомнила, что уже однажды слышала это имя. Как-никак Нелли, начав писать дипломную работу, только о нем и говорила. – А-а-а, *Вирильо*! Да, моя кузиночка занимается очень мудренными вещами – она у нас всегда была самая умненькая в семье. А что, Жан, вы тоже занимаетесь философией?

Шон в ответ энергично замахал руками.

– О нет... нет! – запротестовал он. – Просто мне это кажется очень интересным. Я только что получил инженерный диплом, но сейчас я

решил сделать a break^[24] и путешествовать по Европе с гитарой. Я неплохо пою, правда? – Он постучал по прислоненному к стулу футляру, в котором лежала гитара, и подмигнул Нелли. – Но я всегда стараюсь – как это называется – расширить свой кругозор.

– Ну, так я не буду вам мешать, – с улыбкой сказала Жанна, и Нелли по лицу кузины ясно увидела, что та при этом подумала: высокий, видный (!) мужчина, который не только получил инженерное образование и прилично говорит по-французски, но еще и с музыкальным талантом, общительный и вдобавок интересуется философией!

«А что я говорила!» – читалось в ее взгляде, который она бросила, прежде чем отойти от столика в самом дальнем углу, оставив Нелли и Шона наедине.

Шон съел кусочек грушевого пирога, отпил немного кофе из чашки, затем перегнулся через столик и, понизив голос, с нетерпением попросил:

– So^[25]. Теперь, когда нас не слушает ваша кузина, расскажите мне о дромологии. – И, подмигнув, добавил: – Так что там была за запутанный история между этим Вирильо, летающим профессором и вами?

Сколько себя помнила Нелли, ее всегда мучили страхи. Страх, что за занавеской прячется какой-нибудь злоумышленник, страх перед темнотой, страх, если кто-нибудь запаздывает, страх, что ее бросят одну, страх, что она не справится с порученным делом, страх застрять в лифте, страх, если среди ночи вдруг зазвонил телефон, страх, что кто-нибудь вдруг заболит, страх, что нахлынет гигантская волна и все утонут, страх, что случится что-то ужасное.

Жизнь казалась чем-то ненадежным и не располагала к спокойствию. С ранних лет Нелли поняла, что люди со всеми своими мечтами, стремлениями и надеждами ходят в этой жизни по тонкому льду, и в любой момент, когда все, казалось бы, идет замечательно и великолепно, когда ничто не предвещает беды, лед может неожиданно под тобой проломиться.

Поэтому нужно все время быть начеку, никогда не расслабляться, потому что жизнь устроена так, что, пока ты смотришь в окно, ничего не происходит, но достаточно на минутку отвлечься, как тут же все и случится.

Как тогда, когда она восьмилетней девочкой помахала родителям, которые с двумя чемоданами в радостном отпускном настроении садились в старенький папин «ситроен», чтобы лететь на остров с названием, словно взятым из сказки. На остров, где, как рассказывала мама маленькой дочке, воздух пахнет мускатным орехом, а белый песчаный берег окаймляют высокие пальмы, за которыми простирается море, совсем не такое, как наш серо-голубой, тяжело вздымающийся Атлантический океан. Оно светлое и теплое, мерцающее, как сапфир, и такое прозрачное, что ты видишь, как вокруг твоих ног плавают рыбы, расцвеченные всеми цветами радуги.

Занзибар.

Мама много лет уже мечтала посетить этот остров, и Нелли редко доводилось видеть ее такой счастливой и возбужденной, как в это утро.

– Господи, я в самом деле лечу на Занзибар! – воскликнула она, сев в ярко-голубой «ситроен» и обернувшись на прощание к дочери, которая нетерпеливо махала родителям рукой из окна детской комнаты.

Но в Занзибар они так и не полетели, и Нелли никогда больше не суждено было увидеть голубой «ситроен». А также родителей.

И все это только из-за ее недосмотра! Наверное, надо было подольше

постоять тогда у окна. Пока машина не исчезнет из вида на длинной прямой дороге, которая вела из города. Наверное, надо было мысленно следовать за родителями. А Нелли вместо этого отвернулась и, напевая песенку, сбежала вниз по лестнице, потому что ей не терпелось поскорее опробовать с подружкой Камиллой новые качели, которые папа утром установил для них в саду. По ее недосмотру родители даже не доехали до Парижа. По пути в аэропорт им навстречу выехал большой грузовик с усталым водителем, его вынесло на встречную полосу, и огромная фура смяла голубую легковушку, как игрушечную.

С этого рокового дня слово «летать» приобрело для Нелли страшный привкус опасности и смерти. Мир внезапно необратимо переменялся, а восьмилетняя девочка получила неизлечимую психологическую травму, которая породила в ее уме нелепое убеждение, будто бы ужасное несчастье произошло потому, что ее родители собирались лететь на самолете, притом что никакой катастрофы не было, а мадам и месье Делакур даже не ступили на борт самолета. Детская логика порождает иногда странные представления, от которых человек потом не может избавиться всю жизнь.

Многие годы спустя, когда Нелли наконец поняла, что ее родители погибли вовсе не в авиационной катастрофе, сама мысль о том, чтобы сесть в самолет, продолжала вызывать у нее приступ панического страха, и Клэр, которая после смерти родителей взяла девочку под свое крылышко, могла сколько угодно объяснять ей, что в голове у нее, очевидно, произошло неправильное соединение двух синапсов и на самом деле гораздо логичнее было бы бояться не самолетов, а машин (ездить в машине Нелли не боялась), – все было напрасно. Сколько бы Жанна ни твердила ей про статистику, согласно которой авиасообщения объявлялись самым безопасным видом транспорта, Нелли оставалась при своем мнении. Среди всех страхов Нелли самым сильным, по-видимому, был страх полетов. С течением времени этот страх превратился в сознательную установку, которую Нелли не афишировала, так как стеснялась своей авиафобии, притом она старательно избегала расспросов о том, почему не летает на самолете, поскольку это неизбежно привело бы к разговору о самой большой катастрофе в ее жизни.

Она упорно держалась своего принципа никогда не летать, настаивая на этом даже с чувством некоторого превосходства, как будто это означало принадлежность к узкому кругу избранных людей, обладающих особым знанием, которое отличало их от подавляющего большинства варварских представителей Нового времени. Находиться в битком набитом летательном аппарате, где люди сидят как сельди в консервной банке, с

точки зрения Нелли, было так же противно человеческой природе, как и вообще передвижение по воздуху. С какой стати, скажите на милость, человеку вообще отрываться от твердой почвы под ногами? Если уж путешествовать, то как Марко Поло: ездить сухопутным и водным транспортом. Человек не предназначен для полета, и это видно хотя бы по тому, что он рождается не с крыльями, а с руками. С руками, у которых, в отличие от крыльев, есть то преимущество, что ими можно кого-то обнять, чего не способна сделать никакая птица.

Сама того не сознавая, Нелли делала из недостатка достоинство. Она никогда ни с кем не делилась подробностями той огромной беды, которая черной тенью накрыла ее жизнь. Она только говорила, что ее родители, к сожалению, умерли рано и она выросла у бабушки, а если у кого-то хватало бестактности продолжить расспросы, она одним выразительным взглядом своих потемневших, как дождевая туча, глаз останавливала любопытных, сказав только, что не любит об этом вспоминать. И только два человека знали о ее страхе перед полетами: ее бабушка Клэр и кузина Жанна.

Оказавшись в восемнадцать лет в Париже и поступив в университет, где она в качестве главных предметов выбрала итальянский язык и философию, она, к своему удовольствию и, признаться, с некоторым чувством удовлетворения, узнала, что есть такой французский философ и критик, который, хотя и в несколько другом контексте, чрезвычайно скептически относится к самолетам. Этим человеком был Поль Вирильо, и его учение о «дромологическом застое» сразу же показалось ей весьма убедительным.

Она наизусть запомнила поразившую ее первую фразу, с которой профессор Даниэль Бошан начал свою лекцию о Поле Вирильо: «Скорость света – непригодна для обитания».

Нелли тогда была на втором семестре обучения и как губка впитывала в себя новые знания. Аристотель, Руссо, Кант, Вольтер, Декарт, Кьеркегор и Сартр – все они пытались докопаться до смысла жизни, но то, что она услышала сейчас, на этой лекции, имело отношение лично к ней. В лице Вирильо она обрела единомышленника, поборника медленного темпа, который в своей теории скорости и катастроф резко критиковал ускорение современного мира. Но лучше всего было то, что самолеты для Вирильо – это объекты, лишённые местоположения, потому что человек в них не может себя «локализовать» и тем самым теряет ориентацию. Ему принадлежало и замечательное высказывание, что с появлением самолета неразрывно связано и появление авиакатастроф. Нелли чуть не закричала «ура», когда Даниэль Бошан процитировал эти слова философа.

Человек представляет собой пространственно-временное существо, которое в постоянно ускоряющемся мире все более утрачивает жизненное пространство. Вирильо рассматривал это как угрозу для человека, так как в результате он утрачивает и связь с землей. Человек нуждается в конкретном месте, чтобы там закрепиться, подобно тому как дерево, чтобы существовать, должно быть укорененным в почве.

Нелли кивала и еле успевала записывать в тетрадь все новые мысли, которые она слышала. Она жадно ловила каждое слово профессора, приступившего к изложению учения о «дромологическом застое». Слово «дромология», очевидно, изобрел сам Вирильо, составив его из греческого *dromos* (беговая дорожка) и *logos* (наука). Этим словом он именовал теорию скорости, ее возникновения и влияния на человека.

Вирильо исходил из того, что первоначально человек двигался в естественно присущем ему темпе. Тогда мир был еще, так сказать, в порядке. Но с изобретением паровой машины и началом революции в средствах сообщения человек пустился наперегонки с самим собой, пока не достиг скорости света, с которой в век цифровых коммуникаций происходит передача электронных сообщений и информации, то есть такой скорости, которая самому человеку недоступна. Так где же находится человек, когда он присутствует сразу в двух местах? Локальная самоидентификация становится, согласно Вирильо, все более эфемерной, а конкретное географическое местоположение все более подменяют собой время и скорость, с которой человек преодолевает расстояние. Но так как во времени и скорости невозможно «локализоваться», это неизбежно приводит к отчуждению от действительности и ее виртуализации. Человек все больше превращается из действующего лица и автомата, еще знающего, что он делает, в теледействителя, перемещающегося даже не в физическом средстве передвижения – например, самолете, – а в виртуальном теле, в котором он преодолевает пространство, не сходя с места. Путешественник без пути, пассажир без рейса.

Самое же странное и замечательное во всем этом было следующее. Чем более в той пространственно-временной структуре, в которой на протяжении тысячелетий протекала жизнь человека, усиливался сдвиг в сторону времени, то есть чем более ускорялся окружающий мир, тем менее доступным он был для восприятия и тем статичнее становился сам человек. Благодаря автомобилю он стал мобильнее, чем когда-либо прежде, однако не двигается с места, застряв в пробке; сидя дома за компьютером, он со скоростью света передает электронные сообщения в Америку вместо того, чтобы поговорить с соседом на своей улице; он

сидит, поджав коленки, в самолете, стиснутый в нем почти без движения, в то время как пространство без его участия преодолевается с безумной скоростью, что приводит к полному отчуждению человека от реальности и вообще от мира.

В какой-то момент, сказал Бошан в заключение своей блестящей лекции, человек после прогрессирующего тысячелетнего ускорения придет к тотальному регрессу и будет неподвижно сидеть, уставившись в мерцающий экран монитора, а передвигаться уже исключительно с помощью симуляции, окончательно изгнав себя из своего тела. Таков будет парадоксальный конец истории – «развивший бешеную скорость застой».

После этой лекции Нелли поняла, что будет писать дипломную работу о Вирильо. Она получила, так сказать, знак свыше. А когда благодаря отличной дипломной работе на нее обратил внимание и пригласил в ассистентки Даниэль Бошан, она также поняла, что по уши влюбилась в профессора.

Нелли задумчиво помешала ложечкой кофе, который тем временем уже совсем остыл.

– Жизнь иногда преподносит удивительные неожиданности, правда? – Она взглянула на Шона. – В том смысле, что вдруг я обнаруживаю, что есть кто-то, кто подвел под мой страх перед полетами научное обоснование, я пишу работу под названием «О невозможности путешествовать самолетом», влюбляюсь в своего профессора, в котором, мне кажется, я чувствую родственную душу и который находит мою работу замечательной, и тут вдруг все рушится из-за полета за океан! Это похоже на скверную шутку, ведь так?

Шон сочувственно кивнул:

– У нас в Мэне на это сказали бы: ирония судьбы.

– У нас в Париже сказали бы то же самое, – вздохнула Нелли.

Она бросила взгляд на часы и с удивлением обнаружила, что проговорила почти два часа. Было начало седьмого, и кафе до отказа наполнилось народом. Все места за столиками были заняты весело смеющейся и болтающей молодежью, посетители угощались запеканкой киш, бретонскими блинчиками с ветчиной и эмменталером или ели рыбный суп с соусом руй, запивая красным вином. Нелли почувствовала, что проголодалась.

Выплеснув свое горе, она поняла, что на душе полегчало. Встретившись с уличным музыкантом, который подсел к ней на скамейке и одолжил носовой платок, она сама не думала, что вскоре выложит

кудрявому незнакомцу со смешным акцентом все, что у нее накопилось. Больше всего ее удивило, что она впервые – за долгие годы! – заговорила с кем-то об аварии, в которой погибли ее родители. Нелли с любопытством разглядывала американца, который сидел перед ней в своей толстовке с капюшоном и смотрел на нее с ободряющей улыбкой. Все время рассказа он внимательно ее слушал, изредка вставляя вопросы и быстро пожимая ей руку, как только видел, что ей тяжело о чем-то говорить.

Наверное, рассуждала она, иногда бывает проще довериться постороннему человеку. Когда говоришь с чужими людьми, у них, в отличие от родственников и друзей, не бывает личной заинтересованности, да и слушают они тебя без предвзятости, и поэтому с ними легче выговориться.

– Хочешь знать мой мнение? – спросил в этот момент Шон.

Они сами не заметили, как перешли на «ты», и это было вполне естественно с человеком, перед которым ты раскрыла душу.

Нелли подперла подбородок рукой и сказала:

– Я слушаю.

– Не надо так сильно переживать из-за вещей, которые еще только могут случиться, – сказал он по-английски. – *Don't worry about things that are not going to happen.*

Нелли улыбнулась:

– Это опять поговорка из Мэна?

– Nope^[26]. Это я вычитал в одной потрясающей книге. Там тоже была женщина, которая постоянно из-за всего переживала. Она все время ждала чего-то плохого. – Он настойчиво посмотрел ей в глаза. – Это некорошо. Так что ты это прекрати, Нелли, прекрати сейчас же! – Словно желая подчеркнуть свои слова, Шон постучал указательным пальцем по столу. – О'кей, это действительно сюрреально – потерять обоих родителей в таком раннем возрасте. Но не всегда же непременно случается все самое ужасное! Тебе надо больше доверять жизни. Твой великолепный профессор улетит на конгресс без тебя – so what?^[27] Он вернется, и вы снова будете вместе.

– В том-то и дело, что мы с ним не вместе! – сказала Нелли, повертев вилок, которую держала в руке.

– Значит, надо делать что-то, чтобы так было, верно? Почему ты ему просто не скажешь, что любишь его?

Нелли аккуратно положила вилку рядом с тарелкой.

– Потому что... – начала было она, но только помотала головой. –

Невозможно, пока не наступил подходящий момент.

– Is that so?^[28] – Шон посмотрел так удивленно, что было ясно, какого он мнения насчет наступил момента.

– Да, я просто хочу дождаться подходящего момента.

Разговор начинал принимать такое направление, которое совершенно не нравилось Нелли. Она смущенно заерзала на стуле, ощущая на себе снисходительный взгляд американца.

– Well... Тебе лучше знать, – сказал он наконец. – Обещай мне только одно.

– Что именно?

– Не тяни слишком долго, ожидая подходящего момента. Если не повезет, он никогда не настанет.

Нелли немного делано засмеялась.

– Само собой, – сказала она, беря в руки меню. – Не совсем же я дурочка.

Воспользовавшись случаем, Жанна самолично принесла Galette de canard^[29] и Salade au chèvre^[30], хотя заказ принимала официантка, черноволосая Селина – девушка с короткой стрижкой и длинными, крупными серьгами. Шон с большим аппетитом принялся за тоненький гречневый блинчик с утиной грудкой, поджаристой снаружи и нежно-розовой внутри, и признался, что никогда в жизни не ел ничего более вкусного.

– Чудесно! – воскликнул он с набитым ртом. – Люблю французскую кухню! Это гениально, да? Если можно, мне бы еще красного вина, сильвуплэ!^[31]

Жанна польщенно улыбнулась и налила в бокалы еще бордо.

– В таком случае, месье О’Малли, заходите еще!

– О да, да, непременно! – Шон приподнял бокал, показывая, что пьет за ее здоровье. – И пожалуйста, называй меня просто Шон – мы, американцы, обходимся без лишних церемоний.

Жанна громко рассмеялась своим грудным смехом:

– О’кей, Шон! – Вообще-то, она сказала «Жан», но, кроме Нелли, никто не обратил на это внимания. – Ну так кушайте, ребята, на здоровье. На закуску могу предложить вам Mousse au chocolat^[32], сладкий, как любовь. – Она подмигнула кухне и величественно удалилась, чтобы усадить за только что освободившийся столик двух посетителей, дожидавшихся своей очереди у входа.

– Wow! Просто потрясающая женщина твоя кухня, – сказал Шон с

неподдельным восхищением, провожая Жанну глазами. – Ты обращала внимание, что у нее походка, как у королевы?

Вино, как видно, развязало ему язык, подумала Нелли, пряча невольную улыбку.

– Не походка, а походка, – поправила Нелли, хотя в этом случае мысль о подходах тоже была не такой уж неуместной.

В ее взгляде мелькнула ирония, и Шон засмеялся.

Он сделал большой глоток вина и вытер губы салфеткой.

– Yeah! – пробормотал он. – Настоящая... *tigresse*^[33].

Жанне наверняка бы понравилось, что ее называли тигрицей, подумала Нелли. Она тоже взялась за бокал и почувствовала на языке бархатный вкус бордо. Несмотря, а вернее, благодаря стоявшему в помещении кафе многоголосому гомону, она чувствовала приятную расслабленность. Она плыла по течению, и ее собственные заботы, казалось, растворились в этом море слов и мыслей. Шон был приятным собеседником и хорошим рассказчиком, он все очень живо описывал, и разговор давно уже перешел с Вирильо, самолетов и профессоров философии на совсем другие предметы.

Получив диплом инженера, Шон поработал несколько месяцев, чтобы подкопить денег на большое путешествие по Европе, и теперь переезжал из города в город, жил в свое удовольствие, ничего заранее не планируя, и останавливался там, где придет охота. Он решил дать себе год отдыха, чтобы познакомиться с самыми красивыми городами Европы, и Париж стал седьмым городом после Хельсинки, Осло, Лондона, Гейдельберга, Амстердама и Лондона, где он решил остановиться. Но это было далеко не последнее место из тех, которые он наметил посетить. Через два дня он собирался на поезде поехать в Марсель, оттуда, вероятно, в Барселону, Мадрид и Гранаду, а потом еще в Италию, чтобы посмотреть Венецию, Флоренцию и Рим, – это тоже входило в его программу.

– И ты вот просто так едешь куда вздумается? – удивлялась Нелли, выскабывая из глиняного горшочка остатки шоколадного мусса.

Она никогда даже в мыслях не представляла себе, что можно пуститься развезжать по свету, хотя бы на один год. По крайней мере не сейчас. После бакалавриата нужно было поступить в магистратуру, а затем найти себе приличную работу и уж разве что тогда подумать о большом путешествии. Таков был ее – признаться, довольно скучный – план.

– А ты не боишься, что упустишь время и не устроишь свою карьеру?

Шон только посмеялся и сказал, что ничего, мол, подобного не случится. Ему и так придется достаточно долго вертеться как белка в

колесе, а сейчас он просто хочет пожить without schedule, без строгого расписания и филофакса.

– А потом, – спросила Нелли, – что будет дальше? Ты уже решил, как ты хочешь применить свой диплом инженера? Я в этом немного разбираюсь, – пояснила она, задумчиво накручивая на палец прядку волос. – Скажи, я уже говорила тебе, что мой отец тоже был инженером, так же как дед и даже прадед Жорж Бофор? Этот был знаменитый кораблестроитель, у него была целая куча патентов.

– *I'm deeply impressed*^[34]. Но как же так: ты из семьи потомственных изобретателей и вдруг выбрала философию?

– О, так уж получилось, – пожала плечами Нелли. – К сожалению, у меня этот фамильный ген полностью отсутствует. – Она сделала смешную гримаску. – В технике я ничего не смыслю. В этом отношении я, должно быть, пошла в бабушку. Она была большая умница, но ей так и не удалось разобраться с коробкой передач на своем автомобиле. – Тут Нелли улыбнулась при воспоминании о том, как бабушка вылетала из-за угла с ревущим мотором, потому что опять запуталась с переключением скоростей. – После того как умер дедушка, бабушка перешла на машину с «автоматом», что было, наверно, лучше и для нее, и для бедного автомобиля.

– Значит, твой дедушка был только зятем Большого Джорджа, – заключил Шон.

– Правильно угадал. Хочешь еще чашечку кофе? – Нелли подняла вверх два пальца и знаком показала Селине, что нужно принести еще два «маленьких черных». Затем пояснила, как бабушка ей однажды рассказывала, что знаменитый Жорж Бофор никогда бы не согласился отдать младшую дочь за того, кто не мог предъявить хотя бы диплом инженера.

– Так оно и вышло, – сказала она. – Если ты кораблестроитель, то можешь рассчитывать, что тебя примут в нашу семью, – поддразнила Нелли собеседника, сама удивляясь своему непривычно легкомысленному тону, и тут же сказала себе, что вот так нужно впредь разговаривать и с Бошаном.

– Итак, положи руку на сердце, какие у тебя планы?

– Ну... Боюсь, мадемуазель, что дипломом кораблестроителя не смогу вас порадовать.

– Ну а вообще какие-нибудь планы есть?

– Oh... yes... yes... sure...^[35] – как-то неопределенно промямлил Шон.

– Ну так скажи, не темни! – не отставала от него Нелли.

– Боюсь, тебе это не очень понравится.

Нелли стрельнула в него любопытный взгляд:

– Ну, так что же это? Признавайся, уж не собираешься ли ты работать в разведке?

– Хуже! – Шон вздохнул и с выражением комического отчаяния приложил руку к груди. – Положа руку на сердце? – Он посмотрел ей прямо в глаза и расплылся в улыбке. – Я буду работать пилотом.

Домой Нелли отправилась уже далеко за полночь. Она хотела сесть на метро на станции «Мабильон», но потом передумала и решила идти пешком. Стало прохладнее, вокруг месяца образовалось зеленоватое туманное кольцо, в воздухе уже чувствовалось близкое дыхание дождливой осени. Выйдя на улицу Фур, Нелли ускорила шаг. Постукивание каблучков сопровождало ее мысли, как веселая мелодия. «Come fly with me...» Тихонько посмеиваясь про себя, Нелли на минутку задержалась перед витриной маленького магазинчика, где была выставлена дорогушая сумочка, на которую она уже давно заглядывалась, но так и не поддалась искушению, чтобы ее купить. Заставив себя оторваться от витрины, она пошла дальше. За исключением предательского удара, который нанес ей Шон, когда, не дрогнув даже перед катастрофическим сценарием, описанным Вирильо, объявил свою будущую профессию, вечер прошел прекрасно. Она много смеялась, позже к ним подседа Жанна, и за все эти часы Нелли даже ни разу не вспомнила про конгресс в Нью-Йорке, на который она не поедет. А потом, когда вдруг вспомнила, сама не могла понять, почему так из-за этого переживала. Ничего страшного не случилось. Это же не катастрофа! А раз профессор благополучно вернется в Париж и не свалится по дороге в Атлантический океан – а этого, если верить словам будущего пилота, совершенно нечего было опасаться, – то, значит, еще ничего не потеряно!

Рассыпавшись в заверениях, что перед тем, как продолжить путешествие, он непременно еще раз заглянет в кафе «Друзья Жанны», чтобы угоститься грушевым пирогом и осыпать комплиментами Madame la tigresse за ее прекрасные глаза, Шон наконец закинул на плечо футляр с гитарой и попрощался с обеими дамами поцелуями в щечку.

– Take care^[36]. С летающим профессором все будет как надо, – шепнул ей Шон на прощание.

Нелли улыбнулась: «летающий профессор» – это ей понравилось. Когда она вскоре прошмыгнула в большие ворота многоэтажного дома на

улице Варенн и отперла дверь своей квартиры, она еще не догадывалась, что все пойдет не так, как думал Шон и как ожидала она. У судьбы, как всегда, оказались совершенно другие планы.

Погода переменилась. Вслед за солнечным октябрём во второй половине ноября зарядили дожди. Дождь лил не переставая уже которую неделю, затопляя город, так что даже для последнего романтика Париж стал неудобным местом. Не спасала и праздничная иллюминация витрин в больших магазинах, отражавшаяся на мокрых тротуарах серебристым блеском, хотя в этом была своя особая прелесть. Сырость проникала во все закоулки, ползла по ногам и добиралась под пальто до самой шеи за плотно застегнутые воротники. Пытаясь обойти лужи, люди, недовольно хмурясь, жонглировали зонтиками, а пассажиры в метро, закутанные в плотные толстые шерстяные шарфы, чихали и кашляли.

Жертвой ненастной зимы стал и Даниэль Бошан. Две недели назад он слег с ангиной и не показывался в университете. Нелли уже не раз предлагала к нему зайти.

– Если вам что-нибудь потребуется, вы только скажите, мне ничего не стоит забежать по дороге, – заверяла она его, прижав к уху трубку и мысленно уже представляя себе, как она наводит порядок в холостяцкой кухне, заваривает чай с лимоном и подходит с чашкой к постели больного профессора, а тот благодарно пожимает ей руку, а затем, с лихорадочным блеском в глазах, движимый внезапным прозрением, открывшим ему его истинные чувства к Нелли, тянет ее к себе, и она садится на край постели. Но Бошан, к сожалению, каждый раз вежливо, но решительно отклонял ее предложение.

– Не хватало мне еще вас заразить, мадемуазель Делакур! Нет-нет, пускай уж мои бактерии остаются при мне, – отшучивался он, прежде чем приступ кашля не заставлял его положить трубку.

Очевидно, профессору достаточно было того, что его обслуживала приходящая домработница Клотильда, с ней он готов был обмениваться своими бактериями, а она в свою очередь доставляла ему все необходимое, включая лекарства, и делала на горло компрессы.

– Не беспокойтесь, пожалуйста! Я прекрасно со всем справляюсь и уже скоро выйду на работу, – сказал он при последнем телефонном разговоре.

С тех пор прошла неделя. Еще одна нескончаемая неделя! Нелли больше не решалась звонить профессору Бошану, который явно не хотел, чтобы его беспокоили. Как на грех, ей не пришло в голову ни одного

убедительного предлога для того, чтобы еще раз нарушить его покой. Оставались считанные дни до того, как все расстанутся на рождественские каникулы.

Каждое утро, входя в секретарскую комнату, Нелли при виде осиротевшего стола в профессорском кабинете, дверь в который стояла приоткрытой, вздыхала про себя, тешась надеждой, что, может быть, завтра снова увидит там знакомое лицо с боксерским носом и добрыми глазами. При мысли об этом она с горячим нетерпением вспоминала про голубой конверт, который вот уже две недели таскала с собой в сумке.

– Что нового у профессора Бошана? – спрашивала она каждое утро, заглядывая в секретарскую.

– Лечит свою ангину, – неизменно отвечала мадам Борель, не особенно, кажется, скучавшая по профессору.

Погруженная в чтение иллюстрированной газеты, она рассеянно смахивала со стола крошки, оставшиеся, очевидно, от только что съеденного багета с тунцом. Узнав, что беременна, – а случилось это не очень давно, – мадам Борель пристрастилась к таким бутербродам. В остальном эта шатенка с детским личиком почти не изменилась и держалась еще более стойче, чем всегда.

– Пускай уж лучше вылежится, – произнесла она. – Вчера я так ему и сказала.

– Как вы думаете, он выйдет до Рождества? – стала дознаваться Нелли. Мадам Борель пожала плечами:

– Что я – Иисус Христос? – Она снова погрузилась в газету, удовлетворенно погладив себя по животу, упрятанному под теплым трикотажным платьем в цветочек. – По мне, так лучше бы и не приходил.

– Не придет так не придет, – сказала Нелли, поняв, что эти разговоры ни к чему не приведут. – Скажите, мадам Борель, а расписание замен у вас уже составлено и напечатано?

Мадам Борель медленно подняла голову и нахмурилась.

– Послушайте, мадемуазель Делакур! Не могу же я делать все сразу, – объявила она с величественным видом королевы, которую донимает своими приставаниями назойливая просительница. – У меня только две руки. Если бы их было четыре, я бы выступала в цирке.

Укоризненно посмотрев в сторону двери, в которую заглядывала Нелли, она снова занялась чтением и, лизнув палец, перевернула страницу. Опустив голову, она занавесилась волосами, подстриженными так, чтобы закрывать уши.

На мгновение перед мысленным взором Нелли возникло видение

многорукой мадам Борель, восседающей с покрытым цветочками животом и с вывешенным языком посреди цирковой арены, откуда она по своему усмотрению одаривает публику милостями или отвечает отказом.

Нелли решила не отвечать на последнее замечание и только резче обычного закрыла за собой дверь.

Когда она в задумчивости проходила по длинному коридору, навстречу ей попала Изабелла Сартти. Высокая, стройная итальянка с черными глазами и короткой стрижкой, элегантностью походившая на молодую Одри Хэпбёрн (хотя и в блондинистом варианте, что ничуть не легче), осторожно несла огромную кружку кофе со сливками с одной руке и пакет со свежими круассанами – в другой. Она приветливо поздоровалась. Тонкие серебряные браслеты на запястье издали нежный звон, словно сопровождая веселому итальянскому «Чао!», и Нелли в который раз невольно подумала, что не слишком расстроится, когда эта привлекательная практикантка, несколько всполошившая мужскую часть семинара, снова уедет к себе в Болонью. Там ее ждало не только место на философском факультете, но вдобавок, как поговаривали, еще и жених по имени Леандро.

Изабелла Сартти посмотрела на нее с беспечной улыбкой:

– Будь так добра, открой мне дверь, если можешь!

– Да, конечно, – смущенно сказала Нелли.

Она проводила сослуживицу к ее кабинету и открыла дверь, на которой с внутренней стороны висел плакат из Метрополитен-музея, появившийся там в октябре.

– Пожалуйста! – сказала Нелли.

Каждый раз при виде этого плаката, репродукции знаменитой картины Пьера Огюста Кота^[37] «Буря», изображавшей спасающуюся от дождя и ветра влюбленную парочку, в ней поднималось неодолимое раздражение, которого она не могла побороть никакими силами. Ведь ни художник, ни красавица Изабелла не были виноваты в том, что у нее тогда не хватило храбрости полететь в Нью-Йорк с профессором Бошаном. Если бы тот разговор кончился иначе, думала она ревниво, то сегодня плакат, может быть, висел бы на двери у нее. Если бы так произошло, то все бы давно разрешилось. Нелли снова вспомнила про конверт в своей сумке, который все еще не попал в руки адресата.

Изабелла вернулась тогда с конгресса в очень приподнятом настроении. Нью-Йорк, по-видимому, произвел на нее огромное впечатление. Она без конца вспоминала его в самых восторженных тонах и всем рассказывала, как интересно было на конгрессе, как вдохновенно

выступали докладчики, как дружелюбны жители Нью-Йорка, как великолепны музеи, какие там чудесные парки и как прекрасны краски бабьего лета.

– Нью-Йорк тебя буквально электризует, – без конца твердила Изабелла, и Нелли едва удерживалась, чтобы не заткнуть уши.

Изабелла уселась в конторское кресло, отщипнула кусочек круассана и изящно положила его себе в рот.

– Эти штучки я буду с сожалением вспоминать, когда вернусь в Болонью, – сказала Изабелла, мечтательно разглядывая свой круассан. – Жаль, что этого больше не будет. Ваши круассаны – это что-то божественное, такие ароматные, нежные и в то же время с хрустящей корочкой... Ах, наши корнетти не идут с ними ни в какое сравнение, сколько бы туда ни напихивали ванильного крема! – Она вздохнула и от восторга закатила глаза. Затем протянула Нелли душистый пакет. – Хочешь угоститься? Они еще теплые. Только долго не раздумывай, а то, боюсь, тебе уже ничего не останется.

Нелли с улыбкой покачала головой. В сущности, простая и жизнерадостная Изабелла была ей симпатична. Изабелла, которая скоро уедет в Болонью. И которая радуется скорой встрече с женихом. Которая ничего ей плохого не сделала. Которая была на семь лет старше Нелли. И которая, к счастью, не выказывала никакого интереса к Даниэлю Бошану.

– Я не буду отнимать у тебя последние круассаны, – сказала Нелли. – Ешь сама и наслаждайся, пока ты здесь.

Изабелла кивнула и отломил еще кусочек от своего круассана:

– Да. Бошан как-то раз сказал то же самое.

– Бошан как-то раз сказал то же самое? – удивленно повторила Нелли. – Когда же... Я в том смысле, что...

– Вчера вечером мы с ним немного поговорили, – пояснила Изабелла и облизала прилипшие к тонким пальчикам крошки. – Он еще должен подписать мне кое-какие бумаги.

«Показалось мне это или правда щеки Изабеллы слегка порозовели?» – подумала Нелли.

– Впрочем, судя по всему, он завтра выйдет на работу, – со смехом сказала Изабелла. – Ведь как жаль было бы, если бы он пропустил Рождество, верно? – подмигнула она собеседнице.

Нелли почувствовала, как радостно забилося ее сердце. Все сомнения вдруг куда-то улетучились. Завтра Даниэль Бошан вернется. Он сядет за свой письменный стол. И тогда она отдаст ему письмо и будет ждать, когда он прочтет.

«Если любишь кого-то, нужно сказать ему об этом», – говорил ей тогда в октябре Шон. Она отнеслась к этому совету серьезно. Ей потребовалось некоторое время, но в конце концов она приняла твердое решение. Больше она не повторит той же ошибки, чтобы потом не оплакивать упущенную возможность. Она, Элеонора Делакур, возьмет дело в свои руки. И тогда – наконец-то! – все будет хорошо. Самое страшное, что может случиться, – это если она заболит ангиной после того, как ее поцелует профессор. Нелли расплылась в улыбке.

– Интересно бы знать, что ты сейчас подумала? – сказала Изабелла.

– Даже не пытайся угадать, – сказала Нелли, – все равно ни за что не догадаешься.

Она помахала удивленной Изабелле рукой и скрылась в своем кабинете. Там Нелли еще раз достала конверт из своей сумки и любовно погладила бумагу ручной работы.

В этом конверте на пяти густо исписанных страницах было написано все, что могла сказать Нелли.

Следующий день обернулся сплошной катастрофой.

Нащупывая утром будильник, чтобы выключить звонок, Нелли, к счастью, об этом ничего не знала. Она еще немного понежилась в постели, прежде чем, скинув одеяло, спустить ноги с кровати и пошарить ими в поисках тапочек, одна из которых вечно запрятывалась под кровать.

Половицы паркета заскрипели под ногами, когда она, еще сонная, накинула махровый халат и отправилась в тесную кухоньку ставить кофе. За окном была тьма-тмущая, и только один фонарь освещал мокрую после ночного дождя улицу. Нелли достала с полки кастрюльку, чтобы согреть молоко и взбить его в пену, перед тем как налить вместе с кофе в любимую чашку в голубой горошек, наблюдая, как смешиваются обе жидкости. Нелли любила этот утренний ритуал. Ей никогда не пришло бы в голову жевать круассан на улице или пить кофе из картонного стаканчика. В отличие от многих своих коллег, которые зачастую завтракали в университете, Нелли по утрам предпочитала никуда не торопиться. Она садилась за крошечный столик, поставленный у единственной ничем не заставленной стены, выпивала две чашки кофе, съедала кусок багета с маслом и земляничным джемом и не спеша читала «Фигаро», который каждое утро ждал ее в почтовом ящике. «К утру нужно относиться с уважением, – говорила всегда ее бабушка. – Кто начинает день со спешки, не должен потом удивляться, что у него ничего не получается».

Нелли было нетрудно принять этот совет. Даже в самое темное время парижской зимы утренние часы оставались ее любимым временем дня. В эти ранние часы она была в своем мире хозяйкой, и только тихое позвякивание чашки да шелест газетных страниц нарушали время от времени царящую тишину. Час спустя дом начинал просыпаться, наполняясь звуками повседневной жизни: то заскребет по полу передвигаемый стул, то протопают по лестнице чьи-то шаги, то захлопают двери, лестничная клетка загудит от прощальных слов с торопливыми поцелуями и плаксивого писка капризничающих детей.

Нелли глотнула крепкого горячего кофе, и сон как рукой сняло. Клэр Делакур удивилась бы, как изменился мир по сравнению с тихими вечерами в кухне с каменным полом, где пахло так вкусно. С какой неумолимой скоростью он теперь жил! Мир, в котором информации становилось все больше и больше, а все остальное утрачивало свое

значение.

Все ли? Нелли крепко держала горячую чашку обеими руками. Она почувствовала легкое давление старинного гранатового кольца на среднем пальце правой руки и поняла: нет, не все вещи утратили свое значение. Она вспомнила о письме в своей сумке и спросила себя, что сказала бы бабушка о Даниэле Бошане? Чего бы только Нелли не отдала за то, чтобы еще раз посидеть вечером на синем диване на Краю света^[38] и спросить совета у бабушки!

Уже в десять лет Нелли предчувствовала все значение той утраты, которая однажды неизбежно должна случиться. Клэр Делакур не будет жить вечно. Когда-нибудь наступит день, когда она не встанет у кухонной плиты, как утес в прибое, с бретонским спокойствием возвращая к сносному масштабу крупные и мелкие катастрофы, без которых не обходится жизнь.

– Ах, бабушка, – вздыхала девочка Нелли за чашкой сладкого какао, – что я буду делать, когда тебя однажды не станет? Почему ты не можешь навсегда остаться с нами?

– Никто не может жить вечно, детка. В конце концов приходит время, когда пора уже уходить. – Клэр Делакур, пережившая мировую войну, не была любительницей сентиментальных сцен. – Скоро ты вырастешь и пойдешь своим путем, как и все мы когда-то. И тогда ты скажешь: «Господи, на что мне сидеть возле старой бабки?» Так уж устроен мир, – шутила она.

– Ну, бабушка, как ты можешь вообще такое говорить! Я всегда буду приходить к тебе, ты же это прекрасно знаешь! – возмутилась Нелли. – Но если иначе нельзя и ты однажды умрешь, то хотя бы обещай, что ты подашь мне знак оттуда. Какой угодно, где бы ты ни была!

– Непременно, детка, подам! – со смехом заверила ее бабушка. – Неужели ты думаешь, что я вдруг возьму и забуду тебя только из-за того, что умерла! А теперь перестань ныть и доедай свой бутерброд.

Нелли отложила в сторону «Фигаро» и намазала багет толстым слоем масла, как тогда, когда была еще маленькой. Нет ничего проще и ничего лучше свежего багета с соленым бретонским маслом.

Наслаждаясь тающим во рту прохладным маслом, вкус которого смешивался со вкусом белого хлеба с хрустящей корочкой, Нелли подумала, что до сих пор бабушка еще не исполнила своего обещания. А затем подумала, что Клэр Делакур на ее месте не стала бы месяцами дожидаться какого-то знака. Вдобавок она не очень-то доверяла любовным письмам. И на то, разумеется, была своя причина.

Клэр Делакур смолоду была своевольна, поступала так, как хотела, и без колебаний ринулась в пучину жизни. И это притом, что у нее был строгий отец, который, как Аргус, всегда был на страже трех своих исключительно миловидных дочек. На белой вилле в стиле модерн, принадлежавшей зажиточным Бофорам, в промежутке между двумя мировыми войнами и позднее вплоть до пятидесятих годов традиционно устраивались домашние балы. Но молодые люди побаивались приглашать дочек Бофоров, потому что усатый и грозный глава семейства стоял с каменным лицом, прислонившись к дверному косяку, всегда готовый вмешаться и самолично положить конец любому попользованию, которое показалось бы ему выходящим за рамки приличий.

Тем не менее его младшая дочка, несмотря на строгий отцовский надзор, умудрилась все же влюбиться в молодого человека, а тот в свой черед с первого взгляда отдал сердце прекрасной Клэр.

Максимилиан Делакур, только что закончивший курс обучения в высшей школе и получивший диплом инженера, был на восемь лет старше Клэр, и она повстречалась с ним в гостях у своей лучшей подружки Антуанетты. За чайным столом Максимилиан тотчас же завязал оживленный разговор с молодой и веселой соседкой – Клэр тогда как раз исполнился двадцать один год. Он не скупился на комплименты и восхищенные взгляды. И случилось то, что и должно было случиться. Их руки встретились под белой скатертью, которая накрывала длинный стол, уставленный изысканным фарфоровым сервизом. В потаенной беседке обширного сада влюбленные обменялись первыми поцелуями, а Антуанетта, которой все это представлялось в высшей степени романтическим, охотно согласилась сыграть для них роль *Postillion d'amour*^[39], передавая письма, в которых очень скоро было назначено место и время тайного свидания.

Выбор пал на маленькую гостиницу в Плогоннеке, куда влюбленные собирались приехать в воскресенье в полдень, чтобы совершить за закрытыми шторами то, что во все времена совершали влюбленные, невзирая на то что об этом подумают окружающие.

В своем последнем письме Клэр крупными летящими буквами написала, что не может дожидаться, когда Максимилиан встретит ее в одиннадцать десять на вокзале в Плогоннеке и они разделят с ним двухспальное ложе в потаенной гостинице, где он заказал номер для себя и своей «жены» (в то время как дома она сказала, что отправляется на пикник по приглашению своей подружки Антуанетты).

Лучше бы Клэр не писала этого письма, потому что оно по несчастливой случайности попало в руки матери Максимилиана, крайне властной темноволосой особы с высоким килограммовым шиньоном на голове, которая ни в грош не ставила тайну переписки – тем более что сынок все еще жил на родительских хлебах, – и, заподозрив неладное, она не задумываясь вскрыла конверт, воспользовавшись для этого, как подобает уважающей себя даме, специальным серебряным ножичком.

Дойдя до условленного свидания в гостинице, она пришла в страшное волнение. Что же это делается! Это же полная безнравственность! Подумать только, какая-то девчонка из Кемпера нацелилась вскружить голову ее замечательному сыну, дипломированному инженеру! Этому необходимо положить конец во что бы то ни стало! Матушка ничего не подозревающего Максимилиана четко знала, кто будет выбирать будущую невестку, – это сделает только она, и никто другой! Господин Бофор имел репутацию строгого блюстителя нравственности, эта слава дошла и до ушей мадам Делакур, которая и сама принадлежала к уважаемому семейству потомственных врачей. Она давно осуждала снобизм Бофора и теперь злорадствовала, представляя себе, как вытянется лицо у этого старого хрыча, когда он узнает, какое сокровище выросло из его младшей доченьки. Нечего было закатывать домашние балы! *Балы* у него, видите ли!

Мадам незамедлительно села за свой аристократический секретер и написала не очень аристократическое письмо, в котором просила господина инженера-кораблестроителя приструнить свою дочку, которая ведет себя уже совершенно непозволительно, и сделать все возможное, чтобы не допустить этой возмутительной встречи. По свойственному ей коварству мадам Делакур не предупредила об этом письме сына. Она подумала, что встреча с разъяренным месье Бофором послужит для молодого человека и его пассии хорошим уроком, который они никогда не забудут.

Судьбе было угодно сделать так, чтобы писанный маслом портрет Каролины Делакур, изображавший даму средних лет, уже весьма матронистую, с нелюбезным выражением лица, глядя на которое трудно было представить себе, что когда-то она тоже была молода, оказался в доме Клэр. Каждый раз, проходя мимо свекровкиного портрета – первоначально он висел в гостиной, но вскоре после того, как в старом каменном доме поселилась молодая хозяйка, был безжалостно изгнан в прихожую, – Клэр не могла сдержать торжествующей усмешки. При взгляде на портрет ей вспоминался тот воскресный июньский день, когда она в большой

соломенной шляпке, в платье в голубую полоску, с взволнованно бьющимся сердцем ступила ногой, обутой в туфельку цвета слоновой кости, на ступеньку вагона, высматривая Максимилиана, к которому приехала на запретное свидание.

Но Максимилиана что-то не видно было на платформе маленькой железнодорожной станции. Растерянно оглядевшись по сторонам, Клэр наконец неуверенно направилась к выходу, как вдруг рядом раздался хорошо знакомый густой бас. Казалось, он исходит прямо из протянутого навстречу гигантского букета пионов с качимом.

– Здравствуй, Клэр.

У Клэр от испуга даже сердце зашло. Перед нею откуда ни возьмись появился отец.

– Папа! – чуть слышно пролепетала Клэр, чувствуя, что близка к обмороку.

– Да, так и есть. До меня дошел слух, что у тебя здесь назначено свидание с молодым человеком, – зарокотал Жорж Бофор.

Затем он добродушно усмехнулся, сунул любимой дочери пионы и весело подхватил ее под руку.

– Твой кавалер ждет в вестибюле, и я подумал, было бы очень славно пойти втроем пообедать, как ты на это смотришь?

Бофор действительно был строг и непреклонен, когда речь шла о благополучии его дочерей. Но, столкнувшись с подлостью, он распознавал ее с первого взгляда. А то, что затеяла старая гримза Делакур, выдав с головой молодую парочку, было довольно подло. На его вкус, даже чересчур подло.

Получив ядовитое письмо Каролины Делакур, строившей свои коварные козни, он сначала пришел в неописуемую ярость, узнав, что малышка Клэр собиралась его провести. Но затем он навел справки о Максимилиане Делакуре и убедился, что его младшая дочь, за которой, как он считал, нужен был глаз да глаз, на этот раз проявила хороший вкус. Молодой человек был отпрыском почтенной бретонской семьи, к тому же неплохо обеспеченной. И хотя дочку это, вероятно, несколько не волновало – у этих молодых девчонок, одуревших от любви, мысли, к сожалению, так коротки, что они не думают дальше завтрашнего дня, – пожилого отца эти сведения немного успокоили, поскольку основные требования здесь были выполнены. Несколько часов Жорж Бофор возбужденно расхаживал из угла в угол в своем кабинете. Разумеется, то, что позволяла себе эта молодежь, было сплошным безобразием, но, если верить письму старой Делакурши,

«ничего непоправимого, слава богу, еще не случилось».

В конце концов возмущенный кораблестроитель пришел к заключению, что глупость, совершенная из-за любви, более простительна, чем сознательная подлость.

И тогда он решил пересилить себя и помочь молодым дурачкам, вернув все в упорядоченное русло. То обстоятельство, что Максимилиан, которого он взял в оборот прямо на вокзале, как оказалось, искренне любил его дочь (хотя по-мещански скромненький букетик молодого парнишки далеко уступал шикарному букету любящего отца) – не побоимся это признать, – не сыграло решающей роли, главным для отца было то, что такой муж может обеспечить его дочке безбедную жизнь. Ведь молодой человек как-никак был инженером!

И в результате случилось так, что молодая парочка с пылающими щеками и весьма благодушного вида пожилой господин с серо-стальными глазами и пышными усами отправились в это воскресенье в лучший ресторан городка, и все время обеда между ними царили мир и согласие.

Клэр на всю жизнь сохранила к отцу благодарность за то, что он ни словом не упомянул о тех обстоятельствах, которые привели к его неожиданному появлению на вокзале Плогоннека.

– Он ни разу меня не попрекнул, а просто явился с огромным букетом и с улыбкой пригласил пойти в ресторан. Это было в высшей степени благородно, – говорила она много лет спустя, когда Нелли приставала к ней, чтобы бабушка еще раз рассказала ей историю с букетом, которую девочке никогда не надоедало слушать.

Таким образом тайное свидание обернулось обручением, о котором было официально объявлено в сентябре того же года. К большому неудовольствию Каролины Делакур, которая от злости так скрипела зубами, что один коренной в конце концов таки выпал. Эта властная особа предприняла еще несколько серьезных попыток, чтобы воспрепятствовать неумолимо надвигающейся свадьбе. Но она недооценила силу воли своей будущей невестки.

«А это мы еще посмотрим», – мысленно сказала себе Клэр, после того как мадам Делакур во время их самой первой и довольно холодной встречи после несостоявшегося тайного свидания уколола ее, сказав, что, вообще-то, ее сын еще слишком молод, чтобы связывать себя брачными узами, и, верно, мог бы найти себе что-то получше.

Клэр, которая, как и мадам Делакур, хорошо знала, чего она хочет, сообщила тогда своему суженому, что еще подумает, не уехать ли ей лучше в Англию, если злобная старуха не прикусит свой язычок.

В семье Нелли часто пересказывали историю о том, как дедушка Максимилиан, ворвавшись в столовую, размахивал перед матушкой заряженным пистолетом, угрожая застрелиться, если Клэр не станет его женой. Во время этой драматической сцены револьвер в его руке и впрямь случайно выстрелил; к счастью, пуля не ранила никого из присутствующих, а только оставила глубокую выбоину в каменной стене, в которую впоследствии, много лет спустя, маленькая Нелли и ее кузина Жанна, бывая на кухне, с почтительным трепетом засовывали палец. Это событие лучше всех аргументов убедило Каролину Делакур отказаться от дальнейшей борьбы. С тех пор она помалкивала, в душе продолжая ненавидеть невестку, пока наконец не была вынуждена с досадой признать, что Максимилиан и Клэр Делакур, обвенчавшиеся в декабре (событие, в честь которого в доме Бофоров был в последний раз задан блистательный бал), были не только замечательно красивой парой на свадьбе, но и прожили очень счастливо в браке, плодом которого стали два сына, причем один из них даже сделался инженером.

Клэр, кстати, была единственной из трех дочерей Бофора, кому довелось выйти замуж. Две другие сестры, не столь своевольные, Анн-Соланж и Мария, оставались под отцовским присмотром, пока бдительный надзор за их добродетелью со временем не утратил былой необходимости. После этого одна сделалась учительницей и стала жить отдельно, деля квартиру (а как впоследствии поговаривали в семье, также и постель) с подругой, которая работала портнихой. Вторая так и прожила всю жизнь в белой вилле с родителями, оборудовала для себя комнату в башенке, посвятив себя заботливому уходу за небольшим розарием, и даже написала там несколько стихотворений, которые с ее смертью канули в пучину забвения.

По счастью, история Клэр и Максимилиана завершилась благополучно. Иначе не появился бы на свет ни ее отец-инженер, ни она сама, подумала Нелли. Погруженная в воспоминания, она рассеянно вертела на пальце кольцо, как бы вызывая дух бабушки Клэр Делакур, которая в том, что касается любви, так уверенно шла по жизни избранным однажды путем.

«Сегодня тебе как раз самое время вспомнить обо мне, бабушка, – произнесла про себя Нелли. – „L'amour gagne toujours! – Любовь всегда победит!“ Это же было твое кредо, не так ли?»

Нелли улыбнулась. По крайней мере, ей не нужно выяснять отношения

с коварной свекровью, а требуется всего лишь вручить письмо таким образом, чтобы оно точно не попало в чужие руки.

Через полчаса она была одета и готова к выходу. Посуда помыта, кровать застелена. Нелли крепко захлопнула дверь своей двухкомнатной квартирки на улице Варенн и заперла ее на два оборота. Затем бегом спустилась с пятого этажа, раскрыла клетчатый зонтик и бодрым шагом вышла на утреннюю парижскую улицу.

Полчаса спустя Нелли под непрекращающимся дождем взбежала по ступеням, ведущим в университетское здание.

Мадам Борель поздоровалась с набитым ртом. Тунцом пахло на весь секретариат.

– Пришел сегодня, – довольно бесцеремонно сообщила она, кивнув на закрытую дверь.

Нелли тоже кивнула:

– Я знаю.

Уже скоро она постучалась в кабинет профессора Бошана, еще не догадываясь, как нужен ей будет сегодня бабушкин совет!

Или хоть чей-нибудь.

Даниэль Бошан во время болезни оставался далеко не таким заброшенным и несчастным, как это рисовалось в воображении Нелли. У него действительно была высокая температура, и больно было глотать, но большую часть времени он проводил в приятном полумраке, лежа под одеялом, и с удовольствием болеющего человека, которому не нужно выходить на улицу, прислушивался к шуму дождя в ожидании, когда скрипнет замок и повернется ключ.

Бошан уже и не помнил, когда у него в последний раз было гнойное воспаление миндалин. Наверное, в детстве? Но среди прочих хороших вещей, связанных с этой болезнью, вроде мороженого, которое приятно охлаждало глотку, главное место занимала тонкая, прохладная ладонь, с нежной заботой трогавшая его лоб, и это касание сопровождалось легким позваниванием серебряных браслетов, которое представлялось ему звуком ангельских колокольчиков.

Нетрудно догадаться, что нежная ладонь принадлежала не домработнице Клотильде, которая дважды в неделю топотала в квартире, ворчала на беспорядок и наводила идеальную чистоту.

Не кто иная, как Изабелла Сартти, сидела каждый день у кровати Бошана и влюбленно смотрела на него, хотя он был красен как рак, а глаза сделались как щелочки. И после ее ухода у профессора оставалось много времени для того, чтобы мысленно возвращаться в Центральный парк, где все началось с грозы, разразившейся над ними обоими так внезапно, как будто это Купидон выпустил в них свои стрелы.

Эти картины проходили перед взором профессора словно фильм, который он в любой момент мог включить и просматривать снова и снова. На второй день конгресса несколько участников сговорились прогуляться после заседания по осеннему парку, в котором деревья полыхали пожаром красных, оранжевых, желтых и темно-фиолетовых оттенков. Но как дошло до дела, большинство под тем или иным предлогом отказались идти: кто-то слишком устал, кому-то хотелось поскорее вернуться в гостиничный номер или пройти по магазинам Пятой авеню, так что в конце концов из всех желающих остались только он да Изабелла, вдвоем они ходили по парку в центре Нью-Йорка, беседуя и любуясь роскошной игрой красок.

– Такой красоты я никогда еще не видела. – У Изабеллы был характерный итальянский акцент, составлявший чарующий контраст с ее

элегантной внешностью. Неожиданный порыв ветра взъерошил ей челку, закрыв волосами лицо. – Кстати, ваш доклад был просто великолепен.

– Вы так находите? – спросил польщенный Бошан, и тут упали первые капли.

– Какая подлость! Похоже, начинается дождь, – воскликнула Изабелла, ускоряя шаг.

– Думается, вы правы, – согласился Бошан, стараясь идти в ногу с высокой спутницей и не отстать.

Его хромота усилилась. К сожалению, усиливался и дождь, на небе сгущались грозные тучи, в воздухе прокатился могучий раскат грома. Изабелла вскрикнула и вцепилась в руку профессора, и тут хлынул ливень, они кинулись спасаться. Но куда бежать?

Бошан первым заметил небольшой павильон:

– Туда!

Он сорвал с себя плащ и поднял его как парус у них над головами. Хохоча и кляня непогоду, они побежали по парку. Когда, запыхавшись, они вбежали в павильончик, оба были уже насквозь мокрые, снаружи шумел дождь.

– Мamma mia! – еле переводя дух, воскликнула Изабелла. – Ну и погода!

Она была почти одного роста с профессором, сквозь запотевшие очки он видел прямо перед собой ее лицо, залитое водой. Тушь с ресниц растеклась под глазами. Профессору стало смешно.

– Вы могли бы поступить в качестве экспоната в зоопарк Центрального парка. Сейчас вы похожи на медвежонка панду, – сказал он.

– А у вас такой вид, точно вы вообще ничего не видите!

Изабелла Сарти так и прыснула, а за ней рассмеялся и он, и они корчились от смеха и никак не могли остановиться. На них вдруг накатила волной сумасшедшая жажда жизни и понесла, и вскоре, когда они, отсмеявшись, очутились друг против друга в павильоне, кроме туши для ресниц, размазанной оказалась и помада на губах Изабеллы.

После того неожиданного поцелуя в Центральном парке Нью-Йорка, вслед за которым из уст Изабеллы вырвалось испуганное «Ах, а как же Леандро!», оба уже не могли жить друг без друга. Таким образом, эти дни проходили не только под знаком теорий Вирильо о скорости и катастрофах – катастрофа уже произошла, причем со скоростью света, – но и сопровождалась несмелым стуком в дверь гостиничного номера и такой страстью, которая уж точно скорее соответствовала бешеному ритму современного мира, чем теоретическим выводам Вирильо. И после того

как в последний день заседаний конгресса Изабелла в восхищении замерла перед картиной Огюста Кота, репродукцию которой из музейной лавки ей затем подарил Бошан и которая теперь висела на двери ее кабинета на философском факультете, где ее с каким-то нехорошим и, как оказалось, вполне оправданным чувством рассматривала потом Нелли, оба наконец поняли, что пора подумать о будущем и легализовать отношения, которые они со всяческими предосторожностями продолжали поддерживать в Париже.

Болезнь профессора случилась очень кстати, так как в часы, проведенные с ним в пропахшей ментолом и лимоном спальне, Изабелла приняла печальное решение расстаться с женихом («бедный, бедный, Леандро!»). Но представить себе жизнь вдалеке от своей многочисленной семьи она тоже была не в состоянии.

– Пойми меня, дорогой, я не могу остаться в Париже! – сказала она, глядя на него огромными умоляющими глазами. И что поделаешь – этим глазам ни в чем невозможно было отказать. – Семья – это все-таки семья!

Хотя насчет семьи Бошан был иного мнения и в душе не разделял ее энтузиазма, он все же стал прощупывать почву, чтобы устроиться преподавателем в Болонский университет. А так как удача хоть и не всегда, но довольно часто оказывается на стороне влюбленных, а профессор вдобавок заработал себе превосходную репутацию в ученом мире, его согласились принять на преподавательскую должность с осени следующего года. Оставшееся до тех пор время решено было использовать для переезда и изучения итальянского языка, который пока что был знаком профессору только в части любовного лексикона.

Разумеется, его немного пугала необходимость объявить новость, эффект которой будет подобен разорвавшейся бомбе. Ангина подарила ему небольшую отсрочку, но теперь настало время, когда больше нельзя было откладывать необходимые переговоры, в ходе которых он должен был сообщить о своем уходе. Сегодня в полдень у него уже было назначено собеседование с деканом. Отступать было поздно. В пятницу на праздновании Рождества они с Изабеллой собирались объявить о своих отношениях всем остальным. А потом он будет отмечать Рождество в доме своей будущей жены за большим застольем, в котором примут участие ее многочисленные и многоречивые родственники. Вот что творит с человеком нежданно-негаданно обрушившаяся любовь! Профессор Бошан не переставал этому удивляться.

Профессор Бошан покачал головой и погрузился в изучение бумаг, скопившихся у него на столе. Разумеется, он будет скучать по своей

команде, в первую очередь по мадемуазель Делакур, своей лучшей и самой способной студентке, которая писала у него магистерскую диссертацию и в которой он за то время, что она у него работала, так толком и не разобрался. Он испытывал почти отеческое чувство ответственности в отношении этой очаровательной девушки, которая, словно добрая фея, всегда была рядом, когда это требовалось. Тихая вода означает глубокий омут, в ее случае он был в этом уверен. Чересчур серьезна для своего возраста, но стоит ей улыбнуться, как все вокруг озаряется светом. Вот что он скажет ей на прощание: чтобы она почаще улыбалась!

Осторожный стук в дверь пробудил его от задумчивости. Бошан поправил очки и поднял голову от бумаг.

– А-а-а, мадемуазель Делакур! Входите, входите! Я как раз о вас подумал.

Профессор отложил документ, который только что просматривал, и сделал знак Нелли подойти ближе. Он сидел перед стеллажом во всю стену, уставленным книгами, и, казалось, был в превосходном настроении.

– Bonjour, Monsieur Beauchamps!^[40] Как хорошо, что вы снова здесь! – Улыбаясь, Нелли быстро подошла к столу. То, что профессор только что думал о ней, показалось ей добрым предзнаменованием. – Вы правда уже совсем поправились?

– Да, я прекрасно себя чувствую, – правдиво ответил Бошан. Ему и впрямь редко когда в жизни бывало так хорошо, как сейчас. – Прощу вас, садитесь, пожалуйста! – предложил он, кивнув на кресло перед своим столом, и его взгляд с удовольствием остановился на ассистентке, которая сегодня выглядела особенно миловидной.

Нелли села. За несколько минут до прихода она проверила в зеркале свой внешний вид. Малиновое платье с круглым вырезом, на ширину ладони не доходившее до колен, маленькие висячие сережки, симпатично покачивающиеся при каждом движении головы, блестящие каштановые волосы до плеч, слегка завившиеся на концах от царившей на улицах сырости, красная губная помада – все выглядело как надо.

С сильно бьющимся сердцем она слушала, как профессор, кутая шею в платок с огуречным узором, чтобы защитить свои больные миндалины от холода и сквозняков, разглагольствовал об ужасной погоде вообще и своей ангине в частности. Наконец он, сложив перед собой на столе руки, обратился к Нелли:

– Ну а вы-то как поживаете, мадемуазель Делакур? Все хорошо? Как продвигается диссертация? Кстати, вступительная часть мне очень понравилась. Возможно, вам бы следовало немного подробнее остановиться на вопросе о...

– Профессор Бошан, – прервала его Нелли, которой в этот момент было совершенно не до диссертации. Ей нужно было выполнить важную миссию. Не колеблясь ни минуты, она вынула из сумки голубой конверт. – Вот! Я уже давно хотела вам его передать! – Она протянула профессору конверт.

– О! Вы написали мне поздравительную открытку по случаю

выздоровления! Вы так внимательны!

Повертев письмо в руке, Бошан потянулся за ножичком для разрезания конвертов, который стоял в серебряном стаканчике для карандашей.

– Нет, не сейчас! – Заметив удивленный взгляд профессора, Нелли покраснела. – Видите ли, я хотела, чтобы вы прочитали это письмо в спокойной обстановке, когда никто не мешает... И тогда... То есть я уже давно хотела с вами об этом поговорить, но... Но у меня как-то плохо получается, когда... когда... Да ладно, не все ли равно! Прочтите письмо, и вы все поймете!

Облегченно вздохнув, Нелли откинулась на спинку кресла. Дело сделано, а дальше будь что будет!

Бошан опустил руку с письмом и подмигнул девушке:

– Звучит очень таинственно! – Подумав секунду, он понизил голос. – Думаю, я должен открыть вам один секрет, – сказал он с улыбкой.

Нелли так и подскочила:

– Секрет? – Ее сердце отчаянно заколотилось.

Бошан кивнул:

– В скором времени я уйду из Сорбонны.

– Что?! – Нелли обомлела.

– Да, я знаю, это очень неожиданно. Даже для меня самого. Собственно, я принял это решение только недавно, когда болел этой ужасной ангиной.

– Но... Но как же так... Почему... – запинаясь, выговорила Нелли. – Вы хотите уехать из Парижа? – Она перестала что-либо соображать, только смутно чувствовала, что эта новость не сулит ей ничего хорошего.

Бошан покорно вздохнул:

– «Хочу» – не то слово! Если уж говорить начистоту, то я уезжаю не совсем по доброй воле. Я буду очень скучать по всем. Особенно с вами мне всегда работалось замечательно. О вас, мадемуазель Делакур, я, с позволения сказать, всегда был самого высокого мнения.

Нелли посмотрела на него удивленными глазами:

– Так почему же вы тогда уходите? Неужели здесь отказались продлить ваш контракт?

Для человека, который был *вынужден* уйти с работы, Бошан выглядел слишком бодрым и оживленным, подумала Нелли. До того оживленным, что это даже вызывало тревогу.

Профессор откашлялся:

– Если вы обещаете мне не проговориться об этом до Рождества, то я прямо сегодня скажу вам, в чем дело, – объявил он весело. – Я уезжаю в

Болонью из-за любви.

– В Болонью? – Голова у Нелли пошла кругом. Даже не будучи математически одаренным человеком, тут легко было сложить два и два.

– В Болонью, – повторил Бошан. – Удивлены, да? – Он усмехнулся. – И если уж быть точным, то всем этим я обязан только вам или, вернее говоря, той маленькой собачке. – Профессор откинулся в кресле, и в глазах его появилось мечтательное выражение. – Помните, как вы тогда, в октябре, не смогли поехать на нью-йоркский конгресс из-за маленькой Лилы?

– Лулы, – машинально поправила Нелли, прежде чем окончательно перестала что-либо соображать.

И пока профессор с восторженно загоревшимися глазами рассказывал ей о своей великой любви, которая обрушилась на него неожиданно-негаданно, как гроза, и даже обрисовал в общих чертах сияющую перспективу прекрасного будущего в качестве мужа белокурой итальянской преподавательницы с серебряными браслетами, Нелли с остановившимся взглядом пыталась удержаться от слез, которые вот-вот готовы были хлынуть у нее из глаз.

– Вы первая, кому я об этом рассказал, мадемуазель Делакур. Впрочем, что уж там! Можно я буду называть вас просто Нелли? Ну, вы же сами понимаете: мы с Изабеллой решили, что лучше пока поддержать это дело в секрете, чтобы избежать ненужных разговоров на факультете. Сегодня в полдень я иду говорить с деканом. А на рождественском празднике мы обо всем объявим официально.

Бошан сиял от счастья. И только кончив говорить, обратил внимание, что его ассистентка вдруг побледнела.

– Нелли! Что это с вами? – Он испытующе поглядел на нее. – Никак вы плачете?

Нелли помотала головой и почувствовала, как стоявший в ушах тоненький звон усилился и превратился в бушующий ураган.

– Нет, нет! – заверила она его придушенным голосом. – Просто... просто я... так растрогалась...

– Ах, Нелли! Какое же вы сердечное существо! Мне кажется, я буду очень по вас скучать. – Профессор улыбался. Глядя на нее, он сам так растрогался, что готов был излить перед ней свою душу. – Но ведь это и впрямь весьма романтическая история?

Нелли встала с кресла на подкашивающихся ногах и молча кивнула. Она думала только о том, чтобы как можно скорее выбраться из профессорского кабинета.

– Я... сердечно рада... за вас, – выговорила она через силу.

Профессор Бошан тоже поднялся.

– Спасибо вам, Нелли! – сказал он, радостно кивая. – А что касается вашей магистерской работы, то пусть вас это не беспокоит. Я, конечно, останусь вашим руководителем и доведу вас до защиты.

Нелли проглотила комок и посмотрела на профессора взглядом утопающей:

– Вы очень любезны.

– Пустяки, иначе и быть не может! Да, Нелли, вот что еще...

– Да?

– Вам нужно почаще улыбаться. Вы даже не представляете себе, как вы очаровательны, когда улыбаетесь.

Нелли стиснула губы и заставила себя улыбнуться. Затем бросила на Бошана последний взгляд. Он ничего не понял, ничего!

– Увидимся, значит, на праздновании Рождества, – сказал он на прощание. – И пожалуйста, сохраните до тех пор наш маленький секрет, хорошо?

– Не беспокойтесь.

Нелли хотела уже направиться к двери, как вдруг ее взгляд упал на голубой конверт, который все еще лежал на столе и в котором содержался секрет куда более серьезный. Ее обдало жаром. Она шагнула к столу и быстрым движением схватила письмо, в котором было сказано все, что накопилось у нее на сердце.

Профессор удивленно поднял брови.

– Что это вы, Нелли, как же так? – запротестовал он.

– С этим все закончено, – сказала Нелли и, слабо улыбнувшись, сунула конверт к себе в сумку. – Вы уже поправились и теперь здоровы.

Затем она повернулась на каблуках и со слезами на глазах бегом кинулась вон из кабинета, оставив профессора в полном недоумении и заставив его лишний раз убедиться в том, что мадемуазель Делакур совершенно загадочное существо. Пробежав через секретарскую, мимо мадам Борель с неизменным тунцом, мимо своего кабинета – на бегу схватила висевший на стуле плащ и шарф, мимо Изабеллы Сартти, которая, тихонько напевая, как раз отпирала свою дверь с постером из Метрополитен-музея прочь от всего, что еще утром имело для нее значение.

И все это время в голове стучали одни и те же слова, достойные, пожалуй, Алексиса Зорбы: «The full catastrophe, the full catastrophe!»^[41]

Через полчаса Нелли уже не могла понять, катятся ли по ее щекам слезы, или это струи морозящего дождя. Клетчатый зонтик остался в

кабинете, где она поставила его сушиться. Второпях она забыла его прихватить, но теперь это тоже не имело значения.

Не раздумывая, она почему-то пошла в Люксембургский сад, совершенно осиротевший в эти дни. Нелли брела по знакомым дорожкам под могучими столетними деревьями, которые тянулись оголенными ветками к тяжелым тучам, словно надеясь ухватить среди них кусочек ясного неба. Нелли подняла голову, вглядываясь в серую высь. «Напрасные усилия любви, напрасные усилия любви», – горько подумала она и тут почувствовала, как правый башмак наполнился водой, потому что она угодила ногой в лужу. Чертыхнувшись, она выскочила на сухое место.

– Какого черта! Что же это все сегодня идет наперекосяк! – воскликнула Нелли и раздраженно подумала, с какой стати профессор Бошан все время вел себя с ней так любезно, если она ему была совершенно не нужна? Она же все это не придумала – его взгляды, его улыбку, все эти замечательные слова, которые она бережно хранила в душе как какие-то бесценные сокровища! Список совпадений, который она вела так аккуратно! Все это вело к логическому выводу, что рано или поздно им суждено быть вместе. Она положилась на то, что время работает на нее, и терпеливо, как овца, дожидалась, когда представится подходящий случай. А тут вдруг откуда ни возьмись эта итальянка, причем уже с женихом, и раз тебе – хватило одной чертовой грозы, чтобы между ней и профессором вспыхнула любовь! Как же несправедлива жизнь! Чтобы это понять, не обязательно даже изучать философию.

«А как все повернулось бы, если бы это ты с ним была в Центральном парке? – раздался тихий голос из глубин сознания. – Тогда, может быть, все вышло бы иначе. Это не приходило тебе в голову?»

Нелли зажала уши руками. «Если бы, если бы! – закричала она. – Никакие „если бы“ мне уже не помогут. В жизни все идет не по сослагательному наклонению. Бесполезно мечтать. Нужно просто делать что-то, просто что-то делать!»

Какой-то пожилой господин, решивший, по-видимому, не пропускать свою ежедневную прогулку из-за плохой погоды, приблизился к Нелли неторопливым шагом. Приподняв повыше над головой черный зонтик, он с интересом смотрел на бранящуюся молодую женщину.

– Могу я вам чем-то помочь, мадемуазель?

– Нет!

Прибавив шаг, Нелли продолжила прогулку по залитому дождем саду. Вот уж в чем она совершенно сейчас не нуждалась, так это в

сострадательном сочувствии старичка-пенсионера. Неужели от людей даже в парке нельзя укрыться? Она свернула налево и очутилась на раскисшей от грязи дорожке, которая вела к закрытому сейчас ресторану, в котором летом она иногда закусывала салатом, расположившись под сенью высоких деревьев. Однажды она была здесь даже с профессором Бошаном. К сожалению, грозы тогда не случилось. Нелли снова всхлипнула и предалась жалостным мыслям. Тут ее взгляд упал на урну возле дорожки. Она остановилась и стала яростно дергать застрявшую молнию своей сумочки, в конце концов оборвала ее, и через несколько секунд в урну посыпались мелкие клочки голубой бумаги, из которых уже ни одна рука не составит любовного послания.

После этого Нелли ненадолго полегчало. Она повернула назад, Люксембургский сад сегодня так и не дал ей утешения. Она продрогла. Ноги промокли. Глупо часами бегать тут под дождем, все равно это не помогает. Лучше уж пойти в «Старую голубятню», маленькое кафе неподалеку от церкви Сен-Сюльпис, там можно согреться и подкрепиться бокалом вина и луковым супом в горшочке. А потом она позвонит кухне Жанне, которая, как бабушка Клэр, всегда могла дать хороший совет.

С расстроенным выражением на лице Жанна, поджав ноги, сидела на большом синем диване, который раньше стоял на кухне у Клэр Делакур, и слушала, что ей говорила Нелли. Она задумчиво глядела на Нелли, которая тоже сидела на диване, завернувшись в белое шерстяное одеяло, такая несчастная, что дальше, кажется, некуда. Глаза у нее были заплаканные, а в руке она сжимала носовой платок.

– Ах, Нелли, Нелли! Что же ты наделала! – вздохнула Жанна.

Нелли чихнула:

– Я вообще ничего не делала!

– В том-то и дело!

Жанна прислонилась к диванному подлокотнику. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что там случилось у Нелли. Когда утром Нелли позвонила по телефону и, рыдая, спросила, не может ли она немедленно к ней прийти, Жанна не на шутку перепугалась. Для того чтобы так душераздирающе плакать в телефонную трубку, требовалась веская причина, по крайней мере, так думала Жанна, у которой была более прозаическая натура, чем у ее младшей кузины. Это значило, что либо кто-нибудь умер, либо заболел смертельно опасной болезнью. Любовные страдания в представлении Жанны не относились к числу таких заболеваний. От любовных переживаний еще никто не умирал, и она прямо так и сказала двоюродной сестре:

– Ты это из-за Жана?

– Из-за Жана? Какого Жана? – Нелли на минутку даже перестала рыдать.

– Да тот парень с гитарой из Мэна, который поглядывал на тебя влюбленными глазами. Между вами ведь что-то, кажется, намечалось? Я думала, вы с ним по-прежнему встречаетесь. Приятный мужчина, ничего не скажешь.

– Ах, это ты о *Шоне*! – Несмотря на все свое горе, Нелли чуть не рассмеялась. Надо же было так ошибиться! – Нет-нет, как это вообще пришло тебе в голову! Между нами никогда ничего не было. Это друг, просто знакомый. Этот Шон вообще не мой тип.

– А-а... – Жанна как-то по-особенному вздохнула, как будто такой ответ ее успокоил. – Тогда кто же твой тип, позволь узнать? Я имею в виду того, кто сейчас разбил твое сердце. Скажи мне, и я сразу вышлю отряд

костоломов с дубинками.

Нелли проглотила стоявший в горле комок.

– Даниэль Бошан, – сказала она тихо.

– Mon Dieu! Неужто ты это серьезно! – воскликнула на другом конце Жанна и громко расхохоталась. – Поверить не могу – хромой профессор! Ну, тогда ничего страшного. Куда тебе такой старый!

– И вовсе он не старый, – обиделась Нелли, – наверно, зря она позвонила Жанне. – И перестань обзывать его хромым профессором, это неуважительно!

– Ладно, – Жанна не собиралась обсуждать дальше романтические бредни своей кузины. – Слушай, дорогая! Сейчас я в кафе одна и не могу никуда уйти. Завари себе крепкого чаю, сними мокрые шмотки и приляг отдохнуть. Попытайся уснуть. Это всегда полезно. Мне придется подождать, когда придет Селина. Часа через три я буду у тебя. Как-нибудь дотерпишь до тех пор?

– Да, постараюсь, – кивнула Нелли.

Дав напоследок сомнительное обещание, что это еще не конец света и скоро Нелли будет сама смеяться над этим неудачным эпизодом из своей жизни, Жанна повесила трубку.

И вот она уже битый час сидит на диване у Нелли, пытаясь понять, что же произошло. На столе стояли две чашки черного кофе и две тарелочки, на которых еще лежали остатки недоеденного грушевого пирога.

– Мне сейчас вообще не до еды, – сказала Нелли, когда Жанна явилась к ней с грушевым пирогом.

– А ты постарайся! Ну немножечко. Ты же так любишь грушевый пирог!

В мире Жанны вкусная еда была первейшим средством, когда требовалось утешение. Она сунула тарелочку с пирогом кухне под нос и ободряюще ей улыбнулась. В конце концов та сама не заметила, как по кусочку почти все подъела, пока рассказывала Жанне, какая катастрофа приключилась с ней сегодня утром.

– Гм, – пожала плечами Жанна.

Жанна действительно не могла понять, в чем состоит ужасная катастрофа, но, зная, какая мимоза ее сестра, на всякий случай постаралась поосторожнее сформулировать то, что пришло ей в голову.

– В этом, конечно, нет ничего... хорошего. Но со стороны все выглядит не так уж... страшно. Ну что тут такого уж особенного произошло между вами? Если я правильно понимаю, то ничего. Ты же не будешь всерьез говорить, что этот хромой... то есть этот Бошан тебя

обманул.

– Этого я и не говорю, – сказала Нелли, глядя на Жанну несчастными глазами.

– Ну что ты так смотришь! Господи, это же просто невыносимо! – Жанна взяла горячую руку Нелли, которая все еще стискивала носовой платок, и пожала, чтобы ободрить. – Вы же вообще не подходите друг другу – этот Бошан и ты. – Жанна считала профессора добродушным занудой, но из чувства такта оставила это мнение при себе.

Нелли вспомнила свой список совпадений, но ничего не сказала.

Обе помолчали, затем Жанна потянулась за пузатым чайником и налила себе и Нелли еще по чашке. Она сама расстраивалась, глядя на печальное лицо Нелли. А между тем, горевать было, в сущности, не из чего, это было даже нелепо. Отпив глоток чая, Жанна решительно отставила чашку:

– Сказать тебе, как обстоит все по правде?

– Нет.

Нелли не желала слушать никакой правды.

– По правде, ты все это придумала и сама убедила себя в этих фантазиях. Я хочу сказать, что вся эта дурацкая «любовная история», – тут Жанна обозначила жестом кавычки, – существует только в твоём воображении. Сплошная кажимость. Ты немного замечталась, Нелли. Студентка, увлеченная своим профессором, – это же классический случай! Ладно, это не запрещается, но теперь-то пора опомниться и спуститься с небес!

– Да что ты вообще понимаешь в чувствах! – сказала Нелли, кусая губы.

Жанна только вздохнула. Как подступиться к романтику, она не знала. Все это надуманное кривляние, туманные намеки на что-то непонятное, разговоры про лунный свет и неизъяснимую тоску... Может быть, они и красиво звучат, но, как правило, ни к чему не приводят.

– Еще как понимаю, – спокойно возразила она. – Твои переживания, например, все это время интересовали только тебя. Этот Бошан не имеет ни малейшего представления о твоих великих чувствах, это же совершенно ясно, – Жанна развела руками. – Да и откуда он мог о них знать, если ты никогда не высказывалась? Сколько ты уже знакома с Бошаном? Год? Два года? Что же ты хочешь! Все, чему суждено быть, сбывается. В глубине души ты и сама чувствовала, что из этого ничего не получится. Но, конечно, это же куда проще – навоображать себе всякое, чем честно взглянуть в лицо фактам!

– Нет, все было иначе, – сказала Нелли, хотя в ней и шевельнулось сомнение – вдруг все действительно было именно так, как говорила Жанна. – Тебе это, возможно, покажется странным, но внутреннее чувство подсказывало мне, что все будет хорошо, и я только ждала...

– Ждала? И чего же?

– Какого-нибудь знака, – тихо ответила Нелли.

Жанна хлопнула себя ладонью по лбу:

– О господи! Неужели ты это серьезно? – Она как-то забыла про то, что кухня верит в приметы и знаки. А ведь Нелли и раньше была склонна выдумывать несуществующие связи между событиями, приписывать им особенное значение и в чем угодно угадывать скрытый смысл. Жанна покачала головой: – Бедная моя, милая кузиночка! Не заняться ли тебе как-нибудь правильными философами? Сартр, например, тебе очень бы пригодился. – Она сочувственно посмотрела на Нелли. – Пойми ты наконец, Нелли, никаких знаков вообще не бывает. Да и откуда бы им взяться? Только мы сами придаем смысл и значение своей жизни. Так что брось-ка ты лучше дожидаться знаков. Поверь мне, Вселенной совершенно безразлично, что мы тут творим на этой земле.

Нелли высморкалась и повыше натянула одеяло, ее все еще познабливало.

– Я считаю, что в твоей картине мира совершенно нет места магии, – заявила она наконец. – Во что-то надо же верить!

– Я верю в то, что я вижу. И нахожу в этом достаточно магии, – насмешливо улыбнулась Жанна, вставая с дивана. – Уже поздно, и тебе, голубушка, пора в постель. Не знаю уж, магия мне подсказывает или не магия, а одно я могу тебе точно предсказать: через две недели профессор Бошан уйдет в прошлое и ты сама не сможешь понять, отчего ты так переживала.

– Апчхи! – ответила Нелли. – Уж лучше бы магия.

Когда кухня ушла, Нелли, знобко поеживаясь, подошла к окну. Над Парижем взошла одинокая луна и светила так же печально, как было и на душе у Нелли. Впервые с тех пор, как она здесь поселилась, Нелли почувствовала, что хотела бы быть как можно дальше отсюда. Где-нибудь на юге, где сейчас тепло и светит солнце, а люди беззаботны и веселы. Она задернула шторы и чихнула.

Задумчивым взглядом она обвела свое жилище, за которое несколько лет назад выплатила первый взнос из денег, полученных по наследству. Спокойная спальня с балконом, просторная гостиная, в которой нашлось

место для ее письменного стола и большого бабушкиного дивана, уютная маленькая кухонька, ванная с окном. Хорошая квартирка старой застройки в центре Парижа, которая принадлежала или почти что принадлежала ей. Как она тогда этим гордилась! Она установила себе режим строгой экономии, чтобы выплачивать банку ежегодные взносы, и всегда испытывала в январе чувство удовлетворения, переведя в банк очередной взнос досрочно. Семьдесят квадратных метров надежности! Но сейчас все это представлялось ей таким незначительным. Париж вдруг стал темным и холодным, удаленным на миллионы световых лет от уюта и единения летнего вечера в парке Бю-Шомон, где она стояла перед входом в ресторанчик «Роза Бонёр» такая влюбленная и полная надежды.

– Ну, не вешай нос! – сказала ей на прощание Жанна. – Все это пройдет. Самое худшее у тебя уже позади. Ты же помнишь, что говорила бабушка: в самый темный ночной час уже занимается новый день.

Новый день принес с собой головную боль и озноб, что не предвещало ничего хорошего. Нелли не пошла на факультетский праздник в честь Рождества (что уберегло ее, по крайней мере, от влюбленной речи профессора, которую он завершил веселым «*Tanti auguri!*»^[42]) и не поехала в Локронан, где в последние годы всегда проводила рождественские праздники с кузиной Жанной в окружении многочисленных бретонских родственников, собиравшихся в доме с синими ставнями, в котором прошло ее детство.

Все праздники она лежала в кровати, сотрясаемая жутким кашлем, и предавалась размышлениям об упущенных возможностях и разбитых мечтах. Но через три дня после того, как колокола собора Нотр-Дам возвестили наступление нового года, а Нелли впервые встала после болезни, она вдруг сделала загадочную находку, которая ознаменовала совершенно новый поворот в ее жизни.

Жанна, разумеется, не согласилась бы, что посвящение, найденное в книге, было знаком судьбы. Нелли, напротив, была совершенно убеждена в том, что это так, – посвящение было знаком.

Всегда, когда у Нелли что-то в жизни не ладилось или возникали какие-то непреодолимые трудности, она принималась за уборку квартиры. Потому что если ты в состоянии навести порядок в мелочах и все расставить по местам, то и с крупными проблемами все как-нибудь утрясется. Никогда нельзя допускать, чтобы внешние обстоятельства управляли тобой, потому что тогда ты в конце концов совсем запутаешься.

Нельзя сказать, чтобы у Нелли на полках и в ящиках царил какой-то особенный беспорядок, чтобы на стульях и креслах валялась разбросанная одежда или письменный стол был сплошь загроможден бумагами так, что не видно и столешницы. У Нелли были свои слабости, но ее никак нельзя было назвать неряхой. Однако за последние тревожные недели мусор все-таки накопился. В маленькой кухне большая плетеная корзинка, в которую она складывала упаковку от продуктов, – Жанна, перед тем как уехать в Бретань, обеспечила ее солидным запасом питания, – была уже полна до краев. Надо было помыть ванну, да и паркет в комнатах пора было натереть.

В начале января Нелли встала с кровати, и, когда она, все еще покашливая, открыла балконную дверь, нос ей пощекотал солнечный лучик, прошмыгнувший сквозь серые тучи. Нелли вдохнула свежий утренний воздух и с удивлением поняла, что ей стало лучше. Голова не болела, ломота в теле прошла, и впервые за все время после того злополучного декабрьского дня она, проснувшись, не подумала о Даниэле Бошане в первую же минуту.

Нелли сварила себе кофе, оделась и решила, что пора посвятить день уборке. Нельзя все время киснуть без дела. Когда вокруг будет восстановлен порядок, возможно, пройдут и мрачные мысли.

Она застелила кровать, выбросила коробочки из-под лекарств в корзинку для бумаг, вынесла мусор, старые газеты и пластиковые бутылки во двор, где стояли мусорные баки, помыла стаканы и тарелки, вытерла на полках пыль, пропылесосила берберский ковер в гостиной, до блеска натерла специальной жидкостью овальный обеденный стол, спрятала одежду и обувь, которую давно не надевала, и почувствовала, что настроение у нее заметно улучшилось. Вот чем хороша физическая работа, в отличие от умственной: ты сразу видишь результат и можешь почувствовать удовлетворение.

В детстве Нелли, когда ее спрашивали, кем она хочет быть, отвечала, что хочет стать продавщицей книжного магазина, как ее мама. Книжная лавка под названием «Дикая гортензия» и «Салон чая», которые держала ее мама в Кемпере, были совершенно особенным местом с солнечно-желтыми стенами и голубой дверью, по бокам которой цвели разросшиеся кусты ярко-голубой гортензии. Бывать там любила не только девочка, но и покупатели, заходившие туда за книжками и отборными сортами чая. А если захочется и найдется свободное время, то можно было посидеть в уютном салоне со свежеприобретенным романом или художественным альбомом, наслаждаясь ароматным чаем à la rose^[43] из тонкой фарфоровой чашки с кусочком gâteau au chocolat^[44]. В восемь лет для Нелли не было большего удовольствия, как расположиться с книжкой и большим куском шоколадного торта на любимом диване под одним из двух высоких окон чайной комнаты и погрузиться в мир фантазии.

Сейчас в двух комнатах, в которых прежде блаженствовали книголюбы, находился магазин одежды, в котором продаются рубашки для рыбалки, капитанские фуражки и водонепроницаемые куртки и плащи. И разумеется, сине-белые полосатые тельняшки, которые заезжие туристы с удовольствием покупают в качестве сувенира из Бретани.

Приехав в Париж и поступив в университет, Нелли, знакомясь с окрестностями Сорбонны, обнаружила там, к своей радости, «Крылатого муравья». Этот бывший книжный магазин со странным названием был расположен в тени церкви Сен-Жюльен ле Повр, и там можно было приобрести чай тридцати четырех сортов. Он являл собой чудесное тихое пристанище среди суматохи Пятого округа. Этот маленький чайный салон с голубой дверью на улице Фуар, всего в нескольких шагах от знаменитого книжного магазина «Шекспир и компания», сразу бросился Нелли в глаза благодаря своему сходству с «Дикой гортензией». Никаких гортензий тут, правда, не было, зато можно было выбрать к чаю вкусный десерт, кроме того, это было восхитительно обставленное помещение, где все стены были увешаны зеркалами, картинами, а главное, уставлены книгами, которые можно было посмотреть, сняв с полки. Устроившись тут как-то в ноябрьский день за квадратным мраморным столиком между двумя светлыми, увитыми цветочными гирляндами колоннами, Нелли обнаружила в меню даже свой любимый чай.

Thé à la rose. Нелли, как сейчас, помнила нежный аромат розы, который поднимался из тонкой фарфоровой чашки. В детстве она пила черный чай с молоком и тремя кусочками сахара, потому что иначе он был

для нее слишком крепким, и, поднося чашку за золоченую ручку ко рту, она всегда воображала себя взрослой аристократической дамой. «Подноси чашку ко рту, никогда не тянись к ней губами» – так учила мама, и Нелли с тех пор раз и навсегда усвоила это правило.

Доставая швабру из кухонного шкафа, она подумала, что было бы, если бы родители не погибли тогда в аварии. Поступила бы она так, как мечтала в детстве, и осталась бы, как мама, продавать книги в «Дикой гортензии» или нет? Или она все равно уехала бы в Париж, чтобы учиться в университете? Выучила бы она тогда итальянский? Познакомилась бы с теориями Поля Вирильо и профессора Бошана? Полетела бы с ним в Нью-Йорк, потому что не боялась бы так самолетов?

Нелли вздохнула и, начав подметать пол в нише, где стоял письменный стол, озабоченно подумала о магистерской диссертации, которую предстояло еще дописывать. В последнее время у нее заметно снизилась мотивация. При мысли о том, что нужно еще обсудить некоторые моменты с беглым профессором и защищать тезисы своей работы перед комиссией, в которой будет присутствовать Бошан, на нее тотчас же накатило тоскливое настроение. Она крепче обхватила руками швабру. «Все, хватит! – одернула себя Нелли. – Возьми себя в руки!»

Она пошла в спальню и, энергично махая шваброй, стала подметать паркет. Две заколки для волос, одна таблетка от головной боли, упавшая с тумбочки, целая горка хлебных крошек от багета, шариковая ручка, блок почтовых марок и песок, который она, вероятно, притащила на подошвах после отчаянной прогулки в Люксембургском саду, – образовалась изрядная куча мусора. Из-под кровати она вымела несколько перышек от подушки и даже пропавший градусник, который она никак не могла найти. Она нагнулась, чтобы поглубже достать шваброй под широкой кроватью, которая была придвинута к стенке, и вдруг почувствовала, что на что-то наткнулась. Нелли опустилась на четвереньки и заглянула под кровать – что там такое. Под кроватью у самой стены стояла картонная коробка, слишком тяжелая, чтобы ее можно было достать шваброй. Интересно, что там такое?

Нелли легла на живот и полезла под кровать за коробкой. Пока она, кряхтя, вытаскивала находку, ей вдруг вспомнилось, что там лежали любимые бабушкины книжки, которые она после ее смерти сама забрала в Париж. Тогда она только что нашла квартиру на улице Варенн, и так как еще не успела купить книжный шкаф, то временно засунула картонку с книгами под кровать, чтобы после разобрать ее на досуге. С тех пор минуло пять лет.

Нелли сама удивилась, как могла совершенно забыть про коробку с книгами. Как если бы она вдруг в кармане старого пальто нашла купюру в сто евро или в глубине какого-нибудь ящика неожиданно обнаружила заблаговременно купленный подарок, который припрятали, чтобы вручить тебе на день рождения.

День рождения Нелли давно прошел или ожидался еще не скоро, это как посмотреть, потому что Нелли родилась двадцать второго июля. Тем не менее она очень обрадовалась этой находке, быстро смела с коробки слежавшуюся пыль и приняла книги как запоздалый рождественский подарок.

Клэр, как было известно Нелли, очень любила читать и в первые годы их совместной жизни с Максимилианом Делакуром зачастую сильно запаздывала с ужином, так как, увлекшись чтением, не могла вовремя оторваться от книги. Улыбаясь, Нелли сорвала с коробки клейкую ленту и открыла крышку. Ее охватило торжественное настроение. Она с волнением сняла шелковую бумагу, которой было накрыто содержимое, и заглянула внутрь, собираясь перебрать любимые книжки Клэр.

Нелли никогда не сомневалась в хорошем литературном вкусе своей бабушки. Как-никак все дочери господина Бофора получили превосходное образование, но в этой коробке среди прочих сокровищ обнаружились и такие, которые ее удивили. Сверху лежало несколько томов французских классиков в кожаных переплетах, которые наверняка перешли к Клэр от отца: на этих книгах был наклеен экслибрис Жоржа Бофора, выполненный в технике ксилографии. Это были пьесы Мольера и Расина, два романа Виктора Гюго, знаменитый сборник Бодлера «Цветы зла» и «Приключения Телемаха» Фенелона. Замечательные стихи Арагона «Глаза Эльзы» явно принадлежали самой бабушке, как и роман Ален-Фурнье «Большой Мольн», у Нелли тоже стояла на полке эта книга, одна из ее самых любимых. История несчастного «Доктора Живаго» лежала рядом с романом из жизни южан в Соединенных Штатах Америки «Унесенные ветром». Во времена бабушки это был очень популярный роман, которым увлекались все молодые девушки. Среди прочего Нелли обнаружила довольно зачитанный экземпляр «Марни»^[45]. Нелли хорошо помнила эту книжку еще с детства, заголовок в ней был выполнен косым рукописным шрифтом. Девочкой она впервые разглядела ее в темном углу книжного шкафа в Локронане, но название «Marnie» на корешке прочитала как «Mamie»^[46].

– Посмотри-ка, маміе, – сказала она тогда, – вот книжка про тебя.

Нелли рассмеялась и вынула из коробки следующую пачку книг. «Портрет дамы» и «Крылья голубки» Генри Джеймса, «Алая буква» Готорна и Гарди – «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» – этим романом она сама зачитывалась в ранней юности. Нелли опять вспомнила, как бабушка ей говорила, что в семидесятые годы в Локронане Полански снимал знаменитую экранизацию этого романа с Настасьей Кински в главной роли. На дне коробки оказались романы итальянских авторов, среди прочих там был роман Бассани «Сад Финци-Контини» и «История» Эльзы Моранте, а также несколько романов поновее, книжка Умберто Эко, роман Кальвино «Если однажды зимней ночью путник», а также книги Фруттеро и Лучентини «Любовник без постоянного места жительства» и «Палио мертвых всадников». Самозабвенно погрузившись в свое занятие, Нелли сидела на полу, перебирая книжки, затем бережно сложила их обратно в коробку и волоком перетащила ее в гостиную, чтобы с пятилетним опозданием расставить наконец бабушкино богатство по полкам.

Прежде чем убрать очередную книгу в шкаф, она ее на всякий случай пролистывала. Ведь никогда не знаешь, что могло заваляться между страницами? Может быть, почтовая открытка, старая фотография или денежная купюра? У самой Нелли была такая привычка рассовывать бумажки по книгам и потом забывать, что куда положила. Но в бабушкиных книгах ничего похожего не попадалось.

Единственное, что Нелли находила, это надписи. На каждой книжке, кроме тех, которые, судя по всему, принадлежали Жоржу Бофору, бабушка писала свою фамилию: сначала Бофор, позднее Делакур. Ее имя всегда стояло на второй странице справа, также там была обозначена соответствующая дата. И только одна книжка, которая лежала в коробке на самом дне и потому попалась Нелли в последнюю очередь, представляла собой исключение из общего правила: тут владелица не увековечила своего имени.

Это было оригинальное издание итальянского писателя Сильвио Тодди, о таком авторе Нелли ничего не слыхала. Как значилось под заглавием на обложке желтовато-коричневого цвета, это было пятое издание его романа «Действительно в течение десяти дней» («Validita giorni dieci»). Должно быть, бабушка очень хорошо знала итальянский язык, раз могла прочесть на нем целый роман. «Действительно в течение десяти дней» – это звучало несколько беспомощно, больше похоже на просроченный билет, чем на роман, и конечно, эта книга не была шедевром мировой литературы.

Сдув пыль с обреза, Нелли открыла первую страницу, которая начиналась с многообещающей реплики героя, клявшегося, что не пойдет сегодня в контору, даже если мир перевернется.

Нелли одобрительно улыбнулась. Роман, кажется, совсем неплох. Она бегло просмотрела первые страницы – достаточно, чтобы понять, что речь тут идет об увлекательной любовной истории с неожиданными поворотами, действие которой разворачивается в Венеции, где влюбленная пара Паоло и Клара в конце концов обретают друг друга. Ее взгляд зацепился за подчеркнутую карандашом строчку, которую она без труда перевела с итальянского: «Рядом с ней, которую он обожает, он сможет добиться, казалось бы, невозможного».

Неужели это подчеркнула ее бабушка? Нелли полистала еще немного, заглянула в начало и в конец и уже хотела поставить книжку на полку, как вдруг заметила еще что-то, что сперва проглядела.

На форзаце, в самом низу, было что-то написано. Слова почти невозможно было разобрать, так как буквы растеклись, словно они побывали под дождем. Нелли попыталась прочесть, что там написано. *Noi... sempre... al Settimo Cielo...*^[47] Под надписью виднелись полустертые инициалы, которые можно было понять как латинское *R* или *B*, *D*, *G*, а может быть, и *P*, далее: *Venezia* и дата 12. V. 1952.

«Странно! Может быть, эта книжка принадлежала совсем не бабушке и попала в коробку случайно?» – подумала Нелли. Только тут она заметила латинское изречение, которое, казалось, было впечатано, так аккуратно его от руки вписали в книгу. Изречение состояло всего из трех слов, и Нелли они были хорошо известны: AMOR VINCIT OMNIA.

Уже в который раз Нелли пожалела, что не расспросила Клэр Делакур про надпись на старинном гранатовом кольце. Разумеется, она знала, что означают эти слова, которые часто писали на своих знаменах средневековые рыцари: «Любовь все побеждает». Но что они значили для бабушки, она не знала.

Клэр подарила Нелли это старинное золотое кольцо с овальным украшением из крошечных гранатов, похожим на малиновую ягодку, в день рождения, когда ей исполнилось двадцать лет, с тех пор Нелли всегда носила его на среднем пальце.

– Раньше оно принадлежало мне, а теперь пускай будет твоим, – сказала бабушка и с улыбкой пожелала ей встретить человека, с которым она не побоялась бы летать. Эти слова Нелли хорошо запомнила.

Через день она снова вернулась из Кемпера в Париж. Глядя на бабушку, которая махала ей с перрона, Нелли еще не знала, что сегодня в последний

раз видит самого дорогого ей человека.

Через несколько дней Нелли зачем-то сняла с пальца кольцо и только тогда обнаружила надпись. Она решила расспросить о ней бабушку, когда в следующий раз встретится с ней в Локронане, но этой встрече уже не суждено было состояться.

Клэр Делакур умерла неожиданно, так легко, как гаснет падучая звезда. Она ушла тихо, просто однажды не встала с любимого кресла; телефонный звонок дядюшки, сообщившего Нелли эту печальную новость, застал ее в Люксембургском саду, пластиковая коробочка с разноцветным салатом заплясала в ее дрожащей руке, и она вдруг почувствовала себя беззащитным ребенком.

После неожиданной смерти бабушки Нелли еще некоторое время пыталась выяснить, что значила для нее эта надпись. Она спрашивала у дяди, не были ли слова о всепобеждающей любви чем-то вроде девиза семьи Делакур. Но дядюшка, только что переехавший со всем семейством в старый дом в Локронане, равно как и остальные члены семьи, ничего об этом не знал. Нелли предположила, что кольцо было подарком Максимилиана Делакура, который тот сделал жене на заре их знакомства. Но возможно, его подарил любимой дочери Жорж Бофор, который привез кольцо из какой-нибудь заграничной поездки, а затем заказал выгравировать на нем эту надпись, хотя Клэр, казалось бы, не занимать было смелости, когда дело касалось любви. В какой-то момент Нелли прекратила расспросы и стала относиться к драгоценному кольцу просто как к очень личному подарку от любимой бабушки.

И вот теперь она наткнулась на те же слова, которые всегда казались ей такими загадочными, в зачитанном старом итальянском романе, очевидно купленном или подаренном в начале пятидесятых и вот теперь обнаруженном ею среди бабушкиных книг.

Нелли еще раз взглянула на дату и подсчитала, что в 1952 году Клэр было семнадцать лет. Неужели посвящение было обращено к ней? Нелли задумчиво провела рукой по переплету, на котором большими старинными буквами было написано имя автора.

Сильвио Тодди. Кто этот человек? Нелли не помнила, чтобы это имя когда-либо упоминалось в большом каменном доме в Финистере, но это еще ни о чем не говорило. Она задумалась. Возможно ли, что бабушка была знакома с каким-то итальянским писателем и он подарил ей свою книгу с посвящением?

Взяв книгу, Нелли пошла к компьютеру. Через полчаса она уже нашла все нужные сведения о Сильвио Тодди. На самом деле его звали Пьетро

Сильвио Риветта ди Солонгелла, он родился в 1886 году в Риме и происходил из аристократического итальянского рода. Он был японистом и во второй половине двадцатого века много раз участвовал в переговорах между итальянским правительством и Японией. Выступая как журналист и писатель, он издал ряд сочинений, но свои романы всегда публиковал под псевдонимом Тодди.

Роман «Действительно в течение десяти дней» впервые вышел в 1931 году и, очевидно, был одним из самых популярных произведений этого автора, оно неоднократно переиздавалось и было экранизировано режиссером Камилло Маччочинкве, после чего в пятидесятые годы этот роман пережил настоящий ренессанс. Сам Тодди умер в Риме в 1952 году.

Нелли еще раз взглянула на дарственную надпись в книге и покачала головой. В 1952 году Тодди был уже стариком. Трудно было представить себе, чтобы полуживой старик шестидесяти шести лет обещал семнадцатилетней девушке «Седьмое Небо» – «Settimo Cielo». С другой стороны, кто угодно мог эту книгу купить и сделать в ней дарственную надпись, которая совсем не обязательно должна была относиться к бабушке Клэр, в то время еще носившей фамилию Бофор, да и книга могла принадлежать вовсе не ей.

Все это, конечно, так. В посвящении даже не упоминалось имя бабушки. Но как же тогда объяснить эту латинскую фразу, которая присутствовала и в книжке, и на кольце бабушки Клэр?

AMOR VINCIT OMNIA.

Нелли почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это совпадение не могло быть случайным. Между старой книгой и кольцом должна была существовать какая-то связь. А за ними скрывалась история, в которой какая-то роль принадлежала бабушке. Но какая? Что же произошло в Венеции в 1953 году?

Венеция! Нелли произнесла это слово вслух и вдруг почувствовала, что оно волшебное и может все изменить. Такая ли уж это случайность, что она нашла эту книжку именно сейчас, после стольких лет, в тот момент, когда у нее словно ушла из-под ног почва и ей так необходима была какая-то опора?

Уж не знак ли это, который ей много лет назад обещала подать бабушка, благодушно улыбнувшись в ответ на ее просьбу тогда на кухне? Нелли задумчиво повертела свое кольцо.

«Странно, – подумала она, – странно, странно, странно».

И затем у нее в голове родилась и стала расти новая мысль, которую

она в конце концов высказала вслух.

«Надо поехать в Венецию», – сказала Нелли.

В слове «юг» всегда звучит мечта, независимо от того, отправляешься ли ты туда из Сиорапалука^[48] или всего лишь садишься на поезд в Париже. Вроде бы речь просто о направлении, но сколько надежд оно вмещает в себя! Ехать на юг – это как будто возвратиться к былой любви!

Нелли приоткрыла окно и смотрела, как проносится мимо меняющийся ландшафт. Щеки у нее покраснелись, глаза сияли. На рассвете дня она начала путешествие навстречу главному приключению своей жизни.

Можно было сказать иначе: она пустилась в бегство, хотя сама бы так не выразилась. «Не надо драматизировать», – возразила бы она против таких слов, смущенно поправив выбившуюся прядку волос. Но все-таки вы бы догадались, что это не полная правда.

Нелли не принадлежала к тому типу людей, которые в холодное январское утро по внезапному наитию вдруг собирают чемодан, снимают в банке все свои сбережения, покупают себе дорожную красную сумочку и покидают зимний Париж, чтобы ни с того ни с сего отправиться в Венецию.

Но в жизни всякое случается. Например, прицепится страшный кашель или, того хуже, одолеют страдания от несчастной любви. А то вдруг попадется загадочная надпись на старой книге. Не говоря уже о том, что нескончаемый дождь, зарядивший в Париже, уже просто невозможно было выносить. И тут глядь, ты уже сидишь в купе скоростного электропоезда Тэ-жэ-вэ^[49], из-за туч выглянуло солнце, год только начинается, и все возможно, все впереди!

По лицу Нелли пробежала улыбка, а серебристый поезд мчался, неудержимо устремляясь на юг. El Sud!

Она и сама удивлялась, как скоро все было сделано. Какая вдруг у нее появилась решимость и быстрота. Как стремительно она собралась, преисполненная странного чувства уверенности, что все делает правильно. В Интернете она просмотрела различные предложения жилья и, выбрав съемную квартиру в Сан-Поло, забронировала ее на четыре недели. Целых четыре недели! Нелли уже и не помнила, когда она еще столько отдыхала. Ей это показалось довольно рискованно и чуть ли не нагло, и у нее сильно колотилось сердце, когда она одним кликом подтвердила бронирование. В выборе района она руководствовалась внутренним ощущением. Сан-Поло –

ей понравилось это название: немножко напоминает Марко Поло, великого путешественника, который, как и она, путешествовал только по суше и по воде. Конечно, в его время еще не было самолетов, но Нелли не претендовала на точность определений. Она купила билет и маленький путеводитель. В чемодан она, кроме брюк и свитеров, уложила несколько легоньких платьев, в придачу к ним – босоножки. Она же как-никак едет на юг!

Подобно большинству людей, Нелли связывала с югом совершенно иррациональное представление о таких местах, где каким-то образом всегда светит солнце, а жизнь безмятежна и радостна. Именно это было ей сейчас нужно. Найденная ею книжечка писателя Сильвио Тодди все больше в ее сознании обретала значение некоего знака свыше. И это дало ей необходимый толчок. Роман лежал в новой красной сумочке вместе с небольшим итальянским словариком. Нелли собиралась всю долгую дорогу читать роман.

Она удобно устроилась на мягком сиденье. В первом классе оказалось действительно гораздо просторнее. Когда кассир на вокзале спросил ее, она помедлила меньше секунды (это сказалась прежняя, благоразумная и экономная, Нелли), а затем сказала: «Мне, пожалуйста, первый класс».

Да, вот так – взяла и поехала, и в этом году не будет досрочного платежа в банк. Все деньги уйдут на поездку в Венецию. Хотя без сумочки и правда можно было бы обойтись.

Нелли со счастливым выражением взглянула на лежащую рядом красную сумочку, на которую несколько месяцев любовалась в витрине эксклюзивного магазина на улице Фур, не допуская даже мысли о том, чтобы истратить на такой пустячок такие бешеные деньги. С восхищением проводя рукой по мягкой и тонкой коже и щелкая замочком, она, разумеется, еще не подозревала, что скоро эта сумочка сыграет в ее жизни весьма немаловажную роль. У Нелли почти не было дорогих вещей. Выходя из бутика с сумочкой, которую вежливая продавщица положила в мягкий мешочек из ткани, а затем опустила в ярко-синий бумажный пакет с золотым орнаментом, Нелли вдруг ощутила, как в ней поднялась волна радостного чувства, и эта радость не покидала ее до сих пор. Разумеется, в жизни есть много чего поважнее вещей. И все же!

«A thing of beauty is a joy forever» – «Прекрасное пленяет навсегда»: так написал в одном из своих стихотворений английский поэт Китс^[50]. Нелли блаженно вздохнула. Иногда все-таки важно вот так взять и осуществить свою мечту, даже если против этого выступают все доводы разума.

И в тот момент, когда Нелли сделала это открытие, кто-то отворил

дверь ее купе. К счастью, это был всего лишь проводник, который проверял билеты. Нелли была рада, что остается в купе единственной обитательницей, по крайней мере пока. Ей было приятно, что можно смотреть в окно, спокойно предаваясь своим мыслям и не отвлекаясь на шорох газетных листов и разговоры посторонних людей. Ведь самое хорошее в долгом путешествии в том и заключается, что оно дает тебе время подумать. Ты можешь следить за сменой ландшафта или переменой погоды. Ты едешь и в то же время сознаешь, где ты находишься в настоящий момент.

Нелли протянула усатому проводнику свой билет. Он внимательно посмотрел на него, прежде чем прокомпостировать.

– Венеция! Ну, вам, мадемуазель, еще ехать и ехать, просто райское путешествие. Надеюсь, вы не соскучитесь. Сейчас будет кофе и кое-что подкрепиться. – Он, как полагается проводнику, улыбнулся благожелательной улыбкой, которой от души одарил одинокую молодую пассажирку с румяными щеками и красивыми губами.

Нелли поблагодарила его и положила билет обратно в сумочку.

– Мне, знаете, очень нравится ездить на поезде, – сказала она в ответ.

Нелли могла бы объяснить ему, что в двадцать первом веке тоже встречаются люди, которые ни при каких обстоятельствах не согласились бы зайти в самолет, не говоря уже о том, чтобы на нем лететь. Но, разумеется, воздержалась.

– Это замечательно. Приятной вам поездки! Пересадка в двенадцать двадцать четыре в Турине. Bon voyage!^[51] – Проводник приложил пальцы к козырьку фуражки и закрыл за собой дверь.

«Просто райское путешествие!» — с улыбкой мысленно повторила Нелли и тут снова вспомнила слова из бабушкиной книги: *Il Settimo Cielo*. А что, если это путешествие действительно приведет ее на небо – седьмое, разумеется?

Нелли взяла книгу Сильвио Тодди и начала читать. Очень скоро она с головой погрузилась в чтение и мысленно очутилась в Венеции задолго до того, как прибыл туда ее поезд. Она узнала все про Паоло Рубини, молодого человека, служившего в унылой конторе какой-то римской кинокомпании. Книга начиналась с того, как он клянется, что сегодня ни за что не пойдет на работу, а вскоре он находит в кабинке телефона-автомата обратный железнодорожный билет в Венецию в вагоне первого класса, срок которого истекает через десять дней. Честный юноша бросился на вокзал, чтобы отыскать владельца билета, но не успел выскочить из вагона, как вдруг поезд тронулся. И тут он волей-неволей

становится участником удивительных приключений, причем у него почти совсем нет денег. Запутанная любовная история, новая работа и пленительный город, которым ты навсегда заболеваешь. И на каждом шагу, в каждой извилистой улочке, на каждом горбатом мостике Паоло постоянно встречается незнакомую красавицу, которая каждый раз от него ускользает и всегда, по любому случаю, произносит одно только «О!». Поэтому Паоло мысленно прозвал прекрасную незнакомку синьориной О.

За этим приятным и увлекательным чтением, которое лишь изредка прерывалось необходимостью заглянуть в словарь, Нелли выяснила, что Венеция издревле была идеальным городом для влюбленных. Она узнала, что венецианские калле^[52] делятся на две группы – такие, по которым ходят только пешком, и такие, по которым вообще никто не ходит. И что два человека в Венеции всегда встретятся на площади Сан-Марко.

Эта симпатичная книжка была полна поэтических картин, она всячески славилась и воспевала любовь, но главное – город, для описания которого автор находил все новые замечательные слова! Нелли с нетерпением предвкушала, как она туда попадет. Словно зачарованная, она следовала по стопам Паоло Рубини, который, подобно ей самой, еще мало где успел побывать и в Венеции очутился впервые.

«Он почувствовал себя богачом от этого зрелища, которым щедро одаривала его Венеция: от лагуны, от этого города, реющего над водой, как фата-моргана, даже вода казалась сотканной из эфира и, подобно небу, постепенно окрашивалась все ярче. Паоло упивался этими потоками света, которые слепили его все усиливающимся золотым блеском. Он чувствовал себя таким счастливым, словно все это принадлежало ему».

Через три часа Нелли дочитала роман до счастливого конца и закрыла книжку. Просто не верилось, что этот роман был написан в 1931 году! Ей давно уже не доводилось получать от чтения такое удовольствие. Как хотелось бы ей сказать писателю Сильвио Тодди, что его роман – это кладезь прекрасного настроения. Как жаль, что тот давно уже умер!

Она спрятала книгу в сумочку и посмотрела вокруг. Нелли была так поглощена чтением, что даже не заметила, когда в купе появились еще два пассажира. Очевидно, это была супружеская пара, которой нечего было сказать друг другу, и сейчас они с любопытством разглядывали Нелли.

Нелли кивнула им и выпила немного кофе из давно остывшей чашки. Через полчаса поезд прибыл в Турин. А еще через полчаса Нелли уже сидела в другом поезде, который ехал в Венецию.

Несмотря на радостные ожидания, Нелли почувствовала некоторую усталость. Закрывшись ладошкой, она зевнула. Все-таки одиннадцать часов

в поезде – это совсем немало. Она смотрела в окно, и постепенно пейзаж за ним затуманился, между тем как в глазах у Нелли играли отблески вечеряющей лагуны. Но этого Нелли, разумеется, не могла знать, тем более что до сих пор еще не имела возможности лицезреть водную гладь прекрасной Венеции.

И в то время как поезд катил вперед, преодолевая километр за километром, Нелли, прежде чем у нее окончательно сомкнулись веки, вспомнился отправной пункт этой поездки – вестибюль Лионского вокзала, где она опустила в почтовый ящик открытку загадочного содержания, адресованную не верящей в вещи знаки кузине:

Дорогая Жанна!

Когда вернешься в Париж, не удивляйся, пожалуйста, что меня там не застанешь. И не тревожься обо мне. У мироздания все-таки есть душа, а я уехала на четыре недели.

Целую.

Твоя Нелли.

Вот уже полчаса Нелли стояла на остановке вапоретто^[53] «Риальто Меркато». Было темно. Чем дальше, тем больше она нервничала, ее тревожное состояние граничило с паникой. Синьор Поцци, которого она напряженно высматривала, хотя не знала его в лицо, никак не показывался. «Да что ж это такое!» В который раз уже взглянув на свои наручные часы, Нелли возмущенно покачала головой. Встреча с синьором Поцци была назначена на четверть седьмого, но стрелка неумолимо приближалась к семи. Она снова вытащила из сумочки мобильный телефон и набрала номер, который значился на веб-сайте агентства, и снова попала на автоответчик, который недовольным голосом сообщил, что синьор Поцци в данный момент не может подойти к телефону.

Нелли тихонько выругалась.

Проведя долгие часы в поезде, Нелли прибыла на вокзал «Санта-Лючия» вечером, после захода солнца. Выйдя из здания вокзала на улицу, она остановилась, чтобы лучше запомнить первую встречу с городом. Венеция! Вот она, наконец!

У ступеней, ведущих вниз от вокзала, лежал Гранд-канал, его воды загадочно блестели за станцией «Ферровия», куда причаливали речные трамвайчики – вапоретто. Слева пролегла дорога, которая вела к мерцающим разноцветными огнями улочкам с маленькими магазинчиками и барами, а впереди, в нескольких метрах от того места, где стояла Нелли, белел большой горбатый мост, перекинутый через Гранд-канал, который здесь, по-видимому, брал свое начало.

Воздух был гораздо прохладнее, чем она ожидала. От канала тянуло сыростью. Нелли зябко куталась в легкий плащ. Она поняла, что слишком оптимистично представляла себе здешние температурные условия. Хорошо хоть, что под плащом у нее были джинсы и вязаный свитер. Нелли была несколько разочарована, убедившись, что погода в Венеции почти так же неприветлива, как в Париже. Только разве что без дождя.

К счастью, нужная ей станция вапоретто оказалась всего в нескольких шагах от вокзала. Волоча за собой чемодан на колесиках, Нелли спустилась по широким ступеням и купила в кассе билет. Затем она переместилась в вапоретто, который уже стоял у причала и должен был довезти ее до места, где была назначена встреча. Большинство пассажиров поспешило укрыться от пронизывающего ветра и сырости в салоне с неудобными лавками,

расположенными друг против друга. Нелли со своим чемоданом осталась стоять на палубе.

Она слишком волновалась, как бы не пропустить нужную остановку «Риальто Меркато». К тому же это была ее первая поездка по Гранд-каналу, который, как бы прочерчивая контур огромной латинской S, пересекал этот невероятный плавающий город, и ей хотелось увидеть как можно больше всего интересного. Вапоретто отвалил от причала, и вот уже она с развевающимися на ветру волосами проплывает мимо вздымающихся на фоне темного ночного неба разноцветных многоэтажных домов и палаццо. По обе стороны канала горели большие и маленькие фонари, освещая фасады домов с высокими остроконечными окнами и делая их похожими на фантастические дворцы из восточных сказок. Огоньки отражались в воде, по которой разбегались маленькие золотистые волны, и, глядя, как вапоретто неторопливо проплывает по мирно спящему, мерцающему огнями величественному городу мимо одиноких гондол, скользящих по воде черными теньями, Нелли почувствовала, как ее сердце переполнилось от нахлынувшего счастья. Все это производило совершенно чарующее впечатление.

Она чуть было не пропустила остановку «Риальто Меркато», засмотревшись на гигантскую хрустальную люстру венецианского стекла, которая горела в вытянутом и достигающем до самого пола окне на *piano nobile*, то есть в бельэтаже небольшого палаццо. Тут вапоретто подошел к пристани на противоположной стороне канала и причалил, стукнувшись о нее бортом. Вздвогнув от толчка, Нелли взглянула на название станции и, всполошившись, потащила свой чемодан к сходням дебаркадера, за которым высилось старое здание рынка с ярко-красными маркизами.

Из путеводителя Нелли узнала, что рыбный рынок Венеции считается одним из красивейших в мире, но сейчас, в вечерние часы холодного январского дня, там было пустынно, и рынок Пескерия напоминал своим видом покинутый экипажем парусный корабль.

Она остановилась и огляделась вокруг. После того как остальные пассажиры, в основном, видимо, местные жители, сойдя на берег, прошли мимо нее, перед зданием рынка осталась только одинокая парочка японских туристов, они со смехом снимали селфи, выставив перед собой на палке смартфон. Нелли поморщилась. В Париже она уже видела эти штучки. Нелли не понимала увлечения, с которым люди стремились запечатлеть каждый шаг в своей жизни. У нее даже не было смартфона, а только старомодный мобильный кнопочный телефон, которым она пользовалась для звонков и эсэмэсок. Конечно же, у нее был фотоаппарат.

Но всему свое время.

Пока японская парочка увлеченно фотографировалась, сблизив головы и подняв два пальца в виде латинской V, вдруг откуда ни возьмись появился молодой человек в кожаной куртке и направился к Нелли. Она вопросительно посмотрела на него, и он в ответ радостно заулыбался.

– Вы синьор Поцци? – спросила она по-итальянски.

Молодой человек остановился и тоже посмотрел на нее с вопросительным выражением.

– Perché? Почему? – удивился он, странно растягивая гласные и нахально при этом ухмыляясь.

– Потому что он должен был здесь меня встретить.

– Perché? – повторил молодой человек то же слово, доставая из кармана пачку сигарет.

Нелли нахмурилась:

– Потому что... Да что за вопросы? Вы синьор Поцци или нет?

Молодой человек помотал головой.

– К сожалению, нет, – сказал он разочарованно. – Обидно, правда?

Подмигнув ей, он закурил сигарету. На миг огонь осветил его угловатое лицо. Затем он протянул ей пачку:

– Не хотите закурить? Мы могли бы подождать вместе.

– Я не курю.

– Так я и знал. А жаль.

– Терпеть не могу, когда люди опаздывают.

Молодой человек виновато улыбнулся. Вероятно, он и сам всегда опаздывал. Затем он широким жестом весело развел руками:

– Дался вам этот синьор Поцци! Я мог бы пригласить вас на стаканчик вина. Это тут за углом.

– Ни в коем случае!

Хорошенькое дело! Не прошло и минуты, как она тут стоит, и уже появляется какой-то жиголо и начинает ее клеить!

– Спасибо за приглашение, но за мной вот-вот придут.

– Вы уверены, что вам не нужна моя помощь?

– Да, совершенно уверена, – решительно заявила Нелли. – Buona sera!

[54]

Коротко кивнув молодому человеку, она откатила свой чемодан на несколько метров дальше. Не прошло и десяти минут, как к пристани подошел следующий вапоретто. Краем глаза Нелли увидела, как молодой человек поднялся на борт, а на берег высадилось несколько пассажиров. И снова она осталась с чемоданом и красной сумочкой сиротливо стоять в

одинокости.

А что, если этот синьор Поцци вообще не придет? У Нелли мороз прошел по коже. Уже вечер, и похоже, что место тут довольно безлюдное. Во всяком случае, в январе это так. И даже если она сумеет по карте отыскать дорогу до нужного адреса – что представлялось маловероятным, поскольку, во-первых, сейчас темно, а во-вторых, у Нелли полностью отсутствовала способность ориентироваться в незнакомом месте, – то кто же ее без ключа впустит в квартиру?

У Нелли тревожно забилося сердце. Впервые в жизни она забронировала себе квартиру через Интернет, и с первого же раза все вышло так неудачно! В отчаянии она уже готова была пожалеть о том, что отказалась от помощи молодого человека в кожаной куртке. Может быть, он действительно предлагал ей помощь из лучших побуждений, без всякой задней мысли, а задние мысли были только у нее самой. Нелли заходила взад и вперед, тревожно оглядываясь по сторонам. Пять минут восьмого! Что же это делается! В крайнем случае придется на первую ночь искать пристанище в какой-нибудь гостинице, подумала Нелли и тут услышала какой-то шум со стороны Пескерии.

Она обернулась. Навстречу ей шаркающей походкой шел старичок с палочкой.

– Вы синьорина Делакур? – крикнул он издали скрипучим голосом.

– Да, да, это я, – торопливо заверила его Нелли.

Он внимательно посмотрел на нее прищуренными карими глазами.

– Луиджи Поцци, – представился он. – Благополучно доехали?

– Да, – сказала Нелли. – Я уже час вас дождаюсь, – добавила она укоризненно. – Я даже подумала, что вы не придете.

Старик кивнул и миролюбиво помахал рукой:

– Tranquillo, tranquillo^[55].

Очевидно, Луиджи Поцци не собирался извиняться перед ней за опоздание или объяснять, почему так случилось.

– Пойдемте! Сейчас я провожу вас в appartamento^[56], – объявил он, тыча кривым указательным пальцем куда-то во тьму. – Сюда, синьорина Делакур, andiamo!^[57]

Показывая дорогу, старичок захромал вперед неожиданно быстрым шагом. Палка равномерно ударяла по каменной мостовой, отдаваясь гулким звуком в темноте тесной улочки, на которую они свернули.

Нелли молча вздохнула. Судя по всему, синьор Поцци не собирался, да и вряд ли был в состоянии помочь ей с чемоданом. Она покорно взялась за

ручку чемодана и поспешила за старичком, стараясь не отставать.

Десять минут спустя Нелли осознала, что большой парижский чемодан на колесиках совершенно не был рассчитан на такой город, как Венеция. Она мужественно брела за синьором Поцци, который шагал впереди, с лунатической уверенностью находя верное направление в путанице узеньких улочек района Сан-Поло, их путь лежал через каналы с узкими мостиками, которые все без исключения начинались и кончались ступеньками. Нелли никогда еще не видела города с таким количеством лестниц. То и дело они поднимались и снова спускались по ступенькам, Нелли тащила волоком свой чемодан, и он с грохотом пересчитывал ступеньки, она только молилась, чтобы колесики в какой-то момент не отвалились. Нелли с трудом поспевала за старичком, тот время от времени оборачивался, чтобы убедиться, что она не потерялась, сопровождая это каждый раз нетерпеливым возгласом: «Andiamo, signorina Delacourt, andiamo!»^[58]

Когда они наконец прибыли на место, где находились «апартаменты» (пятый этаж, без лифта), Нелли была вся взмыленная и так запыхалась, что еле переводила дух.

– Ессо!^[59] – удовлетворенно объявил синьор Поцци, деловито отперев толстую деревянную дверь и распахивая ее палкой. Затем он великодушно отступил в сторону, пропуская даму вперед. Синьор Поцци несколько не запыхался.

Нелли нерешительно шагнула через порог и очутилась в венецианском *salone*^[60]. Под ногами из-под красного ковра блестел мраморный пол цвета сиены с белыми прожилками. Она обвела комнату взглядом и увидела два шафранно-желтых дивана по обе стороны низенького столика темного дерева, на котором лежали книжки и журналы, вокруг красовались старинные картины и лампы. Над каминной полкой в дальнем конце гостиной висело потускневшее серебристое зеркало, в котором Нелли увидела свое смутное отражение. Дальше была спальня с тяжелыми сизоголубыми порттьерами, окно которой выходило в сад, узкая, вытянутая кишкой ванная комната с маленьким оконцем и кухня с рококошущим холодильником и круглым столом, на котором ее в честь приезда ждала бутылка вина. Нелли была в восторге. Она нашла квартиру изумительно уютной, так что все невзгоды, встретившиеся на пути сюда, были тотчас же забыты. Глаза у нее заблестели, и, обернувшись к синьору Поцци, она воскликнула:

– Troppo bello!^[61]

– Ессо!^[62] – отозвался на ее слова синьор Поцци.

Сделав важное лицо, он указал на переключатель у входной двери и несколько раз повернул рубильник вверх и вниз:

– Riscaldamento!^[63]

Затем поворачивал круглое колесико, которое было рядом с рубильником:

– Freddo – caldo! Freddo – caldo!^[64]

Он испытующе посмотрел на Нелли – поняла ли она.

– Понятно, – заверила его Нелли. – Переключатель отопления. Я усвоила, спасибо!

Проведя с Нелли ознакомительную экскурсию по всем шкафам в квартире, он наконец вручил ей ключи и попрощался.

– Если будут проблемы, – сказал он, – просто позвоните мне. По telefonino!^[65] – С этими словами он вытащил из глубин битком набитого всякой всячиной кармана мобильный телефон и помахал им перед носом у Нелли.

Нелли удивленно вытаращилась на него и медленно покивала головой:

– Хорошо, синьор Поццо. Но в таком случае надо, чтобы вы брали трубку.

– Я всегда беру трубку, – возмутился синьор Поцци.

Затем он пожелал ей приятного вечера и удалился.

Нелли закрыла за ним тяжелую дверь и облегченно вздохнула. Какой своеобразный старичок! Она надеялась, что у нее не будет необходимости звонить синьору Поцци. Она сняла плащ, положила сумочку на журнальный столик и стала с удовольствием осматриваться в своем новом жилище. Она еще раз задумчиво обошла всю квартиру, рассматривая картины и книги, подержала в руке серебряную вазу с каминной полки, повключала и повывключала торшер с желтым абажуром, раскрыла окно и выглянула в тихий сад. Затем она заглянула в кухонные шкафчики, повывдвигала ящики и, обнаружив штопор, открыла бутылку.

– Andiamo, signorina Delacourt, andiamo! – произнесла она с широкой улыбкой, поднимая бокал навстречу своему отражению в зеркале.

Вино оказалось хорошее. Она выпила бокал залпом и ощутила, как по телу разливается приятное тепло. Затем она повернула кран отопления, чтобы поскорее согреть квартиру. Разобрала чемодан и аккуратно повесила платья в шкаф, а белье сложила в старинный комод темного дерева с вместительными ящиками, который стоял напротив кровати. Кровать была накрыта сизо-серым покрывалом, на котором лежало несколько бархатных

подушек, она как будто приглашала прилечь.

Нелли не устояла перед этим заманчивым зрелищем и решила полчасика отдохнуть, прежде чем отправиться в замеченный по дороге сюда бар, чтобы поужинать. Плечи у нее ныли после непривычной нагрузки. Было уже половина девятого.

– Только полчасика, – пробормотала Нелли, укладываясь на кровать и подсовывая себе под голову бархатную подушку. Она закрыла глаза и почувствовала, как на нее наваливается свинцовая усталость.

И квартирка на Калле-дель-Театро обратилась в сонное царство.

Венеция была идеальным городом для того, чтобы неспешно бродить по нему без всякой цели. Во всяком случае, так это обстояло для приезжих, которые невольно замедляли шаг, разглядывая это маленькое чудо; кажется, оно сплошь состояло из розовых палаццо, каменных мостиков и вод лагуны, которые негромко плескались в каналах, из покосившихся домов, маленьких башенок и извилистых улочек, из которых неожиданно открывался вид на какое-нибудь кампо^[66], облепленное магазинчиками и барами. Сан-Поло располагался в самом центре Венеции, и, очутившись возле величественной церкви Санта-Мария Глорियोа деи Фрари, Нелли не могла на нее наглядеться.

Рано утром она, к собственному удивлению, проснулась на голубой кровати в дневной одежде. Нелли проспала без малого десять часов. Быстренько подкрепившись в маленьком кафе возле кампо Сан-Поло завтраком, который состоял из чашечки капучино и посыпанного сахарной пудрой корнетто^[67], она отправилась на свою первую экскурсию. День был солнечный, и, гуляя по городу, Нелли с радостным нетерпением заглядывала в каждый закоулок; город одновременно и пугал, и очаровывал путаницей своих улиц и был в это время года на редкость малолюдным.

Нелли даже не представляла себе, какие толпы туристов уже в мае заполняют Сан-Марко и Риадельто. А до знаменитого карнавала, во время которого Венеция тоже переживает нашествие туристов, съезжающихся отовсюду, чтобы провести несколько дней, участвуя в уличных празднествах, еще оставалось несколько недель. Однако в витринах маленьких магазинчиков уже вывесили пестрые маски и роскошные, переливающиеся всеми цветами радуги маскарадные костюмы, так что Нелли, для которой все это было ново, глядела во все глаза и не могла оторваться.

Восторженно оглядываясь по сторонам – и на этот раз вооружившись одной только красной сумочкой, которую она крепко держала, а то мало ли что может быть, – Нелли бродила по узким улочкам Сан-Поло, в конце которых всегда проглядывал клочок неба, а внизу блестела зеленоватая гладь какого-нибудь небольшого канала, сеть которых пронизывала весь город. Нелли останавливалась на маленьких мостиках, провожая глазами какую-нибудь гондолу, которая скользила по воде между живописными фасадами зданий. И через час Нелли с радостью признала Венецию самым

медленным городом Европы. С чувством удовлетворения она вслушивалась в эхо своих шагов, которые – в полном согласии с дромологическим учением! – сопровождались гулким эхом под сводами очередного соттопортего^[68], под которым она как раз неторопливо проходила, а отсутствующее гудение автомобилей звучало в ее ушах небесной музыкой. Она была в таком восторге, что даже забыла про Даниэля Бошана и свою несчастную любовь. Бредя наугад, Нелли пересекла площадь Сан-Рокко с большим зданием Скуолы, где находятся картины Тинторетто, которые она посмотрит в следующий раз, и наконец вышла на Гранд-канал, который отсвечивал серебряным блеском в лучах утреннего солнца.

Здесь она обнаружила трагетто, особого рода гондолу, на которой можно было переправиться на другой берег. Она вручила гондольеру мелочь в оплату и ступила в шаткую черную лодку, на которой пассажиры обыкновенно просто стоят. «Недолго и перевернуться!» – подумала Нелли, но гондольер в соломенной шляпе и свитере крупной вязки так дружелюбно ей улыбнулся, что она решила не показывать виду и оставить свои сомнения при себе. Через несколько минут она высадилась и вскоре оказалась на широкой площади Санто-Стефано. Перед тем как продолжить путь, Нелли выпила на углу оранжины.

Так как Нелли то и дело поддавалась искушению заглянуть в какой-нибудь дворик или переулочек или полюбоваться на витрины, то потребовалось еще некоторое время, прежде чем она оказалась там, куда неизбежно попадает всякий, бродя по Венеции, – на площади Сан-Марко. Колокола Кампанилы^[69] зазвонили полдень, когда Нелли вышла из-под аркады и зачарованно замерла. Перед ней, как громадная гостиная, расстилалась площадь Сан-Марко. Внушительные многоэтажные здания прокураций с их высокими окнами, увенчанными округлыми арками, с трех сторон окружали площадь, в конце ее высилась великолепная базилика Святого Марка с круглым куполом и остроконечными башенками. Над главным порталом собора сверкал золотом символ Святого Марка – крылатый лев.

Нелли перешла через площадь, на которой, в отличие от других площадей Венеции, даже в это время года было много народа. В небольшом магазинчике торговали плоскими гондольерскими соломенными шляпами, зонтиками из белого и черного кружева и аляповатыми картинами, изображающими Дворец дождей, мост Вздохов или базилику; какой-то темноволосый человек то и дело запускал в воздух синие ракеты; желающие, очевидно, могли их у него приобрести. В

середине площади можно было наблюдать удивительный симбиоз туристов и голубей. Голуби стремились получить корм из рук туристов, а туристы стремились сфотографироваться с голубем в руке. Нелли с улыбкой наблюдала за пожилой американкой, стоявшей с вытянутыми руками, на которых уселось уже несколько голубей. Она стояла, словно огородное пугало в меховой шубке, с гордостью позируя мужу, который щелкал фотоаппаратом и, перед тем как нажать на кнопку, громко говорил ей: «А ну-ка – чи-и-из!»

Стулья перед кафе «Флориан» и кафе «Квадри», на которых в теплую погоду отдыхали посетители, сейчас, правда, были убраны, а эстрады для маленьких оркестров, которые по обе стороны площади услаждали слух гуляющих классической музыкой, разобраны, и если вы хотели выпить кофе или насладиться бокалом просекко, вам нужно было зайти в помещение. Нелли завистливым взглядом посмотрела в окно знаменитого кафе «Флориан», за которым несколько посетителей, расположившись в уютных, отделанных деревянными панелями нишах, попивали горячий шоколад. Цены там были заоблачные, но зато ты сидел на площади Сан-Марко, в «красивейшем парадном зале Европы», как сказал когда-то Наполеон.

Нелли пошла дальше и полюбовалась на Торре-делл'Оролоджо^[70] с круглыми астрономическими часами, голубой циферблат которых усыпан золотыми звездами, и с двумя бронзовыми маврами, которые навсегда поставлены на башне рядом с колоколом, чтобы отбивать на нем каждый час.

Но больше всего Нелли понравилась Кампанила, высокая башня из красноватого камня, возвышавшаяся над всеми другими зданиями и ставшая символом Венеции. Нелли посмотрела вверх и, подобно многим туристам, которые пробовали это до нее, тщетно пыталась вместить колокольню на экран своей маленькой камеры.

Она сделала шаг назад, еще шаг и еще один... Врезалась спиной в группу туристов, потеряла равновесие и схватилась за чью-то руку.

Рука, как оказалось, принадлежала до неприличия красивому венецианцу, который исполнял роль экскурсовода в группе итальянских туристов.

– Опля! – воскликнул он, когда в его объятиях неожиданно очутилась падающая незнакомка, но проявил должное присутствие духа, чтобы подхватить ее, не дав приземлиться на мостовой, как ее красная сумочка.

Насмешливый взгляд темных глаз, широкая белозубая улыбка,

самоуверенное «Ciao bella!»^[71] – для Нелли этого хватило, чтобы оценить обстановку.

Совершенно ясно, что это один из пресловутых итальянских фанфаронов!

– Лучше всегда идти в ту сторону, куда смотришь, синьорина, если только у вас нет глаз на затылке, как у меня, – сострил он.

Под благодушный смех экскурсионной группы смущенная Нелли кое-как встала на ноги.

– Grazie!^[72] – выдавила она, вынужденно дожидаясь, когда молодой человек соберет выпавшие из ее сумочки вещи. В ответ он тотчас же с обаятельной улыбкой и на жутком английском представился ей как Валентино Бриаторе (Валентино! – какое пошлое имя!). Казалось, это в очередной раз подтверждало ее мнение насчет красивых мужчин. У этого, похоже, не было на уме ничего, кроме дурацких избитых фраз.

– Are you alone? First time in Venice? You like to join us?^[73]

Нелли молча помотала головой и выразительно защелкнула замок своей сумочки. Но от венецианца нельзя было так просто отделаться.

– Where you come from?^[74] – продолжал он настойчиво. – America? Sweden? Germany?^[75]

– Paris, – ответила Нелли, даже не пытаясь показать экскурсоводу, что умеет говорить по-итальянски лучше, чем он по-английски.

– Aaah, Paris! – воскликнул он восхищенно и затем добавил: – Verry nice city... I love! But Venezia is much nicer than Paris, you will see, Mademoiselle...^[76]

При этих словах он вновь заулыбался своей веселой широкой улыбкой, слишком старательно, на вкус Нелли, сверкая при этом зубами.

Она не стала называть свое имя и, оставив невысказанный вопрос висеть в воздухе, кивнула молодому человеку и повернулась, чтобы идти.

– Wait!^[77]

Он взъерошил рукой свои черные кудри, быстро достал из кармана старую ресторанный квитанцию и торопливо нацарапал на ней свое имя и какой-то номер. Нелли растерялась и позволила ему сунуть себе в руку записку.

– You take this!^[78] – добродушно приказал экскурсовод, протягивая ей листок. – I'll show you Venice, Mademoiselle. If you have time, you just tell me...^[79] – сказал он, подмигивая.

Нелли из вежливости приняла ее и, коротко улыбнувшись, сунула в карман джинсов.

– Grazie! – снова повторила она.

– You call me, okay?^[80] – еще раз крикнул ей вслед этот Валентино, когда она уже сворачивала за угол на Пьяцетту^[81].

Нелли ухмыльнулась. «Ишь чего захотел! Не дожدهшься!» – мысленно ответила она.

Миновав бело-розовый Дворец дождей, который она тоже собиралась осмотреть в ближайшие дни, Нелли напрямик направилась к одному из царственных львов, который восседал на колонне слева в конце Пьяцетты и, казалось, сторожил лагуну. Нелли достала фотоаппарат и сфотографировала его, на сей раз все обошлось без происшествий. С довольной улыбкой она стала любоваться серебристой гладью лагуны и островом Джудекка, поднимавшимся на заднем плане. Затем она решила продолжить свою прогулку по Рива-дельи-Скьявони, чтобы оттуда взглянуть на знаменитый мост Вздохов, через который в былые времена вели в тюрьму осужденных, включая и легендарного Казанову.

Через десять минут дойдя до гостиницы «Метрополь», она уже позабыла про записку в кармане. Если бы ей сказали, что через несколько часов она будет отчаянно вызывать какого-то молодого венецианца по имени Валентино, она бы только от души посмеялась.

Три часа спустя Нелли любовалась видом со знаменитого моста Риальто, соединяющего Сан-Марко и Сан-Поло.

Она пообедала в «Сарацино», симпатичном ресторанчике на Гранд-канале, который она сначала приняла за типичную ловушку для туристов. Но официанты оказались там очень вежливыми и услужливыми, усадили ее на хорошее место у окна, перед которым на веревочке были развешаны – одни пониже, другие повыше – фонарики, совершенно волшебные лампочки в шелковых абажурах, которые показались Нелли немного похожими на изящные кондитерские кулечки.

Еда была очень вкусной. По совету официанта Нелли начала обед с карпаччо из белой рыбы с лимонным соком, эта закуска буквально таяла во рту. Затем она заказала пиццу с салями, свежими помидорами и румяной корочкой из моцареллы, это острое блюдо она запила двумя бокалами бархатистого красного вина, немножко, правда, тяжеловатого для обеденного часа. Но это ничего – можно потом пойти домой и устроить себе сиесту.

Нелли все больше радовалась своей гениальной идее провести целый месяц в городе, куда люди чаще всего заглядывают только наскоком – например, чтобы провести выходные. Больно уж распространилась сейчас эта культура коротких поездок! Люди прилетают куда-нибудь на два-три дня, а потом удивляются, почему экскурсия в незнакомый город была так утомительна!

Такие наскоки – «трипы», как это у них называется – разительно отличаются в худшую сторону от настоящего путешествия. Если уж путешествовать, то надо не жалеть на это времени, рассуждала про себя Нелли, принимаясь за десерт, состоявший из шарика фирменного лимонного мороженого с фруктовым ассорти. Тогда ты можешь позволить себе рассмотреть что-то не торопясь, еще раз вернуться к местам, которые тебе особенно понравились, или просто позволить себе часок-другой поспать днем, и это не будет стоить тебе пяти пропущенных достопримечательностей.

Завершив обед чашечкой крепкого и сладкого эспresso с печенинкой амаретти, она расплатилась и еще раз взглянула на развешанные перед окном желтоватые светильники. Официант рассказал ей, что светильники Фортунни сделаны по старинным образцам тканей знаменитого художника

Мариано Фортунни, жившего когда-то в Венеции. Он сказал, что в музей Фортунни, хотя тот и находится недалеко от площади Сан-Марко, редко заглядывают туристы, но он стоит того, чтобы его посетить. Нелли мысленно взяла это себе на заметку: «Сходить в музей Фортунни», а затем спросила:

– А эти светильники? Их можно сейчас где-то купить?

– Sì, claro!^[82] К сожалению, они стоят весьма дорого. Не сравнить с обычными сувенирами.

Посмеиваясь, официант назвал Нелли один из трех магазинов, торгующих изделиями Фортунни. Он находился в районе Сан-Марко на Понте-дель-Лово. Нужно просто пройти через мост Риальто в сторону Сан-Марко, держась правой стороны, заблудиться невозможно.

Так случилось, что час спустя Нелли снова стояла на мосту Риальто, через который уже переходила во время своей утренней прогулки по Сан-Марко. Как и в первый раз, она остановилась на середине моста, и, подставив лицо солнечным лучам, положила сумочку перед собой на парапет, заглядевшись на Гранд-канал, который вдалеке сливался с небом.

Сильвио Тодди ничего не преувеличил – Венеция действительно была чем-то единственным в своем роде и до сих пор такой оставалась. Нелли упивалась золотыми потоками света, которые заливали все вокруг в этот послеполуденный час. Размечтавшись, она спрашивала себя, не стояла ли когда-то вот так же на мосту ее бабушка Клэр, наслаждаясь тем же грандиозным видом канала.

Она перегнулась через парапет, заглядевшись на гондолу, наполненную пассажирами, которая медленно приближалась к мосту.

Ничто не предвещало того, что через минуту произойдет маленькая авария, которая – как это иногда бывает – в конце концов обернется самым счастливым событием в ее жизни.

Но ни о чем таком Нелли пока что не догадывалась. Возможно, красное вино заставило ее немного забыть привычную осторожность, а возможно, все неудачно сложилось само собой, но только вышло так, что Нелли еще больше перегнулась через парапет, чтобы лучше разглядеть гондолу с довольными, улыбающимися японцами и во весь голос распеваящим гондольером, как вдруг сзади кто-то, торопясь пройти рядом с ней, на ходу нечаянно ее задел. Толчок в спину, удивленный возглас, и вот уже красная сумочка, только что стоявшая перед ней на парапете, камнем ухнула вниз и, не замеченная ни гондольером, ни кем-нибудь из пассажиров, приземлилась – нет, не на дно канала, а на корму гондолы. Не

замечая, что повторяет любимое восклицание героини только что прочитанного романа Тодди, Нелли невольно открыла рот и от ужаса воскликнула «О!». За этим «О!» после первого испуга через секунду последовало более пространное «О нет!».

– Ah... non! Mon sac à main, mon sac à main!^[83] – закричала Нелли, совершенно некстати перейдя на французский язык, потому что у нее в этот момент выпало из памяти итальянское слово. Она взволнованно замахала руками, повторяя: «Ау! Послушайте! Моя сумочка! Моя сумочка упала!»

Группа японцев, сидевших внизу в гондоле, дружно задрала головы, и все, глядя вверх, закивали и радостно замахали руками, растроганные этим знаком европейского дружелюбия и гостеприимства. Какое-то длинноволосое японское дитя с брекетами на длинных зубах достало даже свой смартфон, чтобы запечатлеть на снимке эту славную женщину там наверху, которая так усердно махала руками и что-то кричала на своем языке, не жалея усилий на то, чтобы выразить свое доброе отношение к путешественникам.

И вот под пение гондольера, который, не отвлекаясь на посторонние впечатления, невозмутимо продолжал распевать «O sole mio», не забывая при этом элегантно работать веслом, гондола скрылась под мостом Риальто.

В каком-нибудь кинофильме Нелли сочла бы это происшествие ужасно смешным – ведь именно такие сцены важны для хорошей комедии, – но, к сожалению, как известно, веселым бывает только искусство. А жизнь – сурова, порой даже чересчур.

После того как гондола с сумочкой скрылась из поля зрения ее растерянной владелицы, та осталась на мосту в оцепенении, точно каменная статуя.

В голове у Нелли крутились те же мысли, какие всегда приходят людям в подобных случаях. Она подумала: «Этого не может быть!» Подумала: «Это происходит не со мной!» Подумала: «Не может быть, что это моя сумочка упала в гондолу!»

Освоившись с мыслью, что несчастье, случившееся на мосту Риальто, было не фата-морганой, привидевшейся в кошмарном сне, очнувшись от которого ты понимаешь, что ничего такого на самом деле не было, она выругалась таким французским словом, которого никогда бы не произнесла в других обстоятельствах, но которое очень точно описывало положение дел.

Ведь потерю сумочки можно было бы спокойно пережить, даже если

она, как в этом случае, стоила очень дорого. Самое трагическое заключалось в том, что, собираясь сегодня выйти в город, Нелли тщетно осматривала квартиру в поисках *tesoro*, то есть сейфа, чтобы спрятать ценные вещи, которые не обязательно было брать с собой, уходя на экскурсию по незнакомому городу.

Убедившись наконец, что в маленькой квартирке никакого сейфа нет, и вдобавок заметив, что ловкому домушнику не стоило бы труда забраться в нее со двора через кухонное окно и унести все, что только можно украсть у беззаботного туриста, она решила ничего не выкладывать из сумочки. А это, как она с ужасом сейчас осознала, означало, что там осталось все, буквально все, что у нее было: наличные деньги, банковские и кредитные карточки, удостоверение личности, записная книжка с адресами, даже план города и обратный билет, действительный в течение четырех недель. И там же, разумеется, остался ее мобильный телефон и ключи от квартиры в Сан-Поло.

Нелли чуть не разревелась. Куда, куда вдруг пропала вся прелесть солнечного дня? Канула вместе с уплывшей венецианской гондолой!

Надо было что-то предпринимать. Но что? Что делают люди в таких обстоятельствах? Идут в полицию. Или во французское посольство.

Нелли не знала наверняка, есть ли в Венеции французское посольство, но про квестуру^[84] ей было известно из одного романа Донны Леон. Поэтому она обратилась к первой встречной женщине, которая показалась ей более или менее похожей на итальянку, и попросила рассказать, как туда пройти.

Оказалось, что удобнее всего она могла бы добраться до Санта-Кроче, где располагалась квестура, на вапоретто, но, во-первых, у нее не было денег, а во-вторых, по описанию пожилой итальянки, туда совсем несложно было дойти и пешком. По крайней мере на первый взгляд.

Симпатичная женщина в черном, к которой она обратилась, объяснила ей с терпеливой улыбкой, что нужно снова перейти через мост Риальто и все время держаться левой стороны, потом, пройдя два квартала, свернуть налево, а там опять идти прямо; приблизительно метров через двести будет маленький мостик, рядом с которым есть магазин тканей, его нельзя не заметить, возле него надо опять свернуть налево...

Нелли решила попытать счастья и отправилась в путь.

Расспросив по дороге еще семерых прохожих, большинство из которых оказались не местными, а другие, почесав в затылке, начинали объяснения с обманчиво обнадеживающей фразы, от которой Нелли уже было тошно: «Квестура-то? Ну, это очень просто!»

Она так запуталась в переплетении всех этих мостов, каналов и улочек, что совсем потеряла ориентацию. Нелли помнила, что переходила через большой деревянный мост, на котором была указательная стрелка с надписью «Accademia», но это было уже довольно давно. Во всяком случае она сейчас забрела на такие калле, про которые у Тодди было сказано, что на них вообще не встретишь ни души.

И действительно вот уже минут пять, как Нелли никто не попадался навстречу.

Если бы хоть можно было позвонить кому-то по телефону! Она с тоской вспоминала кузину Жанну, от которой так высокомерно отделалась почтовой открыткой и которая сейчас, наверное, уже вернулась из Бретани. Даже от сварливого синьора Поцци она не отказалась бы сейчас в качестве потенциального спасителя, если бы только у нее был его номер и, конечно же, телефонный аппарат.

И тут она впервые вспомнила про записку в кармане брюк – единственное, что у нее осталось. На этот раз Нелли против обыкновения не восприняла это как некий знак свыше. Это была лишь соломинка, за которую она схватилась.

Через несколько минут Нелли в растрепанных чувствах влетела в небольшое кафе.

Плутая неведомыми путями, она непонятным образом забрела в один из самых отдаленных закоулков Дорсодуро^[85] и, войдя в кафе, взволнованно попросила разрешения позвонить по телефону.

Бариста за стойкой очень удивился. Вероятно, к нему нечасто забредали туристы, чтобы попросить телефонную трубку.

– Si tratta di una situazione di emergenza! – заверила его Нелли. – Речь идет об экстренной ситуации.

Бариста молча протянул ей мобильный телефон.

Нелли облегченно вздохнула.

– Grazie! Grazie mille!^[86] – стала она взхлеб благодарить.

Бариста снисходительно улыбнулся.

– Prego mille^[87], – ответил он, глядя на хорошенькую незнакомку, которая, вытащив записку, взволнованно набирала номер.

– Pronto^[88].

Услышав знакомый голос экскурсовода с площади Сан-Марко, Нелли на радостях едва не лишилась чувств.

– Валентино? – переспросила она на всякий случай.

– Sì!^[89]

– Ах, Валентино! Ну слава богу! Какое счастье, что вы взяли трубку! – сказала Нелли по-итальянски, блеснув своими познаниями. – Вы не откажетесь от своего сегодняшнего великодушного предложения звонить вам в любое время? Пожалуйста, приходите, не откладывая. Я нахожусь...

Она вопросительно посмотрела на баристу, тот назвал адрес, и она повторила его в телефон:

– Да, да, тут только один этот бар. Я заблудилась. И я... у меня пропала сумочка – со всем, что в ней было!

Нелли чуть не зарыдала от облегчения, что нашелся кто-то, кто ее знает, кто хотя бы немножко с ней знаком.

– Вы должны мне помочь! Помогите мне, Валентино, пожалуйста!

На другом конце на некоторое время повисло растерянное молчание.

– Не проблема! Конечно, я помогу вам. Буду через десять минут, – сказал Валентино Бриаторе. – Но с кем я, скажите, говорю?

Нелли хлюпнула носом:

– С Нелли Делакур. Девушкой с площади Сан-Марко. Которая с красной сумочкой.

Вообще-то, Валентино Бриаторе не рассчитывал, что ему позвонит девушка с красной сумочкой, которая так неожиданно упала в его объятия на площади Сан-Марко.

Но все же он на это надеялся.

После их первой встречи, произошедшей не по ее воле, а для него ставшей неожиданным подарком судьбы, молодая француженка не шла у него из головы. Между тем она ничего не сказала, кроме «grazie». Это было удивительно.

От одного взгляда этих больших серьезных глаз, которые вдруг возникли так близко, у него занялось сердце. На миг все вокруг словно куда-то исчезло, и они остались вдвоем. Все остальное безмолвно растворилось – туристы, голуби, Кампанила, и даже голубое небо над Сан-Марко истаяло в тишине перед взором этих глаз, в глубины которых Валентино Бриаторе погрузился и утонул, как в морской пучине.

Все это длилось лишь мгновение. Не больше одного удара колокола, эхо которого разнеслось от Кампанилы.

Она сказала «grazie» и высвободилась из его объятий, а он еще пытался острить и кривлялся, как обезьяна, со своим убогим английским, лихорадочно соображая, что бы такое сделать, чтобы она не исчезла из его жизни, не дав ему ни единого шанса хотя бы познакомиться с нею.

Он всучил ей свой телефонный номер, и она небрежно засунула его в карман брюк. Она даже не сказала ему своего имени. Для нее, очевидно, этот момент не был магическим. И когда она, коротко кивнув на прощание, удалилась решительным шагом в сторону Пьяцетты, он понял, что никогда больше ее не увидит.

И вдруг этот звонок! Кажется, есть все-таки божество, покровительствующее влюбленным! И это божество обладает чувством юмора. Похоже, кто-то свистнул у нее сумочку, и теперь она надеется на его помощь.

Валентино сунул свой telefonino в карман и, ухмыляясь от уха до уха, вышел из кафе, в котором только что пил кофе эспрессо и которое случайно оказалось по соседству с тем баром в Дорсодуро, в котором его в отчаянной тревоге ждала эта девушка.

Сначала он не узнал раздавшийся в трубке взволнованный голос. Кто эта женщина с забавным акцентом, которая спрашивала его, не откажется

ли он от своего утреннего предложения, и умоляла прийти как можно скорее? А когда понял, что это *она* — та, чей образ преследовал его после столкновения на Сан-Марко, он в душе возликовал. Нелли Делакур! Вот как, оказывается, ее зовут! К его удивлению, она вдруг заговорила на вполне приличном итальянском. Это упростит дело. Валентино не сомневался, что на родном языке его слова будут звучать куда убедительнее, чем тот беспомощный лепет, которым он изъяснялся на площади Сан-Марко. Тут уж он сможет пустить в ход все свое обаяние и остроумие, чтобы произвести впечатление на француженку. К сожалению, он никогда не мог похвастаться особым талантом к иностранным языкам. Его таланты лежали в другой области.

Валентино не отличался той напористостью (с которой у некоторых ассоциировалось его имя), но и робостью не страдал. Это был высокий, видный мужчина, на которого заглядывались женщины. А сам он с тринадцатилетнего возраста с восхищением смотрел на женщин — этих загадочных, удивительных, чудесных созданий. В его глазах женщины были гораздо интереснее и привлекательнее, чем мужчины. И он замечал красоту, где бы ее ни встречал. Не только на картинах Тьеполо и Тициана, но и на площади Сан-Марко.

Но такого, как сегодня в полдень, с кудрявым, темноволосым венецианцем давно уже не случалось. А может, и вообще никогда.

Когда Валентино Бриаторе вступил на порог издавшего лучшие времена бара в Дорсодуро, его единственная посетительница понуро сидела за стойкой. Перед ней стоял бокал с граппой, — очевидно, бариста решил таким образом выразить молодой женщине свое сочувствие. При виде входящего Валентино ее несчастное лицо сразу просветлело.

— Даже не ожидал, что мы с вами так скоро опять встретимся, — сказал Валентино, расплываясь в улыбке.

— И я тоже, — правдиво ответила Нелли. — Спасибо, что вы сумели так быстро прийти. — Она улыбнулась и спрыгнула с высокого табурета. — Я просто не знаю, что делать. Все пропало! Мои деньги, все карточки! А без ключей я даже не могу попасть в квартиру, — закончила она упавшим голосом. — Если бы не ваш номер, то я... — Она беспомощно замолкла.

Валентино заулыбался. Растерянная и беспомощная женщина — это все равно что угадать шесть номеров в лотерее.

— Не беспокойтесь, уж как-нибудь поправим дело, — сказал он, делая успокоительный жест и мысленно поблагодарив Небо за то, что Нелли Делакур не выбросила его телефонный номер. — Ну так рассказывайте: где у вас стащили сумочку?

Нелли удивленно вскинула голову:

– Нет, нет, ее не украли. Она уплыла в гондоле, – сказала Нелли, страдальчески закатывая глаза.

– Уплыла в *гондоле*? – изумился Валентино. – То есть... Вы ее забыли в гондоле?

Нелли замотала головой:

– Она упала с моста Риальто прямо в гондолу.

Валентино не смог сдержать улыбки:

– Господи, как это вас угораздило?

– Говорят же: новичкам везет, – ответила Нелли и тоже улыбнулась. Затем уже серьезно спросила: – Вы можете в этом помочь?

– Думаю, стоит попробовать, – сказал Валентино, мгновенно сообразивший: вот шанс, которым нужно воспользоваться. – Случай почти безнадежный, но все-таки... Пойдемте!

Еще до захода солнца Нелли снова держала в руках свою драгоценную сумочку. С путеводителем в руках она сидела в траттории на Сан-Марко, еще не до конца осознав свое счастье.

Валентино действительно сумел разыскать сумочку через сеть гондольеров. С огромной радостью Нелли получила свою сумочку обратно, причем из нее ничего не пропало. Она с благодарностью глядела на Валентино, сумевшего совершить это маленькое чудо.

Со смешанными чувствами Нелли последовала за кареглазым венецианцем, чьи шоколадные глаза, вероятно, растопили уже не одно женское сердце (но ей это не грозило!), и сначала они отправились на набережную канала Орсеоло, в одно место, расположенное неподалеку от Пьяццы, где в ожидании клиентов покачивалось несколько гондол. Едва они подошли, к Нелли тотчас же направился один из гондольеров.

– Gondole, gondole!^[90] – восклицал он, указывая на черную гондолу с красными сиденьями.

– Я ищу свою сумочку, – пробормотала Нелли.

– Чао, Себастьяно! – сказал Валентино.

Он отошел с гондольером в сторонку, и тот задумчиво почесал в затылке, сдвинув на лоб соломенную шляпу. Через минуту завязался бурный диалог, в который включилось еще несколько гондольеров. Они загомонили, перебивая друг друга и яростно жестикулируя, затем выхватили свои *telefonino* и стали громко кричать что-то в трубки. Нелли трудно было уследить за быстро сыплющимися фразами, она улавливала только отдельные слова: «Риальто», «сумочка», «сложно», «постарайся» и

«важно». Она кивала. Да, это действительно было очень важно. Если не сказать жизненно необходимо.

Внезапно гондольеры умолкли, они обернулись и смотрели на Нелли с вопросительным выражением.

– В котором часу вы потеряли сумочку? – перевел Валентино.

Нелли приложила палец к носу:

– По-моему, часа в три.

Разговоры возобновились, и Нелли, внося в них свою лепту, подергала Валентино за рукав.

– В гондоле сидели японцы, – сказала она тихо. – А гондольер, когда проплывал под мостом, пел «O sole mio».

Валентино кивнул. Он громко повторил то, что только что сказала Нелли, и ребята в полосатых рубашках разразились оглушительным хохотом.

Нелли покраснела и нахмурилась.

– Что тут смешного! – сердито бросила Нелли. – Я же только хотела помочь.

Валентино успокаивающим жестом помахал рукой:

– Не надо сердиться, синьорина, но это нам никак не поможет.

Нелли только недавно приехала в Венецию и не знала, что местные гондольеры очень часто (да, впрочем, почти всегда) поют именно «O sole mio», а в каждой второй лодке у них сидят японцы.

– Ну, пускай так, – согласилась она. – Надеюсь, вы не забыли сказать, что сумка была красная. Una borsetta rossa, – отчетливо повторила она по-итальянски, оглянувшись на гондольеров, которые снова принялись названивать по телефонам. Ей казалось, что это очень важная подробность. Не так уж много, наверное, красных сумочек падает в венецианские гондолы.

Так и оказалось. В гондолах города на воде нашлась только одна красная сумочка. Она мирно покоилась в тени двух бархатных подушек, сделанных в форме сердечка, пока хозяин этой гондолы, Мариано Бруни, не извлек ее на свет. Он как раз кончал работу и собирался уходить, когда по телефонной цепочке ему передали, что нынче сумасшедшие туристки, оказывается, стали бросаться с моста сумочками.

– Надо же быть такой растяпой! – буркнул Мариано себе под нос и сообщил о находке.

Красный солнечный шар закатывался за горизонт, погружаясь в лагуну, когда Валентино сообщил, что настал конец всем тревоблениям. Ненадолго

отлучившись, он через полчаса вернулся на набережную, где его ждала Нелли, и, гордо улыбаясь, протянул ей сумочку:

– Это она?

Нелли на радостях кинулась ему на шею, а затем в смущении отступила.

– Пожалуйста, уж следите за ней повнимательнее, – сказал Валентино, вручая ей бесценное сокровище.

Затем он с улыбкой посмотрел на девушку, склонную ронять сумочки.

– Вы должны мне оказать ответную любезность, – сказал он спокойно.

Нелли радостно закивала:

– Да, я знаю, я хочу вас угостить. – Она весело похлопало по сумочке. – Теперь я опять при деньгах.

Валентино покачал головой:

– Я венецианец, синьорина. Это я хочу вас угостить.

И Валентино повел Нелли Делакур в свою любимую трагторию.

Дело шло к десерту, и у Валентино появилось нехорошее ощущение, что он так и не продвинулся ни на шаг. Когда на набережной девушка кинулась ему на шею и он уже во второй раз за этот день держал ее в своих объятиях, это короткое прикосновение показалось ему таким естественным и единственно правильным, что он возомнил было, будто оно станет началом чего-то чудесного. Но, по-видимому, она просто поддавалась охватившему ее чувству облегчения. Один раз он за разговорами взял ее за руку, но она тотчас же выдернула свою ладонь.

Впрочем, вечер прошел очень приятно. Нелли – за столом они незаметно перешли на «ты» – заметно оттаяла. Обрадованная тем, что на этот раз все кончилось благополучно и ей не придется проводить ночь в квестуре или внезапно обрывать едва начавшийся отпуск, Нелли пребывала в веселом настроении. Она смеялась шуткам Валентино и немного рассказала ему о своей парижской жизни, где она изучала какую-то там дромологию, о своей поездке в Венецию, где оказалось совсем не так тепло, как она себе представляла, о сварливом синьоре Поцци и о том, как она по пересеченной местности, пыхтя и спотыкаясь, тащила за ним с чемоданом до съемной квартиры.

– И все равно я уже сейчас могу сказать, что Венеция меня совершенно очаровала, – воскликнула раздумавшаяся от вина Нелли, глаза ее блестели. – Здесь жизнь идет так медленно и неторопливо и вокруг такая тишина и красота!

Слушая ее, Валентино рассмеялся.

– Это зимняя Венеция, – ответил он. – Зимой город ненадолго впадает в спячку и снова принадлежит нам, здешним жителям. Но вот погоди – начнется карнавал или наступит весна с однодневными туристами, которые толкуются на Сан-Марко, везде мусорят и толпами отправляются смотреть мост Риальто. И глядишь, куда подевалась тишина и красота?

– Значит, мне повезло, что я приехала сюда как раз сейчас, – сказала Нелли.

– Ну, в апреле, мае или июне тоже вполне можно найти в Венеции тихое местечко, – поспешил заверить ее Валентино. – Надо только знать, где искать.

– Так долго я тут, наверное, не пробуду, – улыбнулась она.

«Какая она красивая, когда улыбается, – подумал Валентино. – Надо не слишком на нее пялиться».

– А сколько ты здесь пробудешь?

– Четыре недели.

– Четыре недели? Вау!

Он постарался не показывать, как его это обрадовало, и намотал на вилку последние остатки феттучини альфредо^[91]. За четыре недели можно многое успеть.

Нелли кивнула:

– Да. Я вдруг почувствовала, что мне необходимо на время выбраться куда-нибудь из Парижа.

– Понятно.

– У меня был... ужасный кашель.

– И ты решила лечить его здесь?

– Да, – так и прыснула она. – Я же думала, что еду на юг.

Он тоже засмеялся, но затем посмотрел на нее вопросительно:

– Но ведь это, наверно, была не единственная причина?

Валентино почувствовал, что она смутилась. В ее глазах появилось страдальческое выражение.

– Ну да, можно сказать так... Я пошла по следам моей бабушки, – сказала она наконец, задумчиво водя вилок по тарелке. – Она часто с восторгом рассказывала мне про Италию.

Было заметно, что история с бабушкой – это еще не вся правда. Но у Валентино хватило такта не приставать к ней с расспросами. В конце концов, было не так уж важно, что подтолкнуло Нелли к поездке в Венецию. У всякой поездки бывает своя причина. Но когда ты приедешь на место, все может перемениться. Может даже случиться так, что первоначальный повод потеряет значение. Это и есть самое интересное в

путешествиях. Никогда заранее нельзя сказать, что может произойти.

Валентино, конечно, не знал, что Нелли уехала из Парижа из-за несчастной любви, но он догадывался, что она чего-то недоговаривает. Однако в этом не было ничего страшного. Даже если бы ему было известно, что эта таинственная девушка, которая вдруг примолкла и чертила вилкой по клеенке невидимые узоры, отдала свое сердце другому, это бы его не испугало. Влюбленный мужчина так легко не сдается. Валентино, который во всем видел в первую очередь хорошую сторону, вероятно, решил бы, что лучше уж влюбиться в девушку, страдающую от несчастной любви, чем в девушку, которая счастливо влюблена.

– Как насчет десерта? Может быть, тирамису или сабайон? – спросил он, чтобы отвлечь ее от печальных мыслей.

Нелли покачала головой:

– Спасибо, я уже наелась.

– Тогда эспрессо? Чашечка эспрессо никогда не помешает.

Да, эспрессо не помешал. Валентино с облегчением заметил, что она опять улыбается. Но после кофе Нелли заявила, что смертельно устала и мечтает как можно скорее лечь спать. Валентино настоял на том, чтобы проводить ее до съемной квартиры в Сан-Поло.

– Как бы ты не заблудилась или, того хуже, не потеряла бы сумочку!

Они молча шли рядом по ночному городу. Валентино выбрал не самый короткий путь. Он готов был идти и идти, и чтобы дорога никогда не кончалась, но в конце концов они подошли к дому на Калле-дель-Театро.

– Спасибо за все, – улыбнулась Нелли и вынула из сумочки ключи.

Они стояли лицом к лицу на тихой улочке. Похолодало. От узких каналов поднимался туман. Он заглянул в ее распахнутые глаза цвета моря, и ему очень захотелось ее поцеловать. Непроизвольно он шагнул к ней ближе. Она с жестом сожаления приложила ладони к его груди и ласково оттолкнула:

– Боюсь, это не очень удачная идея!

– Но почему...

Она вскинула на него свои огромные глаза:

– В моей жизни сейчас и без того достаточно сложностей, Валентино. Я не хочу усложнять ее еще больше.

Он кивнул. Она впервые назвала его по имени.

– Но почему ты желаешь быть несчастной, когда можешь быть счастливой? – настойчиво спросил он.

– Никто не *желает* быть несчастным.

– Тогда забудь о сложностях своей жизни и позволь мне быть твоим

министром хороших мыслей.

Она невольно рассмеялась:

– Моим министром хороших мыслей? Это звучит прекрасно!

– Мы можем снова встретиться? Что, если завтра?

Она с улыбкой покачала головой.

– Ну, послезавтра! Послепослезавтра!

– Разве у тебя совсем нет работы, Валентино Бриаторе? Ни одной группы на площади Сан-Марко?

Она по-прежнему считала его гидом, и он не стал ее разуверять.

– Carissima^[92], я предпочел бы водить по Венеции *тебя*. Это была бы эксклюзивная экскурсия, – он широко развел руки, – вся Венеция – твоя.

Она неопределенно кивнула:

– Как-нибудь в другой раз.

– Теперь у тебя есть в Венеции друг.

– Я это очень ценю.

– Позвони мне не откладывая, как только потеряешь сумочку! Обещаешь?

– Обещаю.

Она улыбнулась ему и скрылась в подъезде.

Валентино не спеша пошел домой в Дорсодуро, где находилась его квартира. Его шаги гулко отдавались по горбатой булыжной мостовой, между тем как он мысленно перебирал в уме все, что произошло за этот день. Показывая утром площадь Сан-Марко приехавшим из Неаполя знакомым своего отца, он еще не знал, что встретит сегодня ее – девушку с прекрасным именем Элеонора, которая поменяла его на уменьшительное Нелли, потому что «Элеонора», как ей показалось, было для нее «чересчур велико». Он покачал головой. «Нелли» звучало, на его вкус, слишком обыкновенно для такой необыкновенной девушки. Немного странной. И чуточку замкнутой. Что значили эти слова – в ее жизни слишком много *сложностей*? Может быть, у нее роман с женатым мужчиной или ввязалась во что-то и попала в затруднительное положение? Она много рассказывала о Париже, упоминала о занятиях в университете и почти ничего не говорила о своей личной жизни. Когда он за ужином шутливо спросил ее, одна она или у нее кто-нибудь есть, она только пожала плечами и ответила вопросом на вопрос: «Разве я тогда оказалась бы одна в Венеции – городе, о котором мечтают все влюбленные?» – и улыбнулась иронически при этих словах. Так что же она тут делает, оставшись на четыре недели среди зимы, когда сюда приезжают только затем, чтобы

немножко пофотографировать виды, или уж тут оказываются такие завзятые любители, которые хотят насладиться общением с сиятельнейшей Венецией наедине и готовы ради этого мириться даже с наводнениями и резиновыми сапогами.

Валентино очень хотелось узнать, о чем умолчала Нелли. Временами она вертела темное гранатовое колечко, на которое он тотчас же обратил внимание не только потому, что камушки на нем были необыкновенно хорошей огранки, какой сегодня уже не сыщешь, но и потому, что, кроме этого украшения, других на ней не было. «Фамильная вещь?» – спросил он тогда и, получив в ответ кивок, почувствовал облегчение. Как сказала Нелли, это колечко ей подарила бабушка, по следам которой (что было явной отговоркой) Нелли поехала в Венецию. «Если бы не это кольцо, я вряд ли оказалась бы в Венеции», – сказала она задумчиво. А затем она подняла взгляд и задала ему довольно неожиданный вопрос:

– Тебе что-нибудь говорит имя Сильвио Тодди?

– Сильвио Тодди? Никогда не слыхал. А что? Он здесь живет?

Его глупое сердце заныло от ревности. Кто такой этот Тодди? Неужели он и был причиной того, что она приехала в Венецию?

Нелли тогда рассмеялась и сделала неопределенный жест:

– Нет, нет.

– Нет, нет?

– Да ну, забудь это. Это совсем не важно.

– Ну раз так – ладно.

Оба посмеялись, каждый по своей причине.

К сожалению, вечер закончился не так, как мечтал Валентино. Однако это ведь еще не конец! В особенности если впереди у тебя четыре недели, есть адрес и номер мобильного телефона. То и другое он позаботился получить еще днем на пути к Орсеоло, чтобы можно было держать Нелли в курсе, как идут дела с поисками сумочки. И он поступил, конечно, очень предусмотрительно.

Валентино перешел через очередной мостик, свернул направо и прошел по тесному соттопортего, за которым открывалась небольшая площадь.

Тихонько отпирая дверь, он раздумывал о том, что северяне – а северянами для Валентино Бриаторе были все, кто жил севернее Милана, – слишком уж долго всегда раздумывают, и сегодня Валентино в очередной раз в этом удостоверился. Они ворочают в голове всякие мысли, рассматривают их с той и с другой стороны, вечно возятся со своими проблемами, всегда ожидают самого худшего и словно сами ищут всяких

несчастий, как будто им за это платят деньги. Хотя гораздо лучше – искать счастья.

Он во всяком случае не намерен дожидаться, когда Нелли снова потеряет сумочку. Это он решил твердо.

Нелли сидела на солнышке на ступеньках церкви Санта-Мария делла Салюте, достав из пакета трамеццино^[93], как вдруг раздался звонок мобильного телефона.

Этот венецианец преследовал ее с завидным упорством. Вот уже несколько дней Валентино Бриаторе названивал ей и постоянно предлагал где-нибудь встретиться. Она же поехала в Венецию только для того, чтобы спокойно побыть одной, подразумевая также возможность не спеша обдумать свои отношения с профессором Бошаном. Иными словами, она хотела безраздельно предаваться печальным переживаниям, а этот веселый венецианец с буйной кудрявой шевелюрой хотел ей в этом помешать. Ее министр хороших мыслей! Только к чему ей это, когда она вся в тоске и печали?

Да, в тоске и печали! Потому что стоило ей вспомнить про профессора Бошана, как у нее сжималось сердце. Пережитое было еще слишком свежо. Она бродила по замершему в тишине городу и при виде какого-нибудь особенно красивого палаццо или пустых гондол, покачивающихся в ожидании весны у Рива-дельи-Скьявони, или просто проходя по какой-нибудь живописной улочке, представляла себе, как это было бы, если бы рядом с ней шел профессор.

Уж слишком романтична была Венеция, чтобы бродить по ней одной. Неудивительно, что тоска напала на нее с удвоенной силой. Она мечтала о любви, это так. Но не о приключении с симпатичным (надо отдать ему должное) нахалом, который не успеешь и глазом моргнуть, как исчезнет. Итальянец по своей натуре не может пройти мимо хорошенькой женщины, не попытавшись ее завоевать, у них это вроде национального спорта.

Звонок прекратился.

Нелли отломила кусочек белого хлеба, сложенного двумя аппетитными треугольниками, между которыми лежала начинка из яиц и ветчины прошутто с каперсами, и принялась с удовольствием жевать.

Три дня, прошедшие после ужасного происшествия, когда она потеряла сумочку, сложились очень удачно. Утром она вставала, вдоволь выспавшись, что, как правило, случалось довольно рано. Затем в кафе на кампо Сан-Поло заказывала себе легкий завтрак, а потом гуляла по городу, открывая каждый раз новые улочки и кварталы. Она походила по лавочкам, где продавались маски, и в одной из них купила себе у молодой итальянки,

которая сидела за столом и сама их разрисовывала, узкую голубую маску на глаза с золотой каемкой, даже не рассчитывая употребить ее когда-нибудь по назначению. Она, конечно же, еще раз побывала на площади Сан-Марко, осмотрела базилику, а затем сходила на экскурсию во Дворец дождей, посмотрела Зал Большого Совета и старые тюремные камеры, это было жутко, но увлекательно. В кафе под аркадами Пьяцетты попила вкуснейшего капучино, украшенного несколько искореженным сердечком, напоминавшим, кажется, ее собственное сердце, а за станцией вапоретто «Сан-Заккария», пройдя под каменными аркадами, очутилась в лабиринте маленьких улочек, где на каждом шагу попадались антикварные лавки с золочеными зеркалами и маврами в красных одеяниях, державшими в руках канделябры, магазинчики с канцелярскими товарами, где продавались изящно переплетенные записные книжки и подставки для писем, кондитерские магазины с печеньем амаретти в ярких обертках и горками белой нуги и обувные магазины, плотно уставленные роскошными туфлями красного бархата и шелковыми балетками всевозможных расцветок.

В витрине одного крошечного ювелирного магазинчика она, едва увидев, совершенно влюбилась в пару жемчужных сережек, и ей не оставалось ничего другого, как купить их под восторженные возгласы продавщицы («Che bello!»^[94]). Венеция была полна соблазнов, а вдали от дома, оказывается, привычные мерки не действовали. Нелли тотчас же вдела в уши розоватые, покачивающиеся на цепочках жемчужины неправильной формы. На обратном пути, спасаясь от дождя, она заскочила в отель «Метрополь». Там она почти два часа просидела, словно какая-то венецианская княжна, в роскошном ресторане, обставленном красной бархатной мебелью и восточными столами и сундуками, попивая чай из серебряного чайничка.

Накануне, гуляя по городу после обеда, она нечаянно набрела на музей Фортуни, который находился на маленькой площади Сан-Бенедетто. Она вышла из узенькой улочки и внезапно очутилась перед красноватым палаццо, второй этаж которого занимал музей – полный сокровищ волшебный чертог, в который попадаешь, поднявшись по деревянной лестнице с выщербленными ступеньками. Нелли побродила по просторному залу, который под вечер был почти безлюдным и больше напоминал ателье художника, чем музейное помещение.

На высоких стенах висели в полутьме огромные картины, между бархатных кресел стояли манекены в длинных, поблекших от времени платьях из плиссированной материи и художественные ширмы, за ними

сквозь распахнутые тяжелые портьеры с фантастическими узорами открывался вид на высокую, украшенную росписью стену. В этом музее ты словно бы выпадал из потока времени.

Позднее, прохаживаясь вдоль Гранд-канала, Нелли обнаружила близ моста Риальто магазин «Венеция Студиум» с лампами Фортунни, о котором впервые услышала от приветливого официанта в «Сарацино». Шелковые светильники были развешаны в витрине среди драпировок из драгоценных винно-красных и сапфировых шалей и старомодных кошелок с кручеными шнурами, они действительно представляли собой нечто из ряда вон выходящее. К сожалению, и цены на них были такие же незаурядные. Во всяком случае это было слишком дорого для начинающей ассистентки из университета, еще не завершившей магистерскую диссертацию и привыкшей жить весьма экономно. Но все же Нелли никогда прежде не приходилось видеть светильники, способные создавать такое магическое настроение. Они невольно навевали мысли о «Тысяче и одной ночи», о старинных султанских дворцах и окутанных ночной тьмой внутренних двориках, где среди зеленой листвы светятся апельсины.

Нелли как зачарованная разглядывала все эти роскошные ткани и золотые огни. Под потолком висели лампы пошире, сделанные в форме плоской, обращенной вверх чаши, но больше всего Нелли понравились узкие светильники колпачком вниз, украшенные шелковыми кисточками. Но лучше всех была одиночная лампа, подвешенная как восточный фонарь, на подставке медного цвета. Этот изумительный шелковый торшер замечательно подошел бы к креслу в уголке для чтения. Нелли все время кружила возле него, разглядывая с разных сторон, пока наконец продавец не обратился к ней со словами: «We ship all over the world»^[95]. Нелли кивнула, сказала спасибо и с сожалением покинула магазин.

В задумчивости она сидела на ступенях, уставив неподвижный взгляд на Гранд-канал и выраставшие из воды пастельные дворцы на другом берегу. Мимо протарахтел вапоретто, за ним водное такси. Нелли все еще не переставала удивляться, что такое возможно в современном мире. Плавающий город, в котором вместо дорог каналы, а улицы безраздельно принадлежат пешеходам. Город, где не ездят никакие машины. Она только было собралась вынуть из пакета второй трамеццино, как снова зазвонил мобильный телефон. Она кинула взгляд на часы. Кажется, этому Валентино никогда не надоест ей названивать! Теперь он уже звонит каждые десять минут! Нелли со вздохом отложила трамеццино и вынула из сумочки мобильник.

Но на этот раз на дисплее появился не итальянский номер, а

французский. Со смешанными чувствами Нелли поднесла телефон к уху:

– Да, слушаю вас.

Услышав возмущенное фырканье, она даже без слов сразу поняла, что это была Жанна. Затем на нее обрушился целый каскад упреков:

– Нелли! Да что ж это такое, честное слово! Почему ты не подходишь к телефону? Я сегодня нашла в почтовом ящике твою странную открытку. Ты действительно умеешь напугать человека! Что это значит, что ты будто бы уехала путешествовать и тебя не будет четыре недели? Где ты там сейчас? С тобой все в порядке?

Нелли вытянула ноги и перевела взгляд на лагуну, которая плескалась внизу, играя мутновато-зелеными волнами.

– Пожалуйста, не ори ты так, Жанна! Разумеется, все в порядке. Я же написала тебе, чтобы ты не беспокоилась.

– Как же мне не беспокоиться, когда ты тут нагородила всякой эзотерической ерунды! «У мироздания все-таки есть душа». – Жанна издала какой-то сердитый звук. – Я уж подумала, ты села на самолет и рванула в Индию.

– Ты же знаешь, Жанна, что я не летаю.

– Ну ладно. И где же ты сейчас?

– В Венеции.

– В Венеции? Зимой? Что там делать в январе месяце? Там же сейчас тоска зеленая. С чего это тебя вдруг туда понесло?

Нелли лень стало рассказывать длинную историю про ящик с бабушкиными книгами, про роман Сильвио Тодди с загадочными словами, который она восприняла как явный знак свыше, что надо туда поехать. Тем более что кухня этого бы все равно не поняла. («Бабушка послала тебе знак? Сама понимаешь, это же просто смешно!»)

– А почему бы и нет? – упрямо сказала Нелли, вертя колечко на пальце. – Могу же я поехать в Венецию. У меня были на это свои причины. – У ее ног поблескивала вода. – Между прочим, тут очень хорошо.

– Знаешь, моя дорогая, иногда ты действительно совершаешь какие-то странные поступки. Почему не поехать в Италию весной, как все нормальные люди?

Нелли промолчала.

Помолчала и Жанна. Затем ее вдруг осенило:

– Ой, только не говори мне, что ты поехала туда вслед за Бошаном! – воскликнула она.

– Он в Болонье, а не в Венеции, – обидчиво отозвалась Нелли. – Надо

было внимательнее слушать, что я тебе рассказывала.

– Вон!^[96] Пускай будет по-твоему. Но если я не ошибаюсь, от Венеции до Болоньи, кажется, не так уж далеко. Может быть, тебя утешает, что он тут рядом. Насколько я тебя знаю, у тебя теперь будет год траура.

– Ничего подобного. И вообще, хватит выдумывать, а то я сейчас положу трубку. – Нелли сердито нахмурилась. А затем неожиданно для себя сказала такую вещь, которую не собиралась говорить. Это вырвалось как-то само собой. – Кроме того, представляешь себе, у меня тут уже объявился поклонник, он весьма недурен собой.

Услышав, как удивленно ахнула на другом конце Жанна, она довольно улыбнулась.

– О-ля-ля! – сказала Жанна. – Вот этого я от тебя не ожидала, кузиночка! Мое почтение. Как же это случилось?

– Ах, это целая история, – начала Нелли.

Она рассказала кухне историю с красной сумочкой, которая нечаянно упала в венецианскую гондолу и затем была найдена экскурсоводом по имени Валентино Бриаторе, который пришел ей на помощь благодаря широким связям в мире венецианских гондольеров.

– Это же надо! – воскликнула Жанна. – Тебе действительно здорово повезло. Ну а теперь?

– Теперь я ношу с собой в сумочке только самое необходимое.

– Я не про это! Как там было дальше у тебя с этим симпатичным экскурсоводом, который хочет быть твоим министром хороших мыслей?

Нелли рассмеялась. Типичная Жанна! С Жанной невозможно ходить вокруг да около. Она так просто не отстанет, ей сразу подавай суть дела.

– Никакого продолжения не будет, – заранее объявила Нелли.

– А жаль! – сказала Жанна.

Валентино Бриаторе в синем шерстяном свитере и светлых брюках уже ждал ее на остановке речного трамвая у палаццо Ка-Реццонико; улыбаясь во весь рот, он замахал ей рукой, как только вапоретто с резким толчком причалил к пристани. Нелли тоже помахала в ответ.

Он поймал ее врасплох, и если быть честной, то Нелли в этот момент была очень довольна, что ее поймали врасплох. Ей самой хотелось поскорее попасть в музей Сеттеченто^[97], спрятавшийся за светлым мраморным фасадом палаццо Ка-Реццонико, и почему бы ей было не пойти туда с венецианским экскурсоводом, чтобы он поводил ее там и все показал!

Поговорив с кузиной, которая напоследок посоветовала ей не оставлять без внимания все, что предлагает жизнь, и тем более из-за какого-то хромого профессора, Нелли закончила разговор словами: «А это уж ты оставь на мое усмотрение!» Однако от Жанны не так-то просто было отделаться.

Услышав через несколько секунд новый звонок, Нелли, не дожидаясь, торопливо проглотила последний кусок своего трамеццино. Похоже, сегодня ей не дадут спокойно перекусить.

– Да, Жанна? Что еще? – раздраженно бросила она в трубку.

Трубка помолчала.

– Нелли? Это ты? – нерешительно спросил голос Валентино.

Уловив из услышанного только слово «Жанна», Валентино интуитивно почувствовал, что Нелли чем-то раздражена.

– Sì! – ответила Нелли. – Извини, пожалуйста, я приняла тебя за другого человека.

– Нет, это я – все тот же Валентино, – объяснил Валентино.

А затем, воспользовавшись удобным моментом, уговорил Нелли встретиться.

– Ты в районе Доганы?^[98] – спросил он. – Отлично! Я как раз по делам в палаццо Ка-Реццонико, это совсем близко от тебя. Приходи, и я покажу тебе картину Тьеполо «Пульчинелла на качелях», тебе понравится.

– Гм, – задумалась Нелли, – вообще-то, я...

– Вообще – что?

Так сразу ей не пришло в голову никакой отговорки.

– Ну, Нелли, приходи, не будь лягушкой! – Валентино придал своему

голосу всю обольстительность, на какую был способен. – Один часик пожертвовать на венецианского приятеля. И на Тьеполо, Лонги и Каналетто. Ей-богу, это не так уж много. – Он негромко засмеялся. – Или мне за тобой прийти, моя догаресса?

– Не надо, оставайся, где есть, – с напускным ужасом воскликнула Нелли. – Догаресса сама придет.

Если бы не Валентино, Нелли наверняка не обратила бы внимания на это палаццо, расположенное в районе Дорсодуро на набережной Гранд-канала, около того места, где с ним соединяется канал Сан-Барнаба. И было бы очень обидно, если бы так случилось, ибо это палаццо, далеко не столь знаменитое, как Галерея Академии, оказалось настоящей жемчужиной, а Валентино – знающим гидом, который с должным энтузиазмом очень интересно рассказывал о выставленных здесь картинах восемнадцатого века.

Нелли долго простояла перед одной картиной Пьетро Лонги, на которой был изображен черный носорог (по словам Валентино, они тогда действительно водились). На картине перед деревянной загородкой собралась небольшая группа венецианских дам и кавалеров, вооруженных масками и веерами, которые так же увлеченно глазели на это животное, как сейчас Нелли.

– Пойдем дальше, – позвал Валентино. – Сейчас будет самое замечательное.

Они пришли в помещение, отгороженное толстыми веревками, табличка у входа предупреждала, что доступ в этот зал закрыт, так как здесь проводится реставрация фресок. В конце зала стояла высокая, до потолка, складная лестница, а на полу были разложены на подстилке принадлежности живописца.

Валентино бестрепетной рукой снял с подставки веревку, загораживающую вход, вошел в зал и кивнул Нелли, чтобы она шла за ним.

– Что ты делаешь? Ты с ума сошел? – возмущенным шепотом набросилась на него Нелли. – Тебе что – неприятностей захотелось?

На лице Валентино промелькнула странная улыбка.

– Ничего не будет. Можешь мне поверить. Я тут почти как дома.

Взяв Нелли за руку, он потянул ее за собой в зал.

– Позвольте вас познакомить: Элеонора Делакур, Джандоменико Тьеполо, сын знаменитого Джованни Баттисты Тьеполо и ныне мой любимый художник.

Он широким жестом обвел пространство зала.

Нелли нервно хихикнула, ожидая, что сейчас прибежит возмущенный

дежурный и призовет их к порядку. Но ничего не случилось. Она огляделась вокруг.

Господствующим цветом здесь был белый. На каждой из четырех стен висело по картине Тьеполо. Нелли была знакома эта фамилия, но она не знала, что художниками были двое – отец и сын. Она с любопытством огляделась вокруг. За исключением четвертой стены, на которой висело изображение стоящей в профиль поджарой итальянской борзой коричневого окраса, с изящной мордой и выразительными глазами, на остальных можно было видеть затесавшихся в окружение светского венецианского общества хитроватых Пульчинелл в просторных белых одеждах с высокими стоячими колпаками на головах и в носатых масках.

На одной картине они стояли среди толпы, глядя оттуда на двух молодых циркачей, которые ходили перед публикой колесом, на другой они прощались с горбатым Пульчинеллой, который уходил, подхватив под руку свои пожитки. На четвертой Пульчинелла появлялся во главе группы дам и кавалеров в маскарадных костюмах, нахально лапая за грудь приплясывающую перед ним элегантную даму в длинном белом платье с висячими голубыми сережками.

– Нравится? – спросил Валентино. Его голос почему-то доносился откуда-то сверху. – Взгляни-ка наверх. На Пульчинеллу, качающегося на качелях.

Нелли запрокинула голову и увидела над собой голубое небо, словно проступившее в разрыве между зеленых древесных крон. В головокружительной вышине там, на веревке, протянутой между макушками, легкомысленно качался один из птицеликих Пульчинелл в белых одеждах, подзадориваемый со скалы, к которой была приставлена лестница собравшимися на ней сотоварищами.

Одного вида качающегося на качелях и вот-вот готового сорваться Пульчинеллы было достаточно, чтобы у нее закружилась голова. Нелли на мгновение закрыла глаза, ощутив, что пространство вокруг начало вращаться.

– Нелли?

Голос снова послышался сверху. Она взглянула на дальнюю стену и увидела улыбающегося Валентино на лестнице, заканчивающейся широким помостом. Оказывается, он взял без спросу рабочий халат художника, вероятно ушедшего на перерыв, а в руках держал кисть и горшочек с краской.

– Валентино! – в ужасе вскрикнула она от страха.

Этот ненормальный того и гляди свернет себе шею, а все только для

того, чтобы произвести впечатление! Кажется, он сам себя вообразил Пульчинеллой на качелях!

– Что, удивлена? – произнес он с гордостью.

– Сейчас же давай слезай с лестницы! Совсем ум потерял?

– Нет... Сердце, – признался он честно, прижав руку к груди и принялся рисовать кисточкой на потолке.

– Что же ты такое делаешь! – возмущенно воскликнула Нелли. – Немедленно прекрати и давай-ка слезай! Ты что – спятил? – Она тревожно покосилась на дверь, ей показалось, что оттуда послышались шаги. – Сам подумай – что будет, если тебя там увидят?

– Думаю, ничего не будет. Потому что я тут работаю.

– Ну да, экскурсоводом, шут ненормальный! – сердито бросила Нелли.

– Ну, этим я занимаюсь только иногда, между делом.

Опустив кисть, Валентино выдержал театральную паузу, явно наслаждаясь этим моментом.

– По-настоящему я – реставратор.

Стоя на лестнице, он громко расхохотался.

Хорошо, что Нелли была не на лестнице, а внизу. Наверняка она бы от неожиданности оттуда свалилась. А сейчас она только во все глаза уставилась на Валентино Бриаторе и произнесла одно-единственное слово:

– О-о-о!

Через четверть часа они уже сидели в кафе при музее и пили кофе, и Нелли к этому времени снова обрела дар речи. Сейчас к ней даже вернулась способность смеяться.

– Здорово же ты меня обманул, плут ты эдакий! – сказала она, ткнув Валентино локтями.

– Мы видим только то, что знаем, – ответил он. – А ты увидела то, что хотела увидеть. Признайся, экскурсовод тебя бы больше устроил. Или жиголо, за которого ты изволила меня принять. – Он усмехнулся, подняв на нее взгляд от чашки, и заметил ее недоумевающее выражение. – Не думай, что я не догадался.

Нелли почувствовала себя уличенной в нехороших мыслях. Ей и в самом деле никогда не пришло бы в голову, что человек с таким легким отношением к жизни мог выбрать себе профессию, требующую теоретических знаний и практического умения, тщательности в работе и развитого чувства прекрасного. Валентино рассказал ей о том, что учился в университете в Падуе, о своем увлечении картинами и старинными церквями. Зимой его иногда приглашали на знаменитые курсы изящных

искусств в Академии, чтобы вести там занятия. Но больше всего ему нравилось, стоя на лестнице или забравшись на леса, реставрировать старинные фрески. Возвращать им былую красоту было его любимым делом.

– Что поделаешь! Выходит, что я ошиблась, – призналась Нелли, смущенно поправляя упавшую на глаза прядь. – Но все же не обязательно было меня так пугать!

При одной мысли о хлипкой лестнице в зале Пульчинелл у нее по спине пробежали мурашки.

– Так, значит, ты за меня испугалась? – подмигнул ей Валентино.

– Я только боялась, что тебя арестует полиция за причинение материального вреда, – нахально засмеялась Нелли. – Кто выручит меня в другой раз, если тебя посадят в тюрьму?

Он засмеялся.

– Но кем бы ты ни был – реставратором или гидом, твоя экскурсия была просто замечательная. Я рада, что пришла.

Валентино шутливо схватил ее за руку.

– То есть нашему счастью уже ничто не препятствует? – спросил он.

– Какому счастью? – в том же шутливом тоне отозвалась Нелли. – Ты же знаешь, что между нами не может быть ничего, кроме дружбы.

– Неужели? – сказал он, посмотрев на нее пристальным взглядом.

Ее охватило какое-то странное чувство. Она кивнула и высвободила свою руку.

– Глядя на такую женщину, как ты, я не могу поверить, что это из-за Жанны.

– Из-за Жанны? – Она не сразу поняла. – Ты хочешь сказать... Ах вот что! Нет. Дело не в ней. – И, покраснев, пояснила: – Жанна – моя кузина.

Он вздохнул:

– Значит, все-таки виноват этот Сильвио.

– Что?

– Ну, тот человек, из-за которого ты поехала в Венецию. Четыре недели! К сожалению, я забыл его фамилию, иначе я нашел бы этого парня, из-за которого ты так убиваешься.

Нелли как раз поднесла к губам чашку и при этих словах чуть не подавилась.

– Ох, Валентино, надо же, куда тебя занесло! Сильвио Тодди – это же писатель.

– Еще того не легче! – простонал Валентино.

– И он давно уже умер, много лет назад.

Валентино поднял брови. Все становилось еще более странным.

– В каком-то смысле ты все-таки прав, – продолжала Нелли. – Из-за Тодди я поехала именно в Венецию. Или, вернее сказать, из-за одной его книжки, которая принадлежала раньше моей бабушке. Однако... это слишком долго объяснять, – закончила она, недосказав, в чем было дело.

– Ну если так... – сказал Валентино, который в этом вопросе был с ней совершенно согласен. Этот Тодди не так уж сильно его интересовал. Главное было знать, что он давно покоится в земле, а при жизни, по-видимому, выразил свое восхищение Венецией, написав путеводитель, что, на взгляд Валентино, было весьма похвально. – Тогда пусть он покоится с миром, этот Тодди. Я буду вечно ему благодарен, раз он привел тебя в Венецию. И если хочешь знать, на то есть причина.

Нелли кивнула, рассеянно устремив взгляд в пространство.

– Да, я тоже так думаю.

Они немного помолчали с приятным ощущением полного взаимопонимания. Валентино, наверное, очень бы удивился, узнай он, что мысли Нелли устремились совсем в другом направлении.

Она думала о прошлом, он о будущем.

– А ты веришь в знаки? – неожиданно спросила Нелли. – Или ты считаешь это... глупым ребячеством?

Ему показалось, что она чем-то встревожена.

Валентино улыбнулся:

– Конечно же, я верю в знаки. Нас повсюду окружают знаки, нужно только вовремя их увидеть.

Он снова взял руку Нелли в свою и повернул ее ладонью кверху, как делают гадалки.

– Мы, венецианцы, очень суеверны. Ты это знаешь?

Он задумчиво стал водить пальцем по линиям ее ладони, и Нелли с интересом ждала, что за этим последует.

– Так, например, если на Пьяцце^[99] в полдень, после того как пробьет колокол на часовой башне, тебе в объятия упадет незнакомая женщина... – тут он послал Нелли многозначительный взгляд, – каждый венецианец поймет это как важный знак, что он навсегда должен удержать эту женщину.

– Ах, Валентино! – воскликнула она и хлопнула его по руке, но затем все же засмеялась. – Признайся, что ты это придумал.

– Я все готов признать, – заявил он, посмеиваясь. – Но неужели правда непременно должна противоречить красивой истории?

Проходя в третий раз по той же темной, безлюдной площади, Нелли окончательно убедилась, что безнадежно заблудилась. Похоже, что она все время ходит кругами.

Ночная Венеция была идеальным местом для того, чтобы заблудиться. И Нелли, с ее склонностью автоматически выбирать неверное направление, была идеальной жертвой. Она растерянно остановилась перед обведенной красным цветом табличкой с названием улицы на выцветшем фасаде, пытаясь мысленно реконструировать путь, который ее сюда привел. Она обошла по периметру маленькую площадь, освещенную единственным фонарем, вытащила из сумочки план города и попыталась отыскать на карте названия улочек, отходивших от этого кампо. Но то ли они не были там отмечены, то ли у Нелли не хватало ума, чтобы их найти. Обескураженная, она присела на ступеньках крытого фонтана, который возвышался посередине campiello^[100], как кротовая кучка, и вздохнула.

Не надо было после посещения Галереи Академии так долго рассиживаться и мечтать в ресторанчике у моста перед музеем! После вчерашнего посещения Ка-Реццониго ее снова потянуло к искусству. Перед тем как уйти на работу, Валентино при прощании спросил ее, побывала ли она в Академии.

– Непременно позвони мне, когда соберешься сходить туда, – сказал он. – Мне бы очень хотелось показать тебе несколько полотен с совершенно особенной судьбой. Ты уже видела картину Джорджоне «La tempesta»?^[101] Загадочная картина, о которой написано много книг.

Нелли помотала головой. Она знала только одну картину под названием «Буря», но та принадлежала не Джорджоне. Тайна этой картины, висевшей в виде постера в одном из преподавательских кабинетов Сорбонны, была уже раскрыта и не принесла Нелли ничего, кроме неприятностей. Поэтому Нелли лишь нахмурила лоб.

– Ах, знаешь, я что-то не горю желанием смотреть на картины с изображением бури, – сказала она с невеселой улыбкой и добавила: – Неприятные воспоминания.

– Ты, как всегда, говоришь загадками, – сказал Валентино. – Но Джорджоне все-таки стоило бы посмотреть.

Гуляя по залам Академии, Нелли задержалась и перед картиной Джорджоне – своего рода пасторальной сценкой с ребенком и грозowymi

тучами, освещенными вспышкой молнии. Что тут загадочного, Нелли с первого раза не уловила, но она не стала звонить Валентино, а кроме него, спросить было некого. Нелли решила не давать ложных надежд своему венецианскому другу, который наверняка с удовольствием показал бы ей еще один музей ради того, чтобы одержать свою маленькую победу. Хотя ей не хотелось думать об этом, но дело обстояло так – через пару недель она покинет Венецию, и, как ни симпатичен был этот Валентино, она вовсе не жаждала новых треволнений.

И вот она в одиночестве, умиротворенная, вся под впечатлением старинных художественных произведений, посидела за бокалом вина в ресторанчике вблизи моста Академии, расположенном у самой воды, наблюдая, как розовеет Гранд-канал в лучах заката. Солнце село в воду, едва наступил вечер, – на юге темнело раньше, чем в Париже. Потом Нелли еще полчаса побродила вокруг Академии и только тогда направилась домой в Сан-Поло.

Сначала она наслаждалась прогулкой по освещенным улочкам, время от времени останавливалась перед какой-нибудь витриной, в полной уверенности, что в общем и целом движется в правильном направлении. Надо было все время держаться правой стороны, и тогда ты в конце концов окажешься в Сан-Поло. На каждой развилке она выбирала направление, исходя из того, что ей подсказывало чутье, и это оказалось роковой ошибкой. Постепенно улочки становились все безлюднее, развилки попадались все чаще, витрины магазинчиков были наглухо закрыты спущенными жалюзи и уже не служили путеводными знаками. Нелли давно вышла за пределы оживленной части Венеции, но, когда она это наконец поняла, было уже слишком поздно.

Поскольку она не переходила на другую сторону канала, то, по-видимому, все еще была в районе Дорсодуро, но, возможно, это был уже Санта-Кроче. В лабиринте темных улочек и маленьких мостиков романтическая атмосфера вдруг улетучилась, и Нелли стало не по себе, она не находила никаких узнаваемых примет. От канала поплыл сырой туман, и она невольно поплотнее закуталась в плащ. Остальное довершила ночная тьма. В какой-то момент Нелли даже слышались позади чьи-то осторожные шаги. Сердце тревожно забилось. Но когда она резко обернулась, сзади никого не было.

Между тем было уже девять часов и стояла кромешная тьма. Когда она в третий раз вышла на то же самое кампо, у нее закралась странная мысль, что она попала в петлю времени, из которой нет выхода.

Расстроенная, Нелли остановилась и засунула в сумочку оказавшийся

бесполезным план города. Она пересекла кампо и, ошеломленная, застыла перед входом в тупичок, заканчивавшийся глухой стеной. Фасады домов по обе стороны улицы чернели на фоне темного неба, проход между ними был такой узкий, что, казалось, можно коснуться их расставленными руками. Нелли нерешительно вступила в улочку и сделала несколько шагов, пока не очутилась перед глухой стеной, дальше которой некуда было идти.

Затем она посмотрела в сторону и увидела арку.

Нырнув под нее, Нелли неожиданно очутилась на полукруглой площади перед маленьким кафе, в окнах которого висели шелковые светильники, из которых лился золотистый свет. Это были те самые светильники Фортуни, которые так восхитили ее в «Сарацино».

Словно зачарованная, Нелли двинулась на их свет. Подняв взгляд, чтобы прочесть выцветшие буквы над дверью, она замерла в недоумении, а затем сердце ее сильно забилось.

Кафе называлось «Settimo Cielo».

Когда на второй день пребывания в Венеции Нелли в разговоре с Валентино сказала, что приехала сюда по следам своей бабушки, в этом была доля правды, однако она не ожидала, что ей, ведомой каким-то смутным предчувствием, откроется новый знак. Она и не искала никаких знаков, а просто брела наугад, заблудилась во тьме, и тут вдруг перед ней возникло это зачарованное кафе, и она прочла на нем те самые слова, которые в давние времена кто-то написал в бабушкиной книжке.

Il Settimo Cielo.

Разумеется, у нее тотчас же встала перед глазами выцветшая итальянская надпись в книжке Сильвио Тодди: «Noi... Il Settimo Cielo» – «Мы... Седьмое Небо».

Нелли почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

Может быть, эти слова были вовсе не выражением высшего счастья, как она думала, а указывали на конкретное место, а именно на это кафе? Неужели ее бабушка сидела в этом самом кафе, где у нее была назначена встреча с незнакомцем, оставившим в книжке эту едва различимую ныне надпись? Все вокруг стало вдруг каким-то нереальным. Но в таком городе, как Венеция, немудрено встретиться с потусторонними призраками.

Движимая любопытством, Нелли толкнула дверь.

Несколько темных деревянных столиков, пол, выложенный красноватыми каменными плитками, высокий книжный стеллаж у левой стены, напротив двери стойка, за которой стоял бариста в длинном черном фартуке. Он неторопливо мыл бокалы, и когда на пороге появилась Нелли,

то лишь коротко взглянул на нее. В витрине были разложены корнетти панини^[102] и фокаччи^[103]. Рядом на полочке стояло несколько упаковок с чипсами. А перед окнами слева от входа висели светильники, теплый свет которых озарял все помещение и на который как зачарованная сюда потянулась Нелли.

Она огляделась. Два столика были заняты посетителями; очевидно, это были местные жители, жившие по соседству, которые решили пропустить стаканчик вина; справа, в уголке возле бара, рядом с небольшой дверью, ведущей во внутренние помещения, сидел старичок с газетой, перед ним стоял бокал с граппой. Он читал газету, почти уткнувшись в нее носом, на глазах у него были толстые очки.

Сев за столик возле окна, Нелли заказала себе капучино и горячий панини. От долгих блужданий она устала и проголодалась. Но теперь она чувствовала, что зашла в надежную гавань. Сейчас она подкрепится, а потом попросит баристу рассказать, как ей добраться до дома. Надежная гавань – Нелли невольно улыбнулась.

В ожидании заказанного кофе и панини Нелли разглядывала стены, увешанные черно-белыми фотографиями и рисунками. За исключением книжных полок, на которых косо стояли или громоздились стопками книги, каждый сантиметр стен был занят фотографиями и картинами.

Только сейчас Нелли обратила внимание, что на всех снимках и рисунках были изображены воздушные шары. Старые монгольфьеры ярких цветов с веселыми пестрыми вымпелами или золотыми эмблемами, парящие над зелеными ландшафтами или голубыми морскими просторами. Картины маслом, акварели, гравюры – воздушные шары во всех вариантах. На некоторых фотографиях Нелли, казалось, узнавала киноактеров, бывших на пике славы в середине прошлого века. Они махали рукой из корзин воздушных шаров или позировали перед воздушным шаром в черных костюмах и широких юбках, на фотографиях красовались их автографы. Нелли не удивилась бы, если бы увидела на одном из снимков свою бабушку – она прекрасно вписалась бы в эту панораму картинок пятидесятих годов.

Среди них, в простенке между двумя окнами, обнаружилась даже фотография Кэри Гранта и Софи Лорен, поднимающихся на одном из воздушных шаров, размахивая бутылкой шампанского.

Поперек фотографии шла размашистая надпись: «Per nostro amico Giacomo» – «Нашему другу Джакомо».

Нелли удивилась. Очевидно, это кафе, в котором сейчас сидело несколько старичков, раньше было гламурным заведением, где любили

бывать знаменитости и признанные красавицы. Но и теперь картинки старых монгольфьеров и лампочки, подвешенные на окнах, создавали в этом кафе, словно выпавшем из времени, необыкновенно поэтическую атмосферу. Даже не зная, какое отношение имела к нему галерея воздушных шаров, Нелли сразу почувствовала себя как дома в его уютной обстановке, где в воздухе витали запахи запыленных книг и свежемолотого кофе.

Бариста не спеша подошел к ее столику и поставил перед ней чашку капучино. Это был видный мужчина с твердо очерченным подбородком и морщинистым лбом, в волосах у него уже пробивалась седина. Он приветливо посмотрел на Нелли, и у нее на миг промелькнуло такое чувство, словно его лицо ей уже знакомо.

Едва она пригубила чашку с горячим напитком, как дверь распахнулась, впуслав струю холодного воздуха. В зал торопливо вошел молодой человек в кожаной куртке. Нелли с удивлением смотрела на вошедшего.

Поверить невозможно! Это был Валентино Бриаторе.

Первой мыслью, которая мелькнула у нее в голове, было, что он шел за ней следом. Она сама не знала, возмущаться ей этим или гордиться.

– Откуда ты тут взялся? – не сдержалась она. – Подумать только! Ты, кажется, меня преследуешь?

Валентино высоко вскинул брови.

– С чего ты это взяла! – резко бросил он.

– Не случайно же ты сейчас появился! В этом кафе.

– Конечно не случайно, – ответил он спокойно. На губах у него показалась насмешливая улыбка.

Нелли встала.

– Ну знаешь ли! – начала она возмущенно.

– Чао, Валентино! – раздался громкий голос баристы.

– Чао, папа! – сказал Валентино и, не обращая внимания на Нелли, направился к стойке, чтобы поздороваться с баристой.

Нелли глядела на это, не веря своим глазам. «Чао, папа»? Наконец она сообразила, и щеки ее залились румянцем.

– О! – воскликнула она. – Господи, надо же!

– Ессо!^[104] И кто же кого тут преследует? – спросил Валентино, садясь к Нелли за столик. Он принес бутылку граппы и с легким звоном поставил на стол два бокала. – Это за счет заведения. Поклон тебе от баристы!

– Так, значит, это кафе принадлежит твоему отцу? – Нелли повернулась к человеку за стойкой и с улыбкой помахала в знак благодарности рукой.

– Все верно. – Валентино удобно прислонился к спинке стула. – Так что видишь – никаких причин подозревать, что тебя преследуют. Но как ты вообще сюда забрела? Уж не наводила ли ты справки обо мне и не решила ли меня тут выследить? – сказал он с ухмылкой. – Ведь «Settimo Cielo» расположено далеко не в центре туристических маршрутов.

– Ну знаешь ли, я же не придерживаюсь исключительно туристических маршрутов, – ответила Нелли.

– Ах да, я и забыл – ты ведь ходишь по следам своей бабушки.

– Ну да. – Нелли откашлялась.

Странно, что он это запомнил. Она задумчиво посмотрела на Валентино. В первое мгновение она даже подумала, не рассказать ли ему про надпись в книге. Но это было сложно сделать, не поведав всю историю целиком, включая кольцо, выгравированную на нем надпись, свою боязнь полетов, профессора, «Бурю», возможность аварии. Нет уж, спасибо! Это как ящик Пандоры, и Нелли не собиралась его открывать. Она покачала головой.

– Если честно, то я сегодня ходила в Академию.

– Без меня? – Карие глаза смотрели на нее с укором.

– Да, без тебя. И не смотри на меня так!

– Но до Академии же отсюда вон как далеко.

Нелли смущенно кивнула:

– По дороге домой я каким-то образом заблудилась. Моя карта города – это не карта, а суцая катастрофа. Маленькие улочки на ней вообще не найти.

– Вот видишь! Тебе нужен чичисбей.

– Чичи... Кто нужен?

– Чичисбей. Так раньше назывался целомудренный спутник венецианских дам, который следил, чтобы к даме никто не приставал и она целой и невредимой могла вернуться в свое палаццо.

– Как интересно! – засмеялась Нелли. – Полагаю, у тебя уже есть кто-то на примете для этой роли.

– А как же! – Он поднял бокал и кивнул ей. – За лучшего чичисбея из всех, какие есть в Венеции. И за то, чтобы ты в конце концов нашла здесь то, что ищешь.

Они чокнулись.

Крепкая граппа непривычно обожгла горло, по телу разлилось тепло.

А что, кстати, она ищет в Венеции? Старую историю или новую историю? Или, может быть, и то и другое? Нелли и сама в этом немного запуталась.

– Скажи-ка, пожалуйста, почему это кафе назвали «Settimo Cielo»? Откуда это название?

Валентино снова налил в бокалы граппы.

– Разве ты не догадываешься? – Он обвел рукой стены с картинками. – В честь всех этих воздушных шаров, поднимающихся в небо.

– На картинки я, конечно, обратила внимание. И на фотографии. Но какое отношение это имеет к кафе?

Валентино повертел в руках ножку бокала.

– Кафе раньше принадлежало моему дедушке Джакомо Бриаторе. А у него были две великие страсти – его жена Эмилия и воздухоплавание.

И пока Нелли блестящими глазами оглядывала картины, Валентино рассказал ей о своем дедушке, который владел старым монгольфьером, холил и лелеял его, как любимое дитя.

Еще в молодости Джакомо Бриаторе полюбил воздухоплавание, и каждый год во время Венецианского кинофестиваля его полосатый, красно-сине-золотой воздушный шар выставлялся напоказ и пользовался большим успехом. На длинном тросе он взмывал над Лидо, и в его корзине звезды кино поднимались на седьмое небо и фотографировались во время полета. Воздушный шар – монгольфьер служил в пятидесятые годы знаменитым аттракционом. А сам Джакомо был молодец хоть куда, и своей Эмилии с черными как смоль волосами он, как гласит молва, сделал предложение, вознесшись с нею на небеса.

– Как романтично! – прервала Нелли его рассказ. – Надо же было такое придумать!

Валентино улыбнулся:

– На деле все прошло не совсем гладко. В тот момент, когда дедушка хотел надеть невесте на пальчик кольцо, корзину качнуло резким порывом ветра, дедушка пошатнулся, и колечко упало в лагуну. Пришлось ему покупать новое кольцо, и дедушке это совсем не понравилось, потому что он всегда был бережливым человеком, – добродушно усмехнулся Валентино. – Таков был неудачный зачин очень удачного супружества, которое продлилось до самой бабушкиной смерти, она умерла четыре года назад, а дедушка до сих пор иногда зовет во сне свою Эмилию и просыпается огорченный, потому что ее больше нет в их общей постели. Они прожили вместе пятьдесят три года, не разлучаясь ни на один день. – Он посмотрел на Нелли. – Сегодня такое даже трудно себе представить, правда?

Нелли кивнула:

– Я очень сочувствую твоему дедушке. Давай выпьем за них обоих.
Они подняли бокалы и чокнулись.

Затем Валентино встал и подвел Нелли к фотографии, висевшей на стене рядом с книжной полкой. На ней был запечатлен молодцеватый парень с сигаретой во рту. На нем была светлая рубашка и брюки с подтяжками, одной рукой он обнимал девушку. Она была в кружевной накидке на обнаженных плечах, а длинные черные волосы были подколоты спереди заколкой. На чистом лице выделялись огромные глазищи и красиво очерченные брови.

Разумеется, эта пара тоже стояла на фоне монгольфьера.

– Вот моя бабушка и мой дедушка, – сказал Валентино.

– Красивая пара, – отозвалась Нелли с мечтательной улыбкой.

– А вот мои родители.

Он показал на фотографию высокого мужчины с черными волосами, в котором без труда можно было узнать Алессандро Бриаторе, рядом с ним стояла миниатюрная женщина.

– Моя мама пользуется этим временем года, чтобы навестить родных в Неаполе. В это время у нас тут затишье, а она не любит зимнюю Венецию. «Слишком мало солнца и слишком много воды», – говорит мама. – Он улыбнулся, и Нелли улыбнулась в ответ.

– А мне нравится Венеция зимой, хотя я и думала, что тут будет гораздо теплее.

Нелли невольно вспомнились босоножки, которые она положила в чемодан, радостно предвкушая тепло южного солнца. Это было так недавно, и в то же время Париж остался где-то так далеко, словно до него было расстояние в миллион световых лет. А она сидит с молодым итальянцем вот здесь, в этом кафе, имеющем свою большую историю.

– Расскажи еще про «Settimo Cielo», – попросила она.

Видя ее интерес, Валентино оживился и принялся объяснять, что изображено на отдельных фотографиях. На Нелли произвели впечатление его рассказы о том блестящем периоде, когда в Голливуде еще появлялись настоящие звезды, чья слава не меркла уже через несколько лет, а держалась десятилетиями. С картинами, рисунками и гравюрами тоже были связаны свои истории. Некоторые картины Джакомо получил в подарок от людей, знавших его увлечение, другие он приобрел сам. Валентино мог рассказывать бесконечно о каждой картине. Он всегда был хорошим рассказчиком, но в этот вечер, вдохновляемый восхищенными возгласами своей слушательницы, он сам себя превзошел.

– Ну а что же стало со старым монгольфьером? – спросила Нелли, когда они снова вернулись за столик. – Твой дедушка по-прежнему продолжает летать на воздушном шаре?

– Как ни странно, это называется не полетами, а *воздухоплаванием*.

– Постараюсь запомнить, – улыбнулась своим мыслям Нелли. – Мне очень нравится, что на воздушном шаре не летают, а плавают, – пояснила она в ответ на недоуменный взгляд Валентино. – Ну а как же дедушка? Он все еще путешествует по воздушным путям?

Валентино добродушно улыбнулся и покачал головой:

– Нет, это осталось в прошлом. Дедушка уже давно перестал заниматься воздухоплаванием. У него очень сдало зрение.

– А как же аттракцион на Лидо?

– *Tempi passati*^[105]. В какой-то момент эта забава, противоречащая всем правилам безопасности, прекратилась, а старый воздушный шар был отправлен в Арсенал на покой и с тех пор стоит там забытый в подвале. – Валентино пожал плечами. – Да и сам дедушка стал с годами забывчив. Алессандро, мой отец, давно уже взял кафе в свои руки. Но дедушка приходит в «*Settimo Cielo*» почти каждый день посидеть за бокалом граппы, почитать газету и помечтать о былых временах.

Валентино обернулся и посмотрел на темный угол возле стойки. Там все еще сидел близорукий посетитель.

– Видишь, вон он сидит, это его любимое место. Хочешь с ним познакомиться?

– Конечно, – сказала Нелли.

Они направились к старому Джакомо Бриаторе, который удивленно отложил газету.

– Дедушка, я привел к тебе человека, который восхищается твоим монгольфьером, – сказал Валентино и представил старику Нелли: – Это Элеонора Делакур. Она приехала из Парижа провести здесь отпуск.

Старик внимательно посмотрел на Нелли близорукими глазами, и у Нелли появилось странное ощущение, что этот взгляд пронизывает ее насквозь.

– *Una ragazza bella*^[106], – прямодушно высказал свое мнение Джакомо. – Будь я помоложе, синьорина Элеонора, я с удовольствием пригласил бы вас покататься на воздушном шаре.

Нелли улыбнулась.

– Это было бы чудесно, синьор Бриаторе, – солгала она. – Ваш монгольфьер – это просто мечта!

Она была растрогана тем, что старик принял ее так дружелюбно и сразу пригласил покататься на воздушном шаре. Хорошо, что этому приглашению никогда не суждено осуществиться. Как ни восхищалась Нелли монгольфьерами на картинах и фотографиях, но самая мысль о том, чтобы сесть в корзину воздушного шара, наводила на нее смертельный страх.

– Да... Было дело когда-то... Мой старый монгольфьер... – задумчиво повторил Джакомо Бриаторе. – Это было действительно что-то особенное. Когда я на нем поднимался, я становился повелителем воздушной стихии. Я проплывал над землей, и у меня было такое чувство свободы, что невозможно описать.

Он взглянул на Валентино, и по лицу его пробежала улыбка.

– Помнишь, Валентино, как я взял тебя с собой в первый раз. Тебе как раз исполнилось пять лет. Ты и не догадывался, как празднуют воздушное крещение! – сказал старик со смешком.

Валентино с любовью смотрел на деда.

– Разве такое забудешь, дедушка! Я же тогда впервые в жизни попробовал шампанское. А как я важничал, когда ты велел мне поклясться, что полеты на воздушном шаре я всегда буду правильно называть *воздухоплаванием*, потому что отныне я принят в союз воздухоплавателей. – Он широко улыбнулся. – Я, правда, не стал таким заядлым воздухоплавателем, как ты, но и я люблю забираться повыше. Страх высоты у меня нет, и это, наверное, я унаследовал от тебя.

Нелли вспомнила, как Валентино, словно акробат, вскарабкался на высокую лестницу в Ка-Реццонико.

– Да, это, видать, от меня, – с гордостью сказал дедушка Бриаторе. Затем помахал обоим узловатой рукой. – Возьмите-ка, детки, свои бокалы и посидите немного со мной! Выпьем за добрые старые времена. И за мою Эмилию, царство ей небесное!

На его безымянном пальце Нелли заметила два кольца, скованных в одно целое.

Когда они подсели к нему и Валентино наполнил бокалы, Нелли услышала, как старик шепотом спрашивает внука:

– Элеонора? Что-то не припомню такого имени. Никак опять новая подружка?

Нелли взглянула на Валентино, удивленно подняв брови, и он впервые за время их знакомства посмотрел на нее немного смущенно.

В этот вечер Нелли узнала от старика много нового о

воздухоплавании, кое-что о настоящей любви, а также про девять светильников, дружной стайкой висевших в окне, – про них старик Бриаторе поведал целую историю. Когда Нелли поинтересовалась, где они куплены, и упомянула «Венеция Студиум», старик посмотрел на нее с недоумением во взгляде.

– Нет, – протянул он в ответ. – Эти светильники мне подарил старик Палладино на открытие кафе. Он в то время был в Венеции ламповых дел мастером. Хороший был человек, но очень невезучий в жизни. Сперва похоронил жену, потом сына. Обоих пережил. – Бриаторе с сожалением покачал головой. – Тогда, знаете ли, этих магазинов вообще еще не было. – Он посмотрел на окна, в которых, словно изящные рожки мороженого, висели в ряд лампы Фортуни. – Сначала их было десять, но потом одна свалилась, ну и, как водится, ее не заменили другой.

– Сегодня эти лампы вообще недоступны по цене, – сказала Нелли. – Десять ламп обошлись бы в целое состояние. Я и сама подумывала, как бы купить такую лампу.

– Тогда это было не так. Палладино был совсем небогат. Но как-никак, а эти лампы оказались долговечными и по-прежнему хороши.

– Да, – кивнула Нелли. – Изумительно хороши. Мне нравится все в этом кафе. Когда зайдешь сюда, кажется, что время остановилось.

Джакомо Бриаторе пригладил сильно поредевшие волосы и прибрал их за уши.

– Время, синьорина Элеонора, никогда не останавливается. Только наши воспоминания. Они остаются с нами всегда.

Было уже за полночь, когда Алессандро Бриаторе, подсевший к ним за стол после того, как разошлись посетители, запер кафе и удалился через заднюю дверь в жилые помещения на втором этаже.

– Mezzanotte^[107], – сказал Валентино, когда они с Нелли вышли на полукруглую площадь, освещенную только светом горевших в окне лампочек. Их вытянутые, дрожащие тени лежали на мостовой. – Час привидений. Час волшебных превращений. – Он подошел ближе, и их тени слились. – Если позволишь, твой чичисбей проводит тебя домой, а то вдруг заблудишься и будешь скитаться по улицам.

Нелли кивнула:

– С удовольствием позволяю. Если чичисбей будет вести себя примерно, – добавила она, лукаво посмеиваясь.

– Ну разумеется, – сказал Валентино и слегка поклонился. На Нелли пахло лавандой и сандаловым деревом.

Нелли невольно улыбнулась, глядя на его серьезную мину. Часы,

проведенные в кафе, промелькнули незаметно, и, обернувшись напоследок, чтобы бросить последний взгляд на «Settimo Cielo», о котором теперь она уже кое-что знала, Нелли заметила, что после выпитой граппы у нее кружится голова. Она пошатнулась.

– Синьорина Элеонора, прошу вас! – Валентино подставил руку, и она оперлась.

Как ни странно, Нелли нисколько не смущало, что старый Бриаторе весь вечер называл ее Элеонорой. В устах старика длинный вариант ее имени звучал даже очень симпатично. Куда меньше ей понравилось его замечание насчет многочисленных подружек внука, и это тоже было странно. Какое ей, в конце концов, дело до личной жизни Валентино Бриаторе!

– Мне понравился твой дедушка! – сказала она, нарушив молчание.

Валентино улыбнулся. И тут вдруг все лампы в окнах погасли, и маленькая площадь погрузилась во мрак.

Нелли испуганно вскрикнула, а затем рассмеялась.

– Что это было? – спросила она, но Валентино уже заключил ее в объятия.

– Это знак, – шепнул он, и его губы приблизились и коснулись ее губ.

Он крепко обнял ее, и она на миг поддалась, погрузившись в кокон тьмы и тепла, между тем как ее дыхание участилось, а в ушах зашумело.

– Но ты... ты же сказал, что чичисбей, – слабо запротестовала она.

– А разве я похож на послушного чичисбея? – спросил он, нежно убирая назад упавшую ей на лицо прядь, его глаза сверкали странным блеском.

Нелли всем телом ощущала, как бешено колотится его сердце.

– Нет, – прошептала она, закрывая глаза, когда их губы сомкнулись.

Кстати, целовался Валентино Бриаторе тоже не как послушный чичисбей. Его поцелуй был крепким и решительным, каким и должен быть поцелуй. За такими поцелуями забываешь окружающий мир.

Джакомо Бриаторе никуда не выезжал за пределы Венеции, но он был человек умный и с немалым жизненным опытом. И хотя в его жизни было немного любовных приключений, он, очевидно, знал, как завоевать сердце женщины.

– Если ты можешь добиться, чтобы она рассмеялась, ты добьешься всего, – сказал он однажды внуку.

Тому было тогда пятнадцать лет, и он обожал своенравную Тициану – рыжую девочку из своей школы, которую, как назло, нелегко было развеселить, тем более что она не любила смеяться из-за того, что у нее была щербинка в зубах. Валентино, напротив, считал ее щербинку особенно прелестной, и через несколько недель его неустанные старания увенчались успехом, со словами «так и быть» ему был дарован поцелуй, во время которого он с волнением и восторгом потрогал языком маленькую щелку между зубами Тицианы.

Все это происходило двенадцать лет назад. На своем пути он встретил нескольких женщин, многие из них с удовольствием смеялись над его шутками, некоторые упрекали его, что он ничего не принимает всерьез, но большинство не могло устоять перед его обаянием и легким, веселым нравом. С тех пор дедушкин совет всегда себя оправдывал. Но Элеонора Делакур оказалась крепким орешком.

Каждый раз, когда Валентино Бриаторе думал, что сделал очередной шаг на пути к успеху, девушка его мечты делала два шага назад, и этот странный танец, напоминающий грустное аргентинское танго, продолжался уже две недели с тех пор, как Нелли свалилась на него на Пьяцце и он безрассудно влюбился в эту девушку, которая вскружила ему голову так, как ни одна другая. Она смеялась, когда он ее смешил, но едва ему начинало казаться, что лед сломан, она вдруг становилась серьезной, начинала его избегать, не подходила к телефону и мыслями уносилась в неведомую даль.

Когда с наступлением полуночи в кафе «Settimo Cielo» сработал выключатель и лампочки Фортуни в окнах внезапно погасли, Валентино воспользовался счастливой возможностью и сделал то, о чем мечтал уже давно. Он поцеловал Нелли.

Он, конечно, понимал, что захватил ее врасплох, что она немного захмелела от граппы, начокавшись с ним в кафе. Но ее мгновенная

растерянность быстро прошла, и тогда она прильнула к нему и ответила на его поцелуй.

С радостным трепетом он почувствовал, как податливы ее нежные губы, как сладок поцелуй. Тут не было ни тревожного волнения, ни осторожного примеривания друг к другу, все было правильно и по-настоящему, одно к одному, это был миг совершенного счастья.

Даже сейчас, стоило Валентино только вспомнить этот поцелуй, как у него внутри все затрепетало так, словно там одновременно вспорхнули все голуби Сан-Марко. Ему и раньше несколько раз доводилось влюбляться, но тут было совсем другое. Любовь, конечно, всегда приводит в восторженное состояние, и все же ему казалось, что ничего подобного он еще не испытывал.

После этого чудесного поцелуя, который дал ему надежду на большее, они рука об руку пошли пешком к ней домой по затихшим улочкам Сан-Поло. На маленьком мостике он остановился и набросил ей на плечи свою кожаную куртку, чтобы она не мерзла. А затем снова поцеловал ее, и тихий плеск волн в темной лагуне, набегавших на каменные стены, смешался с блаженными вздохами, вылетающими из их уст, которые вновь и вновь сливались в долгом поцелуе.

Когда они подошли и остановились перед крепкой деревянной дверью старого дома на Калле-дель-Театро, Валентино поцеловал ее в последний раз, полагая, что этот поцелуй не последний, что она возьмет его с собой наверх в свою квартиру и что в эту ночь ее постель будет озарена звездным дождем, который обещает исполнение всех желаний.

Как же он ошибался!

Когда она отперла дверь и он, с сильно бьющимся сердцем, зарывшись лицом в ее волосы, шагнул было на порог, она обернулась и мягко его отстранила. И затем снова произнесла фразу, которую он ненавидел, потому что не мог понять ее смысла:

— Боюсь, что это не очень хорошая идея.

Он остановился как оглушенный, это было похоже на внезапное торможение на полной скорости, и не успел сказать ничего, например, что для них двоих это самая замечательная идея, какую только можно придумать, как она уже закрыла дверь у него перед носом.

Разочарованно постояв перед запертой дверью, он увидел, как в окнах загорелся свет. Он хотел было позвонить, но так и не сумел определить, какая из кнопок относится к ее квартире. Да и что толку? Она бы все равно не открыла.

Вскоре свет погас, и Валентино нехотя пошел домой. Он провел почти

бессонную ночь, ненадолго забываясь в беспокойных снах, однако утром к нему снова вернулся оптимизм. Раз девушка позволяет себя целовать, значит не все потеряно! Воля двигает горами и в наше время, а Валентино если к чему и стремился, так это к тому, чтобы без остатка завоевать сердце этой девушки, и желательно навсегда, и ему не казалось, что «навсегда» – это чересчур сильно сказано. Он не мог себе даже представить – и эта мысль приходила ему все настойчивее и становилась все невыносимее, – что через каких-то две недели, точнее, через две недели и два дня, она просто исчезнет из его жизни. Этого ни за что нельзя было допустить!

Валентино, не сядя, решительно выпил одним духом чашку эспresso, которую взял в кафе «Settimo Cielo».

Алессандро Бриаторе сочувственно посмотрел на сына.

– Ишь как тебя скрутило, – сказал он в своей обычной спокойной манере.

Валентино кивнул:

– Sì, рара! Мне нужно кое-что обдумать.

Действительно, подумать было над чем.

Как выяснилось, всех его прежних стараний, его любезности, знаков внимания, дружелюбия и шуток, которыми он расцвечивал свои ухаживания, даже поцелуя, говорящего больше всех слов, было недостаточно, чтобы убедить синьорину Элеонору в том, что впредь ее место – рядом с Валентино Бриаторе. Для того чтобы завоевать сердце этой женщины, необходимо было придумать что-то покруче. Что-то великолепное и удивительное, чтобы она не смогла не влюбиться в него навеки. Все, что ему сейчас было нужно, это безусловное доказательство его любви.

Вспоминая с легкой тоской безмятежный вчерашний вечер, проведенный с нею в кафе, он невольно блуждал взглядом по окружающей обстановке, как будто где-то в «Settimo Cielo» скрывался ответ на его вопрос. В конце концов его взгляд зацепился за одну из картин, на которой была представлена парочка рядом с монгольфьером.

Валентино задумчиво посмотрел на нее, и тогда в его голове родилась идея, что такого он может сделать, против чего она уж точно не устоит.

– Пожалуйста, дедушка, постарайся вспомнить! Где может быть ключ?

Джакомо Бриаторе поджал губы и задумался. Он очень старался, хмурил лоб, сдвигал брови, несколько раз ущипнул себя за подбородок. Затем взглянул на Валентино и покачал головой:

– Ну никак не могу вспомнить. Я уже искал по всей квартире, но там, где я обычно прячу ключи, его не оказалось.

– Ну как же так, дедушка! Ты же должен знать, куда что кладешь.

– Почему это должен? – недовольно буркнул Джакомо. – Вот доживешь до моих лет, парень, тогда поймешь, как бывает.

Валентино, вздыхая, беспокойно заерзал на стуле. Он сидел в уголке за столом рядом с дедушкой, который, как всегда, с утра зашел в кафе «Settimo Cielo», и поневоле посвятил старика в свои планы.

– Смотри никому не говори, это должно оставаться в секрете, понимаешь? Никто не должен об этом знать. Никто! И самое главное – она.

– Дорогой мой, я хотя и забывчив, но из ума еще не выжил. Тебе понадобится пара помощников...

И они стали обсуждать, как все устроить. Для такой затеи времени оставалось маловато, а если не повезет, то в самый нужный момент могла подвести погода. Однако непредвиденным случайностям не под силу было заставить Валентино отказаться от своего великого плана. Он верил в удачу. И с чутьем хорошего драматурга выбрал для его осуществления совершенно особенную дату – четырнадцатое февраля, День святого Валентина, на который падали его именины, но главное, это был день, когда полагается дарить подарки даме сердца. А если тебя зовут Валентино и ты хочешь в этот день удивить свою возлюбленную таким сюрпризом, который затмил бы все другие подарки, то святой Валентин уж наверно возьмет тебя под свое благое покровительство.

Заметив, с каким восхищением Нелли разглядывала в «Settimo Cielo» воздушные шары, Валентино ни секунды не сомневался, что она будет в восторге от такого необычного подарка, и одновременно он собирался сделать ей предложение руки и сердца.

Оставалось только найти проклятый ключ. В последнее время дедушка все чаще стал забывать, куда он положил ту или иную вещь, но, кажется, старик не слишком из-за этого огорчался.

– Ты действительно стал забывчив, дедушка, – с укоризной сказал Валентино. – Не могу же я взломать дверь. Она железная. – Валентино в отчаянии схватился за голову. – Что же мне теперь делать?

– Да подари ей что-нибудь другое, – сказал дедушка, которому надоело выслушивать упреки. – Одну из лампочек Фортуни. Этим ты наверняка ей угодишь. Она же просто влюбилась в эти штучки, изготовленные старым Палладино. Может быть, твоя идея с монгольфьером совсем не так хороша, как ты думаешь. Кто знает, в каком состоянии сейчас эта старая вещь.

Джакомо Бриаторе не терпелось спокойно приняться за газету.

– Поэтому я и должен на него посмотреть, – не отставал Валентино. – Ну подумай еще!

Затем он спросил о том, о чем всегда спрашивают в таких случаях, в надежде, что поиски пойдут лучше, если старик мысленно перенесется в старые времена:

– Когда ты в последний раз пользовался этим ключом?

Джакомо Бриаторе только отмахнулся:

– Давно, много лет назад. Разве ж все упомнишь.

Откинувшись на спинку своей скамейки, старик поступил так, как часто поступают старые люди, когда не могут вспомнить, где лежит нужная вещь.

– Святой Антоний, – начал он молиться, – помоги же нам наконец найти проклятый ключ!

Крепко зажмурившись, он стал ждать, когда на него снизойдет просветление. Затем поднял указательный палец:

– Погоди-ка, погоди-ка! Сейчас вспомню... Я брал ключ, когда ты кончил школу и получил аттестат. Мы же с тобой тогда поднимались на монгольфьере, помнишь? А потом я лег в больницу из-за этой дурацкой операции на глазах. – Он вздохнул.

– Ты прав, – сказал Валентино, задумчиво пощипывая нижнюю губу. Затем его лицо озарилось улыбкой. – Ага! Я вспомнил, где ключ! – воскликнул он. – Наверняка он так и висит под каменным выступом в подвале. – Валентино взволнованно выпрямился. – Ну да! Я совершенно точно уверен, что он там висит на гвозде! Ты помнишь?

– Ну, что до меня, так я ничего не помню, – заявил Джакомо с выражением комического отчаяния. – Я готов был поклясться, что забрал тогда ключ с собой. – Он взялся за газету и кивнул внуку. – Чего же ты ждешь? Попытай свое счастье! – Он усмехнулся. – Обратный отсчет пошел.

На следующий день в полдень Валентино с довольным выражением на лице вышел на площадь Санто-Стефано. Для конца января день выдался на редкость солнечным, и несколько безумцев уже сидели на улице перед барами и на террасе ресторана, который выставил для них на улицу обогреватели. В конце площади стоял белокурый парень, играющий на гитаре. До Валентино доносились звуки песни «Volare»^[108].

Валентино улыбнулся. Его затея начала обретать реальные очертания. Все было так же, как при реставрации старинных фресок или потолочной росписи. Для Валентино начало работы всегда было связано с чувством, что на этот раз он не справится и все испортит. Один неверный мазок, одно

неловкое движение – и пиши пропало. Но постепенно дело налаживалось. В какой-то момент работа обрела внутреннюю динамику, и ты вдруг видел, что все получается как надо.

Валентино уже успел встретиться со своей старой приятельницей Тицианой; и она тотчас же загорелась его идеей, как только он ей рассказал, что задумал.

– Конечно же, мы поможем, – сказала она, и ее глаза заблестели, как в те времена, когда его завораживала ее щербинка. – Вот только договорюсь с Лучано, и тогда подумаем, когда мы можем собраться. Не беспокойся, все получится! – Она лукаво засмеялась. – Как здорово, что и ты наконец попался!

Прежняя тоненькая девчонка с длинными косами сейчас превратилась в полногрудую красавицу. Белокожая Тициана с огненно-рыжими волосами привела бы в восторг всех прерафаэлитов. Щербинка в зубах у нее так и осталась. Валентино поймал себя на том, что в ресторане неподалеку от театра «Фениче», куда они вместе пошли в обеденный перерыв, за столом он то и дело невольно поглядывал на ее рот.

На долгие годы они потеряли друг друга из вида. Их детский роман как-то сам собой сошел на нет вскоре после первого поцелуя, а потом, когда Валентино стал студентом и, живя в Падуе, на выходные приезжал домой, его лучший друг Лучано однажды познакомил его со своей подружкой, которая работала художником-оформителем в театре.

Валентино удивился и обрадовался неожиданной встрече с Тицианой.

А сейчас обрел в лице энергичной Тицианы и обладающего техническими навыками Лучано хороших помощников для осуществления своего плана. Это его радовало.

Слушая музыканта, Валентино стал насвистывать мелодию «Volare», и тут ему вдруг ужасно захотелось присоединиться к безумцам с площади Санто-Стефано. Он тоже уселся на солнце с чашкой эспresso перед маленьким рестораном.

Весь вчерашний день он провел в беготне по делам, связанным с воздухоплавательной затеей. Ключ действительно нашелся под каменным выступом в подвале Арсенала. Валентино залез в сырые потемки подвала и повозился там, смахивая накопившуюся паутину, расправляя слежавшиеся ткани, распутывая веревки и проверяя плетеную корзину, и обнаружил, что она местами прохудилась. Предстояло порядком поработать, однако состояние шара было небезнадежным, прежнее великолепие можно было восстановить. Он достал записную книжечку, составил список необходимых работ, прикинул, сколько у него остается часов, помимо

работы в Ка-Реццонико, и сколько дней на это потребуется. Затем он сделал несколько телефонных звонков, бегом помчался в палаццо, где его ждали кисти и краски, а вечером еще обсудил кое-что с дедушкой, заклиная его не проболтаться Нелли, если он опять приведет ее в кафе.

Весь день Валентино был как наэлектризованный. Он так вдохновился своей затеей, что носился по городу, словно Гермес в крылатых сандалиях. Он не успел поесть, не позволил себе ни одной передышки (да и какому влюбленному, если подумать, требуется обеденный перерыв для приема пищи?), и только поздно ночью, когда совершенно выдохшийся свалился в постель, он вспомнил, что за весь день даже ни разу не позвонил женщине, ради которой все это делалось. «Грубейшая ошибка! Непростительно!» – сердился на себя Валентино. После этого потрясающего поцелуя возле «Settimo Cielo» надо было сразу же на другой день ей позвонить. Она решит, что он просто о ней забыл, в этом нет никакого сомнения. Но с другой стороны, она тоже не пыталась с ним связаться. У него вдруг закрались сомнения. Если говорить все, как есть, то в ту ночь она его просто прогнала. С другой стороны, это не обязательно должно было что-то значить. Во всяком случае, когда он ее целовал, она его отнюдь не отталкивала, а даже напротив!

Раздираемый противоречивыми мыслями, Валентино ворочался с боку на бок и метался, как эти мысли, которые не давали ему покоя: с одной стороны – с другой стороны, с одной стороны – с другой стороны.

Женщины – сложные создания, это всем известно. А уж эта... Мамма mia! Валентино глубоко вздохнул и с размаху хлопнул кулаком по подушке, затем снова повернулся на другой бок и стал думать.

Что, в сущности, она хотела сказать этими словами: «Боюсь, это не очень хорошая идея»? Может быть, это было не так уж серьезно, как ему от огорчения показалось в первую минуту? Может быть, она просто не из тех, кто после первого же поцелуя впускает мужчину к себе домой.

На этой успокоительной мысли Валентино наконец-то уснул, твердо решив прямо с утра позвонить Нелли.

Когда он в десять часов набрал ее номер, она сразу сняла трубку, как будто ждала его звонка. Но затем она показалась ему уж очень немногословной.

– Хотел только узнать, как ты себя чувствуешь, – спросил он, а она в ответ коротко сказала: «Хорошо» – и тотчас же спросила его, как поживает он.

Быть может, это было лишь плодом его воображения, но ему

почудилась в ее тоне насмешливость, когда на его извинение, что вчера он весь день был очень занят, она ответила, что тоже это заметила. Ни слова о ночных поцелуях! И только когда он передал ей привет от своего дедушки, она немного оттаяла и еще раз повторила, что очарована Джакомо Бриаторе и что маленькое кафе просто волшебное.

Тогда он набрался смелости:

– Нет, Нелли, это ты очаровательная. Я... Было так чудесно рядом с тобой... Я всю ночь потом не спал, все думал о тебе, – запинаясь, проговорил он в трубку.

Последовало долгое молчание.

Валентино выждал, пока она заговорит, но от нетерпения так сжимал трубку, что до боли впился ногтем большого пальца в указательный.

– И я тоже не могла уснуть, – сказала она.

Он облегченно вздохнул:

– Когда мы можем увидеться?

Они договорились встретиться на Пьяцце пополудни на том же месте, где встретились в первый раз.

Через два часа от Нелли пришла эсэмэска, но он обнаружил ее уже после встречи с Тицианой:

К сожалению, вынуждена отменить встречу. Болит голова, и я решила сегодня полежать. Давай встретимся в другой раз. Нелли.

Он тотчас же попробовал ей перезвонить, но она не сняла трубку. Вероятно, бедняжка легла в затемненной спальне и теперь ждет, когда отпустит боль.

Валентино скомкал обертку от сахара и бросил ее в стоявшую перед ним на столике пустую кофейную чашку. Надо спешить! В кармане пиджака уже лежала упаковка с купленными в аптеке таблетками от головной боли. По пути с работы он купит антипасто^[109] и хлеба и заглянет проведать Нелли.

Он встал, чтобы расплатиться. В ожидании сдачи Валентино подумал, что, наверное, лучше заранее предупредить больную о своем приходе, и торопливо набрал на мобильнике сообщение. Его-то уж она точно не пропустит.

Carissima, как мне жаль тебя, бедную. Я только сейчас прочел твое сообщение. Постарайся поспать, а вечером забежит dottore^[110] и принесет аспирин и что-нибудь поест. Выздоровливай! В.

Направляясь в сторону Дорсодуро и переходя через площадь Санто-

Стефано к мосту Академии, чтобы вернуться в Ка-Реццонико, где его ожидал качающийся Пульчинелла, Валентино мимоходом взглянул на террасу ресторана, где по-прежнему сидели на солнышке одетые в пальто и окруженные обогревателями туристы. Его взгляд уловил яркое световое пятно и остановился на молодой женщине с каштановыми волосами, вспыхнувшими на солнце золотистым блеском. Она сидела, подавшись вперед к сидевшему с ней за столиком мужчине, заглядывая ему в глаза, он держал ее за руку.

Валентино улыбнулся и вдруг остолбенел, словно пораженный громом. Только сердце продолжало бешено колотиться неровными ударами.

«Внимание! Опасность!» – эта мысль вытеснила сейчас все остальное.

Быстрым шагом он напрямик направился к этому столику и подсел к удивленно воззрившейся на него парочке.

– Надо же, какая неожиданность! – произнес он с недоброй улыбкой. – Надеюсь, я не помешал?

Достав из кармана коробочку аспирина, он так с размаху хлопнул ее на стол, что зазвенели стоявшие на нем тарелки.

– Так, значит, голова разболелась?

– Валентино, что ты здесь делаешь?

Нелли покраснела до слез и быстро выдернула свою руку у незнакомца.

– Хотел пойти проведать болящую, – едва сдерживая себя, сказал Валентино. – Но, кажется, в этом нет необходимости.

Он с вызовом посмотрел на крупного, неуклюжего мужчину с боксерским носом, одетого в старомодную стеганую куртку, который недоумевающе глядел на пришельца.

– Могла бы предупредить меня, что твой дружок, из-за которого так осложняется твоя жизнь, приехал в Венецию.

Валентино откинулся на стуле, скрестив на груди руки. Сказанное им наугад, очевидно, произвело должное впечатление.

На этот раз Нелли побледнела до синевы и вдобавок, кажется, лишилась дара речи.

Но тут в разговор включился мужчина в стеганой куртке.

– Mais qu'est-ce qu'il veut se type?^[111] – спросил он, поправляя непомерно большие очки и глядя на Нелли с жизнерадостной улыбкой, к которой примешивалось недоумение.

Судя по его выражению, он принял навязчивого итальянца за

сумасшедшего.

– Rien^[112], – сказала Нелли и успокаивающе улыбнулась.

Затем она повернулась к Валентино, который по-прежнему сидел скрестив руки и с мрачным выражением на лице.

– Все не так, как тебе кажется, – произнесла она смущенно.

– Ага. А как на самом деле?

– Я случайно встретила своего старого профессора, вот и все, – сказала она, но Валентино заметил, что ее щеки опять запылали.

Должно быть, между ней и этим типом что-то есть. Он, по крайней мере, лет на пятнадцать старше ее. Дома, поди, у него остались жена и дети, а он тут устраивает с ней тайное свидание!

– Ах, так он твой профессор? Ну, это, конечно, все объясняет!

Стеганая куртка уловила слово «профессор» и закивала.

– Ты уж прости меня, что я такой непонятливый, – продолжал Валентино, энергично водя по воздуху вздымтым перстом, – но когда же ты его встретила – до или после того, как у тебя началась ужасная головная боль, из-за которой ты осталась лежать в постели?

Нелли молчала, опустив глаза.

Зато профессор удивленно вскинул голову и тоже что-то спросил по-французски, указав рукой на коробочку с аспирином и упомянув «головную боль». Затем он произнес еще какую-то фразу, что-то вроде: «Так это и есть тот тип?»

Нелли помотала головой и схватилась руками за виски. Валентино подумал, что теперь у нее и впрямь заболела голова. Но не успела она дать ответ ему или профессору, как рядом раздался громкий голос, который удивленно воскликнул:

– Нелли!!! Неужели это ты, а? What a surprise!^[113] Не может быть!

Светлобородый детина в парке и с гитарой в футляре протискивался к ним между столиками. Валентино узнал в нем уличного музыканта, который недавно во весь голос распевал «Volare» на площади Санто-Стефано. Только его тут еще не хватало!

Широко улыбаясь во весь рот, парень остановился перед Нелли и откинул рукой кудрявую гриву:

– Что ты делал в Венеции, sweetheart?^[114] Подумать, такой неожиданность! Сегодня вечером я собирался ехать в Париж, и вдруг гляжу – ты тут!

Валентино сочувственно закивал: surprise! surprise! Вот и еще один такой объявился, не ожидавший застать здесь Нелли. Похоже, это день

нежданных встреч. Он посмотрел на Нелли: для нее, по-видимому, это тоже стало неожиданностью.

– Шон! – воскликнула она. – Подумать только!

– Yeah! It's a small world!^[115]

Высокий блондин с довольным выражением отставил свою гитару и наклонился, чтобы обменяться поцелуем с Нелли, затем придвинул себе стул. Заметив оторопелые лица сидящих за столиком, он жестом выразил сожаление:

– Sorry, sorry, sorry^[116], я, кажется, некстати пришел. Мне, наверно, лучше уйти, да?

– Нет-нет, – смущенно проговорила Нелли.

Профессор вежливо промолчал. Валентино отметил, что прозвучало хотя бы «sorry». Он с любопытством разглядывал нового пришельца, который, по-видимому, был американцем по имени Шон. Квартет был в полном составе; за маленьким столиком больше не оставалось места, чтобы к ним мог присоединиться кто-то еще.

– Итак, Нелли, если ты больше никого тут не ждешь, то пора, наверно, познакомить нас всех друг с другом, – предложил Валентино, и так как ему все-таки было жаль изменницу, он при этих словах ободряюще улыбнулся.

Нелли бросила ему благодарный взгляд. В глазах у нее стояла мольба, чтобы к ней отнеслись с пониманием. Затем она взяла свой бокал и одним духом выпила его содержимое.

– Wow^[117], – сказала она, набрала полную грудь воздуха и обвела взглядом сидящих за столиком. – Валентино Бриаторе из Венеции. Он реставрирует картины и помог мне вернуть мою сумочку. Шон О'Малли, начинающий летчик из Мэна. Он приехал на полгода, чтобы путешествовать с гитарой по Европе, я с ним познакомилась в Париже. И профессор Даниэль Бошан из Сорбонны, специалист по Вирильо, я пишу у него магистерскую диссертацию. Недавно, – тут она немного запнулась, – он переехал жить в Болонью.

Все это она сначала произнесла по-итальянски, затем повторила еще раз по-французски, профессор закивал на ее слова, в то время как американец из Мэна так и вытаращил глаза:

– Nelly! This is nuts! С ума сойти! Летающий профессор! Наконец-то до меня дошло!!! Вот здорово! – Обуреваемый восторгом, он с размаху хлопнул себя по ляжкам, затем потряс в воздухе кулаками, выставив вверх большие пальцы. – Wow! Мои наилучшие пожелания, дорогие голубочки!

Venice! Как романтично! – Он радостно смеялся и подмигивал Нелли, которая тщетно пыталась остановить его выразительными взглядами. – Ведь говорил же я тебе, что все будет хорошо и летающий... э-э-э...

Он резко умолк и толкнул стол, в результате чего у профессора упал бокал с красным вином, и содержимое пролилось ему на брюки.

Валентино не совсем понял, что послужило причиной восторженных восклицаний американца, чей гимн во славу романтической Венеции так внезапно оборвался. По какой-то причине этот Шон только что заходил в восторге, и это не понравилось Нелли.

Валентино поставил пустой бокал на место.

– Что это вдруг с твоим приятелем из Мэна? – спросил он. – У него часто бывают такие припадки?

– Не сейчас! – сердито шикнула на него Нелли. Она опять побледнела и, казалось, вот-вот лишится чувств. – Не сейчас!

– Господи! Что же это я натворил? Прошу прощения! Прошу прощения! – рассыпался в извинениях Шон, виновато глядя на Нелли и протягивая профессору громадный платок.

Даниэль Бошан был явно не из тех людей, которые легко теряют самообладание. Он, как мог, промокнул платком свои брюки, затем поправил очки и в растерянности устремил взгляд своих светлых глаз на Нелли.

– А кто такой летающий профессор? – спросил он.

В каждой хорошей комедии в какой-то момент происходит сцена, в которой сходятся все персонажи, в разной степени осведомленные относительно обстоятельств, предшествовавших сложившейся ситуации. Часто такая встреча происходит во время светской вечеринки, в полицейском участке, в гостиничном лифте, а иногда на террасе маленького ресторанчика. Тут все зависит от случая. Каждый герой знает (или думает, что знает) что-то свое и делает собственные выводы, как правило, неверные или не вполне верные.

И как правило, один персонаж, который оказывается в самом центре этого вавилонского столпотворения, и мог бы все объяснить. Но так уж водится в жизни, что каждому человеку есть что скрывать, а потому этот персонаж не говорит всей правды, а в крайнем случае прибегает к маленькой лжи.

Неспешно идя солнечным январским утром к площади Сан-Марко на встречу с Валентино, Нелли не подозревала, что через несколько часов ей выпадет роль этого персонажа, у которого находится ключ к разгадке. Нелли не интересовали структурные особенности комедии. В кино она ходила нечасто и отнюдь не принадлежала к числу заядлых киноманов. Вдобавок она к этому времени как-то утратила ясность взгляда на окружающий мир.

Поцелуй Валентино вскружил ей голову. Ее давно уже никто не целовал так страстно, и во мраке ночи перед маленьким кафе она позволила себе увлечься, наслаждаясь каждым мгновением происходящего. Сначала перед ее внутренним взором встало симпатичное лицо Даниэля Бошана, но дальше она видела только темный блеск карих глаз Валентино, ощущала своей щекой его колючую щеку и прильнувшие к ее губам его губы. «Жаль, что тебя целует всегда не тот, кто надо», – мелькнуло у нее в голове, но затем ее представления о том, что надо, а что не надо, безнадежно смешались в том головокружительном ощущении, которое ее охватило. Она не чувствовала под собою ног и сама не знала, как очутилась потом на Калле-дель-Театро. Нелли помнила только, как по дороге на каком-то мостике Валентино набросил ей на плечи свою куртку. Она пришла в себя, лишь когда очутилась перед старым домом, в котором снимала квартиру.

«Граппа-то оказалась еще какой крепенькой!» – мысленно улыбнулась

Нелли, переходя через мост Риальто. В отличие от других туристов, она пересекла его, даже не остановившись на середине. Или дело было не в граппе? Она не могла не признать, что все еще находится под впечатлением от поцелуев Валентино.

К счастью, когда он захотел подняться с ней вместе в квартиру, ей хватило здравого смысла, чтобы спровадить его домой. Впутываться в амурные приключения в Венеции казалось ей сейчас совершенно ненужным.

Хмельная и непривычно расслабленная, она сразу же улеглась на широкую кровать, но потом еще долго не могла сомкнуть глаз, все еще ощущая на себе его прикосновения и поцелуи. В конце концов она погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись Нелли только в двенадцатом часу. Она блаженно понежилась в постели, разглядывая цветочные узоры на обоях, напоминавшие весеннюю рощу. Так долго она уже давно не спала. Повидимому, ее внутренние часы на время отказали, подумала Нелли, ставя на огонь маленький кофейник для эспрессо и поджаривая ломтик чабатты.

Она поймала себя на том, что то и дело поглядывает на мобильник и что ее тревожит, почему это Валентино до сих пор не позвонил. Она не хотела придавать слишком большое значение ночной эскападе. Такое вполне в порядке вещей между мужчиной и женщиной, принявшими некоторую дозу алкоголя, если обстоятельства тому благоприятствуют. Есть даже специальные исследования, посвященные этой теме. Но то, что верный чичисбей не давал о себе знать, было обидно.

С того вечера, когда Валентино разыскал ее сумочку, на ее *telefonino* ежедневно поступали его звонки. А тут вдруг нацеловался и пропал. Такое поведение не свидетельствует о душевной деликатности. Интересно, какие мысли в голове у этого итальянца, чтобы так целоваться, а потом взять и раствориться в пространстве? Очевидно, никаких!

Нахмутив брови, Нелли позавтракала тостом с маслом и джемом.

– Ну и ладно, – бормотала она себе под нос. – Ну и ладно.

Но в душе ей было досадно.

Остаток дня она провела, бродя наугад по Каннареджо – району, в котором еще не успела побывать раньше и где все показалось ей каким-то серым. В трагтории «У Альвизо» она пообедала превосходной жареной рыбой, а вечером, когда зажглись первые огни, ей вдруг пришло в голову покататься на гондоле. Услужливый и приветливый гондольер показал ей самые заповедные и сказочные места Венеции (и даже согласился сбавить

плату, после того как они договорились обойтись без пения). И хотя ничто не может сравниться с катанием на гондоле, чего-то все-таки недоставало.

В то время как черная гондола, едва касаясь воды, почти бесшумно скользила по каналам, Нелли вспомнились слова из книжечки Сильвио Тодди: «Гондола – только тогда гондола, когда в ней катаются двое влюбленных».

Когда на следующее утро наконец-то позвонил Валентино, сердце у нее так и подпрыгнуло.

– Да, я слушаю! – Взволнованно схватив трубку, она поднесла ее к уху и стала молча ждать, что скажет он.

Пускай заговорит первый! Он ведь вчера так и не позвонил. Но Валентино, кажется, искренне сокрушался о своем упущении. Только про поцелуй не упомянул, а потому и она промолчала. После нескольких смущенных обрывочных фраз, которые заканчивались томительными паузами, он в конце концов сказал, что она восхитительная и что с ней было замечательно хорошо и потом он всю ночь не мог уснуть, думая о ней.

Нелли крепко прижимала к уху трубку, невольно радуясь его словам. Ее охватило горячее желание снова увидеть своего министра хороших мыслей, не задумываясь о том, что все это ни к чему не приведет.

На площади Сан-Марко по случаю хорошей погоды собралось необычайно много туристов. Нелли взглянула на часы. Она слишком поторопилась, так что ждать оставалось больше двух часов. Прогулявшись под аркадами вокруг площади, наглядевшись на витрины магазинов и купив в кафе «Флориан» CD-диск с записью «Концерто аль кафе», она не спеша направилась к Кампаниле и свернула на Пьяцетту. Две недели назад она впервые зашла сюда с красной сумочкой и запиской с телефонным номером незнакомого молодого человека в кармане. Впереди у нее было еще две недели в Венеции. В задумчивости Нелли повернулась лицом к лагуне.

Жизнь не устает удивлять человека, предлагая за каждым поворотом новые сюрпризы.

Едва успев это подумать, она краем глаза заметила знакомое лицо. Нет, это был не Валентино Бриаторе, который, охваченный порывом влюбленности, устремился на площадь Сан-Марко на два часа раньше назначенного времени. Навстречу ей с отсутствующим видом шел мужчина в больших очках и с увесистым портфелем в руке – шел, не замечая Нелли. Правую ногу он слегка приволакивал.

– Профессор Бошан! – воскликнула Нелли. – Какими судьбами?

– Нелли! Не могу поверить своим глазам! – Профессор Бошан рассмеялся. – Как приятно вас видеть! Как вы поживаете?

– Спасибо, хорошо, – ответила Нелли.

Они поздоровались, и профессор Бошан, весело подмигивая, рассказал, что удрал сюда от своей новой и многочисленной итальянской семьи.

– Нет-нет! Это, конечно, шутка, – тотчас же добавил он. – Я только что был в библиотеке, проверял кое-какие данные. Я приехал сюда из Болоньи всего на один день. – Он радостно посмотрел на Нелли, которая стояла перед ним в темно-синем плаще. – А вас что привело в Венецию в такое время года?

– Ну я... Я тоже сбежала, – улыбнулась Нелли. – Сбежала из Парижа от плохой погоды, – добавила она с лучезарной улыбкой.

– Ну, тогда вам сегодня повезло, – заметил профессор.

Нелли с ним согласилась. Встретить профессора Бошана в Венеции было большим и совершенно неожиданным счастьем.

Бошан взглянул на часы:

– Мой поезд будет только вечером, а с работой я уже покончил. Если у вас есть время, мы могли бы где-нибудь посидеть и перекусить.

Разумеется, у Нелли нашлось для этого время. Надо всегда правильно расставлять приоритеты! Покрывив душой, она отправила Валентино эсэмэску, в которой отменяла намеченное свидание. Не придумав ничего лучшего, она сослалась на головную боль. Министр хороших мыслей как-нибудь это переживет, с ним они могут встретиться и завтра, а профессора Бошана завтра уже не будет в Венеции.

Отправив эсэмэску, Нелли отключила телефон. Затем взяла профессора Бошана под руку и весело объявила:

– Все, мы можем идти. Только давайте погуляем где-нибудь не на Пьяцце, тут столько народу, и все, знаете ли, ужасно дорого!

Нет, профессор этого не знал, он еще не освоился в Венеции и охотно позволил своей бывшей студентке увести себя с оживленной площади Сан-Марко, на которой толпились кормящие голубей и фотографирующие друг друга туристы. И вскоре они оказались на тихой, залитой солнцем площади Санто-Стефано.

Нелли не заметила белокурого рослого мужчину в парке, который в дальнем конце Санто-Стефано доставал из футляра гитару. Она бы не заметила даже Валентино Бриаторе, если бы он в этот час тут появился.

Нелли не видела никого, кроме прихрамывающего профессора, который так долго царил в ее мечтах и о котором она так долго печалилась.

Они сели на открытой террасе ресторана, расположенного на защищенной от ветра стороне площади, выбрав место поближе к одному из обогревателей, заботливо расставленных официантами для туристов. Никто из венецианцев не стал бы обедать в плаще на открытой террасе только потому, что в этот день показалось солнышко.

Садясь за столик напротив профессора, Нелли ни сном ни духом не ведала, какой неожиданный оборот примут дела в этот день.

– Ну так рассказывайте! Как вы поживаете, чем занимаетесь? А главное – как идет магистерская диссертация? – спросил Бошан после того, как они сделали заказ. – В декабре нам даже не удалось толком попрощаться, потому что вы не пришли на празднование в честь Рождества. Я очень сожалел об этом, – сказал профессор, поправляя очки.

– Да, жаль, конечно, что так получилось, – сказала Нелли, впервые обратив внимание, что очки профессора слишком ему велики. – Я тогда заболела.

– Да, я слышал. Неужели тоже ангиной?

– Нет-нет. – Нелли отломила кусочек хлеба, но так и держала его в руке. – Да я и не могла от вас заразиться. Помните, вы отказались, когда я предложила вас навестить? – пояснила она, скривив рот в улыбке.

– Да, вы правы, – ответил профессор, не заметив намека, и, немного подумав, спросил: – После этого мы лишь однажды встречались в моем служебном кабинете... Это было в тот раз, когда я рассказал вам про Изабеллу.

– Правильно.

Нелли с ужасом вспоминала эти минуты, самые кошмарные в своей жизни.

– Ну и как? – предприняла она новую атаку. – Все вышло так, как вы себе представляли?

Бошан пожал плечами:

– Ну, это как посмотреть. При моем знании итальянского это, можно сказать, катастрофа средних масштабов. Мне казалось, что с этим будет проще. Но скоро начнется интенсивный курс обучения. Очевидно, мои лингвистические способности не так хороши, как я думал. – Он вздохнул. – Я, можно сказать, ничегошеньки не понимаю. Особенно когда собирается вся семья и все начинают кричать, перебивая друг друга. – Он улыбнулся с комическим отчаянием. – Для француза это требует некоторого

привыкания. Мне кажется, это было самое утомительное Рождество в моей жизни. И я так объелся, что мне потом было нехорошо. Вы даже не представляете себе, какие у них накладывают порции... *C'est incroyable...* [118]

Профессор увлекся описанием кулинарных и коммуникативных сложностей, связанных с празднованием Рождества в Болонье, и Нелли, слушая его, раскрошила от скуки еще один кусочек хлеба. Лекции о Вирильо и Бодрийаре были как-то интереснее.

Между тем профессор незаметно перешел на свою любимую тему – Изабеллу. Дивную, прекрасную, умную Изабеллу, женщину его мечты, с которой он обручился наконец под восторженные крики и аплодисменты семейства Сарти.

Тут профессор заметил, что Нелли давно уже не произносила ни слова.

– Что же это я, все о себе да о себе! – воскликнул он. – А вы-то как провели Рождество?

– О, мое Рождество не было таким утомительным, как ваше, – сказала Нелли. – Но у меня оно прошло без обручения. – Она посмотрела на профессора долгим взглядом. – Я была одна, лежала в кровати, кашляла и страдала от несчастной любви, – пояснила она несколько вызывающе.

– Да что вы! Ах, Нелли! Какая жалость! Я же не имел представления...

Сбитый с толку Даниэль Бошан поправил очки и сочувственно пожал девушке руку, не поняв ни слова из услышанного.

– Поэтому я и поехала в Венецию. Среди прочего и по этой причине, – уточнила она.

– Да, да, – закивал профессор. – Это я хорошо понимаю. Вы совершенно правильно сделали, дорогая моя Нелли. Когда на тебя падает крыша, надо поскорей выскочить на волю. – Он посмотрел на нее сочувственным взглядом. – Ничего, все наладится! Я всегда говорю: работа – это лучшее средство, чтобы отвлечься. – Он снова ободряюще пожал ей руку. – Вот увидите! Как сядете за магистерскую диссертацию, так и забудете этого человека.

Нелли в этом сильно сомневалась.

– Но работа-то у вас хорошо продвигается?

Нелли покачала головой. Интерес к магистерской диссертации в последнее время у нее резко снизился.

– Ну ничего, не вешайте голову.

Тут профессор снова озабоченно погладил ей руку.

– А если возникнут вопросы, вы всегда можете мне написать, вы же

знаете. – Он кивнул ей ободряюще. – Ну а теперь-то вам уже получше?

– Да, немножко, – с улыбкой ответила Нелли и, к своему удивлению, поняла, что говорит чистую правду.

И в этот миг на террасу ворвался возбужденный молодой человек, его карие глаза гневно сверкали.

– Надо же, какая неожиданность! Надеюсь, я не помешал? – сказал Валентино Бриаторе и с размаху хлопнул что-то на стол.

Это были таблетки от головной боли.

На протяжении следующего часа Нелли много раз всей душой желала себе провалиться сквозь землю. Но какими бы ненадежными ни были деревянные сваи, на которых держался этот город, Венеция все же не исполнила ее желания.

В результате Нелли оказалась за одним столиком с тремя ничего не понимающими, находящимися во власти заблуждения мужчинами, один из которых считал ее лгуньей и подозревал в том, что у нее есть давняя связь со вторым, а этот второй даже не догадывался, что долгое время был предметом мечтаний Нелли в качестве потенциального любовника и, следовательно, невольным виновником ее душевных страданий. Ситуация накалилась до невозможности, когда к ним присоединился третий участник и, совершенно ошибочно оценив положение дел, принялся громогласно поздравлять ее с романтическим путешествием в Венецию в обществе «летающего профессора» (при этих словах он изобразил пальцами кавычки). Нелли утихомирила его, дав ему под столом хорошего пинка. Но вследствие этого действия на беду опрокинулся бокал, и его содержимое вылилось профессору на брюки.

Когда в довершение всего профессор, демонстрируя небывалую выдержку, как ни в чем не бывало спросил ее, кто же все-таки этот летающий профессор, и на Нелли обратили свои взоры три пары глаз (две пары голубых и одни – карие), ее охватило неодолимое желание опрометью выскочить из-за стола и бежать.

Помощь явилась с неожиданной стороны.

– А-а-а! – протяжно заговорил Шон.

Поняв наконец, что на самом деле все обстоит не так, как кажется, он пришел Нелли на помощь, избавив ее от необходимости самой отвечать на этот вопрос.

– А-а-а, это! – Он небрежно махнул рукой и засмеялся. – Это просто такой поговёрка. На самом деле нет летающего профессора, понимаете? Это поговёрка у летчиков, – сочинял он на ходу. – Когда говорят, что все

будет хорошо с тобой и с летающим профессором, это значит пожелать ни пуха ни пера.

– Ах вот что! Очень интересно. Надо будет запомнить. – Профессор Бошан поправил сползающие с носа очки и погрузил вилку в лазанью.

По его лицу было заметно, что поговорка летчиков показалась ему весьма странной. Но он явно решил, что бесполезно пытаться понять шального барда. Эта девушка, бывшая в прошлом его любимой студенткой, сейчас, кажется, окружает себя странноватыми фриками. Вероятно, это вызвано несчастной любовью.

– Что сказал американец? – требовательно спросил Валентино.

– Это слишком сложно, я потом тебе объясню, – пообещала Нелли. Она пододвинула свою дымящуюся лазанью Шону. – Спасибо.

В конце концов все как-то утряслось в атмосфере всеобщего благоволения. Первым попрощался Шон, сказав, что ему надо вернуться в гостиницу за рюкзаком. Он собирался ехать в Париж и признался Нелли, что, пока болтался по Европе, все время вспоминал не только «сладкий грушевый пирог», но и *Madame la tigresse*.

Они разговаривали, отойдя немного в сторонку.

– Как ты думаешь, Жанна будет рада? – спросил он неуверенно.

Нелли улыбнулась. Странно было видеть этого большого и сильного парня таким оробевшим.

– Я уверена, что да.

– Только ты ей ничего не говори. Это будет *surprize*. Okay?

Нелли пообещала, что не скажет. В последнее время она обогатилась опытом по части сюрпризов и сочла, что сюрприз Шона имел все шансы на успех.

– Но и ты тоже не рассказывай, пожалуйста, Жанне про эту встречу, – попросила она.

Шон подхватил футляр с гитарой и, обняв Нелли на прощание, шепнул ей:

– Ты уж извини, меня, пожалуйста. Я не хотел ставить тебя в неловкое положение.

Затем он прищурил один глаз:

– Но ведь это же он, летающий профессор, да?

– Да. Но только он этого не знает и не узнает никогда, – так же шепотом ответила Нелли.

– Почему ты не выберешь тот, другой, – посмеиваясь, сказал Шон, прежде чем удалиться большими шагами через кампо, где к этому времени

заметно похолодало.

Когда Нелли вернулась за столик, профессор Бошан уже успел расплатиться по счету. Мужчины молча ждали ее возвращения. Один при ее приближении встал, другой остался сидеть.

– Ну, пожалуй, и я уже пойду, – сказал Бошан.

Коротко кивнув Валентино, он вместе с Нелли отошел на несколько шагов от ресторана.

– Было очень приятно неожиданно вас встретить, и можете быть спокойны: я сохраню ваш маленький секрет. – Он дружелюбно улыбнулся девушке. – Можно сказать вам одну вещь? Хотя, конечно, не мое это дело. Вы, Нелли, прелестная девушка. Не надо предаваться печали. Забудьте этого человека. Гоните тяжелые мысли и наслаждайтесь отдыхом! И дайте о себе знать, когда вам понадобится моя помощь. Я знаю, что вы напишете превосходную работу. – Он обстоятельно протер немного запотевшие стекла очков. – Берегите себя, Нелли!

Нелли кивнула. Затем она привстала на цыпочки и поцеловала Бошана в щеку:

– И вы, профессор, тоже берегите себя!

Солнце скрылось за домами, и площадь постепенно опустела. На террасе не осталось никого, кроме Валентино и Нелли.

– Наконец-то одни! – иронически заметил Валентино, когда Нелли вернулась к нему за столик. – Какой замечательный спектакль! Старый *dottore* из Болоньи, Скарамучча с гитарой, обманутый Арлекин и прекрасная Коломбина, которая водит его за нос. Комедия дель арте в ее лучшем виде! – Он подпер голову рукой и пристально посмотрел через стол на Нелли. – Я с нетерпением жду твоих объяснений.

– Ах, Валентино, поверь мне, пьеса далеко не так замысловата, как тебе кажется, – сказала Нелли.

– О, для меня она была достаточно замысловата.

Валентино откинулся на спинку стула. Он все еще сердился.

– Что там за шашни у тебя с профессором?

– Да ничего между нами нет.

– И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Да, – сказала она, глядя ему в глаза. – У Бошана в Болонье невеста. Они помолвлены, и он по уши в нее влюблен. Ради нее он переехал из Парижа.

– Он держал тебя за руку!

– Он только хотел меня утешить, Валентино. Сегодня утром я нечаянно встретила с ним на Пьяцетте. Я как раз рассказывала ему, как провела Рождество – одна лежала с гриппом и страдала от неразделенной любви, и вдруг ты врываешься на террасу, как берсеркер! – сказала Нелли то, что, вообще-то, было чистой правдой.

Она улыбнулась:

– Кстати, спасибо тебе за таблетки от головной боли.

– Которые, оказывается, были тебе совсем не нужны.

– Да. Извини, что я соврала. – Нелли пристыженно опустила глаза.

– Ты не пришла ко мне на свидание, – сердито буркнул Валентино.

– Да. Знаю. Но профессор приехал в Венецию только на один день.

– И ты не могла мне просто сказать все, как есть?

– Я подумала, что будет слишком сложно объяснить, – пожала она плечами.

– Слишком сложно объяснить? Так-так! – Валентино вскинул брови, на губах у него заиграла понимающая улыбка. – Ну что ж, значит, не будем вдаваться в объяснения.

– Да, так, наверно, будет лучше всего, – с облегчением согласилась Нелли.

– Ну, раз этим все сказано, остается только одно...

– Только одно?

– Как быть с таблетками от головной боли?

– Таблетки можешь отдать мне, они, кажется, очень пригодятся.

Нелли провела себе рукой по лбу, почувствовав, что голова начинает болеть. День выдался сегодня такой, что волнений было предостаточно. И сейчас, когда напряжение несколько спало, она ощутила, как оно ее утомило.

– Может быть, к вечеру мне как раз потребуется таблетка аспирина. Мне кажется, у меня и впрямь заболела голова. Только этого не хватало. – Она покачала головой.

– Вот-вот! За маленькие грешки Боженька наказывает сразу по горячим следам. – Посмеиваясь, Валентино протянул ей коробочку. – Ну что, ты хотя бы успела получить удовольствие от свидания со своим старым профессором? До того как я влетел, словно какой-то берсеркер, и к нам присоединился твой неотесанный приятель, а ты все норовила упасть в обморок?

– Ну, честно говоря, – начала Нелли, метнув на Валентино лукавый взгляд, – честно говоря, это было не так здорово, как я себе представляла, но все же, в каком-то смысле... да. Это многое прояснило.

– Рад это слышать, – сказал он, внимательно глядя на нее. – А несчастная любовь?

– Можно сказать, прошла.

– Ну, это внушает определенную надежду, – улыбнулся Валентино.

Нелли наклонилась к нему через стол и взяла за руку:

– Ну так как же? Мой министр хороших мыслей больше не будет сердиться на меня за то, что я не пришла на свидание?

Валентино удержал ее руку.

– Смотря по обстоятельствам, – сказал он, став серьезным.

– Это как же? – спросила Нелли, почувствовав вдруг неуверенность.

– Ну, скажем, когда ты в следующий раз захочешь меня кому-то представить, то изволь уж придумать что-нибудь получше, чем называть меня тем человеком, который помог тебе вернуть пропавшую сумочку.

– И что же будет лучше?

Он широко улыбнулся.

– Ну, хотя бы так: это Валентино Бриаторе, реставратор старинных картин, который так целуется, что невозможно перед ним устоять, – предложил он, дурачась.

Коробочка аспирина просвистела по воздуху и довольно крепко угодила ему в лоб. Он пригнулся и закрылся руками:

– Эй... эй!

– Ой, знаешь, с тобой невозможно серьезно говорить, Валентино Бриаторе! – воскликнула Нелли.

– Знаю, – ответил он, смеясь. – Я до того хорош, что просто не верится, что такие бывают.

Вскоре они уже шли, взявшись за руки, через площадь Санто-Стефано. И когда Валентино провожал Нелли вечером домой, обоим было ясно, что она не позовет его с собою наверх на чашечку кофе или бокал вина.

У Нелли голова разламывалась от боли.

Дни все быстрее мелькали один за другим. Первая неделя в Венеции показалась Нелли бесконечно долгой. Каждый день приносил с собой столько нового и волнующего, и каждый час был до краев заполнен впечатлениями и приключениями. Вторую неделю Нелли начала с приятным ощущением, что впереди у нее целая вечность. Заблудившись, она открыла для себя кафе «Settimo Cielo», а потом целовалась с Валентино. Вторая неделя ознаменовалась также нечаянной встречей с Даниэлем Бошаном на Пьяцетте, и это стало главным событием, той вехой, за которой обозначился новый поворот.

По иронии судьбы забыть Бошана, прогнать грустные мысли и наслаждаться отдыхом ей посоветовал не кто иной, как сам профессор, и в этом ей виделась игра высших сил, которые забавляются, придумывая для нее все новые неожиданности. Возможно, ни о чем не ведающий профессор Бошан, глядя на то, как вел себя в ресторане Валентино, заподозрил, что это и был тот самый человек, из-за которого Нелли так страдала. Прощаясь с профессором, ей, правда, в какой-то момент показалось, что в его глазах за запотевшими стеклами вдруг что-то такое блеснуло, и на секунду она даже засомневалась, уж не догадался ли он обо всем, но как тактичный человек не стал докапываться до правды, а только намекнул, чтобы она его забыла? Этого ей уже никогда не узнать, но тем не менее она решила последовать его совету.

После встречи с Бошаном, которая завершилась курьезной сценой на площади Санто-Стефано и повлекла за собой столько волнений и переживаний (за что пришлось поплатиться жуткой головной болью – весь следующий день Нелли пролежала в спальне за задернутыми занавесками), что-то вдруг переменялось. Нелли почувствовала в душе какую-то необыкновенную легкость. Она решила меньше копаться в своих мыслях, а просто наслаждаться красотой вокруг. Даже начавшееся на следующий день наводнение, *acqua alta*^[119], ничего не изменило в ее настроении.

На одной из улочек, ведущих к площади Сан-Марко, Нелли с удивлением замерла на краю глубокой лужи, через которую невозможно было перейти. Она попробовала выйти на площадь по другой улице, но та тоже скоро привела к такой же луже. Нелли только посмеялась и купила себе зонтик и пару резиновых сапог. Затем она смело пошла через лужу и вышла на протянутые во все стороны деревянные мостки, которые, как

по волшебству, выросли на площади. В то время как венецианцы, равнодушные к открывшемуся зрелищу, деловито шли мимо, она остановилась на мостках и как замороженная разглядывала превратившуюся в блестящее озеро площадь Сан-Марко, на которой из воды торчали спинки пластиковых стульев, как выброшенные морем остатки кораблекрушения.

– Andiamo, signorina! – раздался рядом сварливый голос, оторвав ее от красивого зрелища, которое представляла собой площадь, и кто-то нетерпеливо отпихнул ее в сторону. – Идите, синьорина, не стойте на дороге и не мешайте проходу!

– Эй! Нельзя ли поосторожней! – вскрикнула Нелли, покачнувшись. Она едва устояла в своих больших сапогах и уже видела себя барахтающейся в водах лагуны. – Синьор Поцци! – воскликнула она тут же удивленно.

Это действительно был тот самый ворчливый старичок, который в первый день ее пребывания в Венеции показывал ей квартиру. И вот новая встреча – толкнул ее и, как всегда, не счел нужным извиниться, только нетерпеливо постучал палкой по мосткам.

– А, синьорина Делакур! – воскликнул он. – Как я сразу не догадался, что это вы тут встали посередь дороги, не давая людям пройти! – Затем снизошел до того, чтобы спросить: – Tutta bene?^[120]

– Да, – ответила Нелли. – Все хорошо. За исключением того, что меня только что чуть не столкнули в воду.

Она весело улыбнулась, решив, что никому не позволит испортить себе настроение.

– Что это вы, синьор Поцци, так спешите? – спросила она и, не удержавшись, добавила: – Вы же все равно всегда опаздываете.

– Я занятой человек, синьорина. У меня дела. Я тут *работаю*, и у меня нет времени, чтобы часами глазеть на большую лужу, как будто это седьмое чудо света. На такие забавы мне некогда тратить время! Arrivederci!^[121]

Синьор Поцци с важным видом помахал ей рукой и торопливо удалился, постукивая палкой в темпе стаккато.

Нелли с улыбкой проводила глазами сгорбленного человечка. У нее, к счастью, было время на такие забавы. Она снова перевела взгляд на разлившееся водное пространство.

И тут позвонила Жанна.

Нелли сразу почувствовала, что Жанне не терпится что-то ей рассказать. Голос у нее был очень оживленный, когда она спрашивала

Нелли, чем та сейчас занята.

– Я стою на мостках и смотрю на затопленную водой площадь Сан-Марко, – сообщила Нелли.

– Господи боже мой! Какой ужас! Почему ты не вернешься в Париж, вместо того чтобы тосковать там в Венеции? Тут же гораздо лучше, чем в этом сыром, промозглом городе на сваях, который все равно скоро погрузится в море. У нас, по крайней мере, светит солнце и погода чудесная.

– Я и не думаю тосковать, а совсем даже наоборот. – Нелли стояла, держа над головой зонтик, и улыбалась. Она догадывалась, что кузина позвонила ей не для того, чтобы обсудить погоду.

– Угадай-ка, кто тут пришел и сейчас уплетает мой грушевый торт! – уже ликовала на другом конце Жанна.

– Гм... – хмыкнула Нелли. – По тому, как ты заходишься от восторга, я бы сказала, что это Шон О’Малли.

Нелли засмеялась, когда Жанна от неожиданности умолкла.

– Эй, а откуда ты это знаешь? – выкрикнула она.

– Шестое чувство подсказало, – ответила Нелли.

Но затем она поведала кузине историю про удивительную встречу на площади Санто-Стефано.

– Вот это да! – только и оставалось сказать Жанне. – Представляю себе, как тебе пришлось отдуваться, ха-ха-ха!

– Да уж, еще как ха-ха-ха! Впрочем, это было совсем не так весело.

– И ты действительно встретила с этим Бошаном *случайно*? Или ты немножко поспособствовала удаче? – любопытствовала Жанна.

– Не говори ерунды, Жанна! Клянусь тебе, он вдруг появился передо мной, как будто с неба свалился.

– Как будто с неба свалился? Ха-ха-ха! Ничего себе! Судя по всему, что я слышала, он же просто святой! – Жанна в трубке так и прыснула со смеху, страшно развеселившись от собственной шутки.

– Ой-ё-ёшеньки! – вздохнула она наконец, успокоившись. – Надеюсь только, что эта встреча не добавила масла в огонь твоей выдуманной любви. Уж я-то знаю тебя, дорогуша, ты цепляешься за каждую новую соломинку.

– На этот раз ты ошибаешься, – возразила Нелли. А затем сказала нечто неожиданное для себя самой: – Если быть честной, то пока мы сидели за столом, я даже заскучала. – Она немного подумала. – Профессор Бошан правда замечательный человек, но знаешь, что я заметила? Он носит слишком большие очки. Наверное, он действительно для меня

староват. А главное, он никогда меня не смешит.

– А что я тебе говорила? Наконец-то ты образумилась, – великодушно признала Жанна.

Но она ошиблась и в этом. Потом Жанна в восторженных тонах расписывала своего Жана, который после веселого вечера, сдобренного благородным напитком, недолго думая, перекинул свою «тигрессу» через плечо и унес в спальню.

А Нелли между тем уже решила забыть о рассудительности.

Хотя бы немножко.

Одним из безрассудств, которые она себе позволила, было то, что она все больше и больше времени посвящала своему поклоннику и в конце концов, к собственному удивлению, обнаружила, что, кажется, готова влюбиться в своего чичисбея. Притом что в Венеции ей оставалось провести считанные дни. Эту мысль она гнала от себя подальше. Нелли хотела думать только о том, что происходит здесь и сейчас. Валентино тоже никогда не заговаривал о том, что пребывание Нелли в Венеции когда-то должно закончиться. Один только раз, в самом начале, он как-то спросил у нее дату ее отъезда – шестнадцатое февраля – и, услышав ответ, сказал, что, значит, некоторое время она еще побудет с ним. Зачем забивать себе голову вещами, которые пока не имеют значения! *Carpe diem!*^[122] Об остальном можно подумать завтра.

Нелли еще несколько раз встретила с Валентино в маленьком кафе, которое с каждым разом приобретало в ее глазах все больше очарования; он водил ее по своим любимым церквям, среди которых была церковь Санто-Стефано с ее великолепными картинами, церковь Санта-Мария дель Розарио в районе Дорсодуро и церковь Сан-Никола да Толентино в Санта-Кроче с прекрасным барочным алтарем, от которого Нелли долго не могла оторваться.

Во время прогулок по городу Нелли заметила, что в Венеции почти нет книжных магазинов, и она спросила об этом Валентино.

– Это печальная история, – ответил он ей. – Книжные лавки закрываются здесь одна за другой. Зимой это, может быть, не так заметно, но жизнь в Венеции в основном подчинена запросам туристов. А туристы больше покупают маски, изделия из муранского стекла и маленькие пластиковые гондолы.

Нелли вспомнила синюю маску, которую купила вскоре после приезда. Число лавок, торгующих масками, действительно заметно превосходило число книжных магазинов.

После этого разговора они пошли в Кастелло, и Валентино показал ей

один из немногих еще оставшихся в городе книжных магазинов, который она без него никогда бы не нашла.

Магазин «Аква Альта» на калле Лонга являл собой какой-то волшебный хаос, в котором можно было рыться часами, а его владелец отличался большой любезностью. Основная часть выставленных на продажу книг имела отношение к Венеции, и они были представлены на всех языках. Нелли с восторгом обошла все старые деревянные стеллажи, буквально ломившиеся от книг; книги были выставлены еще и в корзинках, ящиках и даже в настоящей венецианской гондоле, которая словно плыла посреди магазина, устремившись к ближайшему каналу, зеленая гладь которого блестела за раскрытой створкой входной двери. Куда ни глянь, всюду прыгали кошки или, свернувшись клубочком, лежали между громоздящихся стопками книг. Нелли купила симпатичный альбом о Венеции и, уходя, подумала, что этот книжный магазин – одно из тех особенных мест, благодаря которым этот город никогда не утратит своего очарования.

На другой день Валентино помчал ее на моторной лодке через лагуну на остров Бурано, напоминавший своими разноцветными домами задорную младшую сестренку Венеции, там он угостил ее обедом из свежей рыбы. На обратном пути Валентино внезапно выключил мотор. Качаясь на волнах в шаткой лодке, он заключил ее в объятия:

– Ну, что будем делать теперь?

Нелли засмеялась и, чувствуя на губах вкус соли, растворенной в морском воздухе, отдалась его поцелуям. Лишь громкие гудки экскурсионного парохода вернули ее к действительности. Она быстро привела в порядок свою одежду и застегнула плащ.

– Ты еще будешь моей, вот увидишь, – озорно крикнул ей через плечо Валентино, когда маленькая лодка осторожно пробиралась между торчащих из воды почернелых свай, вокруг которых плескались волны.

До сих пор Валентино еще ни разу не удалось проникнуть в ее appartamento на Калле-дель-Театро. Нелли пока не решила, захочет ли она сделать этот последний шаг, который, возможно, повлечет за собой только новые печали, однако она не могла не признать в душе, что никогда раньше не чувствовала себя такой жизнерадостной, как сейчас, рядом с этим живым и настойчивым молодым человеком. У него было только два недостатка: во-первых, он был слишком красив, чтобы хранить верность одной женщине. А во-вторых, каждый раз, когда они договаривались о свидании, он опаздывал, это больше всего огорчало Нелли.

– Ах, Валентино! Неужели же это так трудно – приходиться вовремя? –

спросила она с упреком, когда он в очередной раз на полчаса опоздал. – Вечно я тебя жду. Разве у тебя нет часов?

– Разумеется, у меня есть часы, – ответил он и со смехом закружил ее так, словно не принимал всерьез ее упрека. – Но я очень занятой человек. День-деньской я работаю. – Он многозначительно посмотрел на нее. Затем подмигнул. – Ну, будет тебе! Не надо дуться! Чем я могу заслужить ваше прощение, синьорина Элеонора? Угостить апельсином? Или тирамису?

Против воли она засмеялась:

– Ах, Валентино! Все это отговорки! Не верю ни одному твоему слову. Но, как ни странно, на самом деле она ему поверила.

Несмотря на все его заверения, Нелли заметила, что Валентино уделял ей все меньше времени. Он становился все более невнимательным, как ни старался прикрыть это своими обычными шуточками. Он стал небрежным в одежде и частенько прибегал в «Settimo Cielo», где они встречались, весь запыхавшийся, с кое-как заткнутой за пояс рубашкой. А во время их прогулок по городу внезапно звонил его telefonino, и вскоре после звонка он неожиданно убегал, потому что его срочно вызвали по делам.

В пятницу Нелли с ужасом поняла, что кончается уже третья неделя. Ровно через семь дней она отдаст синьору Поцци ключ от квартиры и сядет на поезд, который увезет ее в Париж. Теперь время побежало, как песок в песочных часах, не успеешь оглянуться, как высыплется все до последней крупинки.

В эту же пятницу, выпавшую на девятое число (отнюдь не тринадцатое!), Нелли обнаружила, что у Валентино есть от нее секреты.

Роковые события начались с того, что она решила без предупреждения навестить Валентино в Ка-Реццонико. С утра он ей позвонил и огорченным голосом сообщил, что сегодня у него, к сожалению, очень много работы и он не уверен, что вечером выберет время для встречи.

– И, кроме того, надо заканчивать качающегося Пульчинеллу, – сказал он ей со вздохом. – С директором музея шутки плохи.

– Ах как жаль! – сказала Нелли. – Неужели у тебя и часика не найдется для меня?

– К сожалению, нет. Сегодня мне придется работать до упора. Поверь, радость моя, мне и самому это не нравится.

Нелли очень расстроилась. Но потом подумала, что заглянет к нему в Ка-Реццонико, захватив с собой что-нибудь поесть, и немного посидит с ним.

Однако, зайдя около двух часов дня в зал, где работал Валентино, она увидела, что там никого нет. Высокая лестница сиротливо стояла посреди зала в окружении кистей и горшков с красками. Нелли подождала несколько минут, а затем медленно направилась к выходу из музея, каждый миг ожидая услышать, что ее окликнет радостный голос Валентино. Выйдя на улицу, она огляделась по сторонам. Может быть, он опередил ее и сам вышел купить себе поблизости панини. Светило пробившееся сквозь тучи солнце, и к причалу на остановке Ка-Реццонико как раз подошел, тарахтя мотором, очередной вапоретто. Несколько человек сошли на берег и направились каждый в свою сторону. Среди них выделялась одна женщина с ярко-рыжими волосами, одетая в бархатное пальто цвета морской волны. Женщина свернула в одну из узких улочек. Нелли двинулась вперед, внимательно глядя направо и налево, не пропуская ни одного переулочка, потом обошла вокруг музея. Она как раз собиралась позвонить Валентино, как вдруг увидела его на берегу канала, огибающего Ка-Реццонико и впадающего в Гранд-канал.

Валентино в кожаной куртке и с большой сумкой стоял на тротуаре рядом со своей лодкой, которая ждала у причала, и махал рукой. Нелли удивленно подняла руку, но тут же поняла, что Валентино на нее не смотрит, а с радостной улыбкой машет другой женщине – той самой, с длинными рыжими кудрями.

У Нелли сжалось и на секунду замерло сердце, а затем отчаянно забилося.

– Чао, Тициана! – приветствовал женщину Валентино в своей обычной жизнерадостной манере. Он так и ел глазами рыжеволосую красавицу, которая быстрым шагом спешила ему навстречу.

Нелли, крадучись, немного прошла следом за ней и через несколько шагов притаилась в ближайшем подъезде. С расстояния в несколько метров она наблюдала, как обнялся с ней Валентино. Очевидно, встречались они не впервые.

– Как хорошо, что ты смогла прийти! – услышала она голос Валентино. – Я все приготовил для нашей поездки на Лидо. – С широкой улыбкой он кивнул на большую дорожную сумку, стоявшую на тротуаре. – Ах, Тициана, даже не могу выразить, как я волнуюсь! – воскликнул он. – Наконец-то все готово!

Он опустил сумку на дно лодки, затем спрыгнул сам.

– Давай! Не будем терять время! Дождаться не могу, когда он воспарит!

Он протянул руку, чтобы помочь молодой женщине войти в лодку.

– Я тоже очень волнуюсь, – сказала Тициана. Она со смехом оперлась на его руку и села в лодку. – Кроме того, я обожаю таинственность! У меня здесь, – она похлопала по кожаной сумке, которая была при ней, – есть чем подкрепиться.

– Carissima! Это наверняка нам придется очень кстати! – Валентино сел за руль.

Перед тем как заработал мотор, Нелли еще услышала, как он крикнул своей Кариссима:

– Мне сегодня совсем непросто было вырваться. Нелли желала непременно со мной встретиться. В последнее время она не хочет отпускать меня ни на шаг. Иногда мне даже кажется, что она о чем-то догадывается, а это было бы...

Остаток фразы потонул в тарахтении мотора.

Но Нелли хватило и того, что она услышала. Совершенно расстроенная, она проводила глазами лодку, в которой умчались Валентино и Тициана, стоявшая рядом с ним с развевающимися волосами, как королева.

Они были очень красивой парой.

Жаль, что Нелли не услышала окончания фразы, которую сказал Валентино. Сколько больших и мелких недоразумений на свете мирно разрешилось бы само собой, если бы мы могли дослушать сказанное до конца! Но у Нелли не было такой возможности.

Она застыла в оцепенении, а сердце словно попало под иглу работающей швейной машинки, которая так и прострочила его насквозь. Через некоторое время она медленно повернулась и, сделав несколько шагов, выкинула пакет с бутербродами в первую попавшуюся урну. Земля под ногами ходила ходуном, а может быть, это ноги подкашивались. Она уже ничего не понимала и чувствовала только, что вот-вот разрыдается. Нелли яростно отерла глаза.

На пути в Сан-Поло Нелли боролась с собой. А вернее сказать, с тихим голосом в душе, который предостерегал ее не делать поспешных выводов. Разве несколько дней назад на площади Санто-Стефано она сама не оказалась в двусмысленной ситуации? Так, может быть, и эта сцена означала не то, что могло показаться с первого взгляда, а имела какое-то другое, самое простое объяснение? Нет, вряд ли!

Нелли грустно покачала головой. Подозрения усиливались с каждым шагом, и когда она вставила ключ в тяжелую деревянную дверь на Калледель-Театро, они окончательно одержали верх.

– Так я и знала с первой минуты, – пробормотала глубоко оскорбленная Нелли. – Красавчикам нельзя верить!

Валентино Бриаторе и без синьорины Элеоноры будет наслаждаться своей *dolce vita*^[123]. Да и с какой стати ему считаться с чувствами какой-то французской девушки, если та все равно через несколько дней исчезнет из его жизни?

Предаваясь своим горьким размышлениям, Нелли сидела на шафранно-желтом диване, уставясь на цветную гравюру с видом Венеции, которая висела перед ней на противоположной стене. Ей вдруг стало ужасно грустно. И тут она приняла героическое решение: чтобы не нарываться на новые унижения, не просить никаких объяснений у своего венецианского чичисбея, который был не похож на чичисбея и целовался не как чичисбей.

Пусть Элеонора Делакур – неудачница! Но когда нужно, она может быть такой же гордой, как та рыжеволосая королева.

Вечером Валентино Бриаторе вернулся в Венецию с Тицианой и Лучано усталый до изнеможения, но очень довольный. Воздушный шар они оставили в сарае на Лидо в ожидании торжественного дня, когда ему надлежало предстать во всей красе. Несколько дней они трудились вдвоем не покладая рук, и их труды не пропали даром. И вот, приложив немало усилий, они перевезли шар на Лидо.

Благодаря помощи двух верных друзей пробный полет на тросе прошел удачно. Осталось только починить одну прореху в плетеной корзине, а в остальном все было превосходно.

В это время года на Лидо было почти безлюдно, большинство гостиниц закрыто, и даже белые кабинки на пляже, которые летом служили для переодевания купальщиков, еще не пробудились от зимней спячки.

Когда великолепный шар в красных, синих и золотых полосах, надувшись, поднялся над корзиной, все на радостях зааплодировали. Валентино посмотрел на Тициану и Лучано, которые, стоя на песке, ждали, когда монгольфьер, привязанный толстым тросом к скале, взмлет в воздух. Он почувствовал, как его снова охватило радостное волнение. Воздухоплавание в каком-то смысле похоже на езду на велосипеде – раз научившись, ты этого уже никогда не забудешь.

– Вот увидишь, твоя девушка на радостях лишится чувств! – воскликнул Лучано, на котором лежала забота о покупке и установке горелки. – Вот это будет всем сюрпризам сюрприз! – Он подмигнул Тициане. – Такого подарка на Валентинов день у меня для тебя, к сожалению, нет.

Тициана улыбнулась:

– Что поделаешь – ты у нас не такая романтическая натура, как твой друг.

Подбоченясь, она с гордостью любовалась на воздушный шар, который вдвоем с Валентино собирала по кусочкам.

– И вот снова монгольфьер старика Бриаторе соединит двух влюбленных, – торжественно произнесла она. – Замечательно! В натуре он выглядит еще более впечатляюще, чем на фотографиях в «Settimo Cielo».

Монгольфьер начал подниматься, и Валентино разразился счастливым смехом. Внизу в лучах солнца блестело море, в лицо дул легкий бриз. Одна

мысль о том, что уже через несколько дней он полетит над лагуной с обожаемой девушкой и, подарив кольцо, купленное в ювелирном магазине близ Академии, объяснится ей в любви, наполнила его хмельным восторгом. Он поднял голову и взглянул на небо.

– Я люблю тебя, Нелли Делакур, я люблю тебя, – произнес он шепотом, удивив пролетающие облака.

Через два дня пьянящая радость Валентино сменилась глубокой озабоченностью. После поездки на Лидо он несколько раз пытался дозвониться до Нелли. Утром, днем и вечером он оставлял сообщение на ее автоответчике, но она не отзывалась на его обращения. На следующий день он стал названивать каждый час, оставляя на автоответчике все более настойчивые послания. Почему она не отвечает? Опять разболелась голова? Или, может быть, опять потеряла свою сумочку, причем на этот раз вместе с телефоном? Но в таком случае она пришла бы к нему в Ка-Реццонико или в «Settimo Cielo». Но в музее ему никто ничего не просил передать, и в кафе Нелли тоже не показывалась. Алессандро и Джакомо Бриаторе только растерянно пожимали плечами и качали головой.

– Странно, – говорили они в один голос.

Валентино тоже находил это странным, и, более того, у него появилось недоброе предчувствие, хотя для этого, казалось бы, не было никаких причин.

Неужели он сказал или сделал что-то такое, чем нечаянно ее обидел? Сколько он ни ломал голову, ответа не находил.

Так прошла суббота, а потом воскресенье. Он еще раз съездил на Лидо, чтобы сделать последние приготовления. Теперь все было закончено, все обсуждено, все готово. Лучано и Тициана встретят его четырнадцатого февраля вечером на берегу Лидо. Погода по прогнозу ожидалась благоприятная. Но все это имело смысл только в том случае, если там будет Нелли.

Может быть, она, не предупредив его, уехала на выходные дни в какую-нибудь дальнюю экскурсию? В душе у него проснулась ревность. Может быть, в Болонью к этому французскому профессору? Может быть, они поговорили по телефону и условились о тайном свидании? Тогда понятно, почему она не подходит к телефону! Если так, то, конечно, они встретились не для того, чтобы поговорить о Вирильо. В следующий миг он уже упрекал себя за такие подозрения. И тут на него напал страх. Вдруг с Нелли что-то случилось? Нет, нет, зачем сразу думать о таких крайностях! Озабоченному человеку всегда мерещится все самое страшное.

В эту ночь Валентино спал очень беспокойным сном. Было еще темно, и над головой, освещая дорогу, стоял одинокий месяц, когда он отправился на Калле-дель-Театро выяснять, что случилось.

Еще не было и половины шестого, а Валентино уже стоял перед зданием, в котором жила Нелли, и яростно нажимал на кнопку, названивая, как на пожар. Он только молил Бога, чтобы та кнопка, на которую он нажимал, оказалась правильной. И ему повезло. На пятом этаже открылось окно, и на улицу выглянула заспанная молодая женщина с растрепанными волосами.

– Валентино! – воскликнула Нелли, узнав его. – Скажи, ты что – рехнулся?

Он отнял палец от звонка и взглянул наверх.

– Господи! Нелли! – крикнул он ей. – Я уже два дня пытаюсь с тобой связаться. Почему ты не отвечаешь?

– У меня болела голова, и только, – сказала она и закрыла окно.

Он остался на улице – отвергнутый Ромео. Да что же это такое в самом деле!

Валентино снова нажал на звонок.

Через две минуты окно снова открылось.

– А ну-ка перестань названивать! Ты же весь дом перебудишь! – сказала Нелли.

– Клянусь тебе, я буду нажимать все кнопки подряд, если ты сейчас же не откроешь. Я хочу поговорить с тобой.

Она секунду подумала.

– Ну ладно, – вздохнула Нелли. – Тогда поднимайся наверх.

Немного запыхавшись, он остановился перед ее дверью. Нелли открыла ему и сразу села на один из двух желтых диванов.

– Прошу, – сказала она, указывая на другой диван.

Он посмотрел на ее длинную белую хлопчатобумажную сорочку, перехваченную под грудью узкой ленточкой и спадающую свободными складками. Ее нежные щеки разрумянились после сна. Она совсем не похожа на человека, страдающего жестокой мигренью, подумал Валентино. Он молча смотрел на нее.

Заметив его взгляд, она поджала под себя ноги и обняла руками колени.

– Ну, так зачем ты пришел?

Он поймал себя на том, что глазеет на ее ступни с тонкими лодыжками и длинными пальчиками. Второй палец был немножко длиннее остальных, как того требуют каноны красоты. «Я в первый раз вижу ее

ступни!» – мелькнуло у него в голове.

– У тебя ножки, как у Флоры с картины Боттичелли, – сказал он.

Нелли пошевелила пальчиками и зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Хорошо. Ты пришел среди ночи, чтобы мне это сказать?

– Нет, конечно же нет. – Он укоризненно посмотрел на нее. – Ты уже два дня не подходишь к телефону. Наверное, не так уж трудно понять, что я испугался. Я уже навоображал себе всяких ужасов.

– Да неужели? – В ее голосе прорывалась враждебность.

– Нелли, что с тобой происходит?

– Ничего, – ответила она. – Болит голова, я тебе уже сказала. Теперь, когда ты убедился, что я еще жива, я хотела бы еще поспать. Ты мне позволишь?

Он растерянно встал с дивана. Она разговаривала с ним, как чужая.

– Но сегодня я еще смогу тебя увидеть?

Она неопределенно качнула головой и посмотрела на него без всякого выражения.

– Не знаю... Может быть, позвоню, если мне станет лучше. Договорились?

Она снова обняла колени и изобразила на губах улыбку, но глаза оставались серьезными.

– Ну что ж, тогда извини, что я тебя разбудил, – сказал Валентино. – Просто я беспокоился, – повторил он, как дурачок.

С сильно бьющимся сердцем он направился к двери. Что-то тут определенно было не так, он это чувствовал.

Нелли сидела на диване точно маленький кактус, растопыривший все свои иголки. Он чувствовал спиной ее пронзительный взгляд. Нет, уйти так он не мог.

Он обернулся и бросил на нее умоляющий взгляд:

– Нелли, я...

– А кто вообще эта Тициана?

– Тициана? – растерянно повторил он за ней. – Это моя старинная приятельница. Откуда у тебя вдруг такой вопрос?

Она секунду помолчала.

– Да так. Твой дедушка недавно ее упоминал.

– Тициану? Мой дедушка? – Теперь уже он смотрел на нее подозрительным взглядом. Неужели старик все-таки проболтался?

– И что еще он рассказывал? – начал дознаваться Валентино.

– А что, есть что рассказывать? – Она так и впилась в него взглядом.

И тут его осенило.

– Нет, конечно. Совершенно нечего. Ничего в этом нет, Нелли.

Неужели Джакомо допустил такую бестактность, что стал нахваливать перед Нелли прекрасную Тициану? Он испытующе посмотрел на Нелли:

– Послушай! Неужели ты приревновала меня к старой подруге детства Тициане, с которой мы вместе играли в песочнице? Когда-то я и правда был безумно заинтригован щербинкой у нее во рту, но с тех пор же прошло столько лет!

– Ты с ней встречаешься?

– Нет, конечно же нет!

И чего только ей наплел Джакомо?

– Я полностью занят тобой, так что ни для какой другой женщины у меня нет времени, – попытался он отшутиться.

Она молчала. Шутка не удалась.

Валентино вздохнул:

– Иногда мы с ней пересекаемся, Венеция не такой уж большой город, но если ты под «встречаться» имеешь в виду, что между нами что-то есть, то тогда ответ будет – нет.

Он заметил, как ее глаза предательски заблестели.

В два шага он очутился рядом с ней на диване и обнял ее за плечи.

– Нелли! Да ты плачешь! Ну что ты, это же просто невозможно. Прямо чушь какая-то! Мы с Тицианой старые друзья и больше ничего. Не знаю, чего там наговорил мой безумный дедушка, но уж ему от меня достанется по первое число, можешь быть уверена!

Нелли посмотрела на него глазами раненой лани.

– Ты врешь, – выговорила она сквозь слезы. – Потому что твой дедушка вообще ничего не рассказывал.

– Ничего не рассказывал? Господи, так что случилось и при чем вообще эта девушка?

Нелли покачала головой.

– Я видела вас, – зарыдала вдруг Нелли. – В пятницу. Я хотела сделать тебе сюрприз и прийти к тебе в Ка-Реццонико, где ты якобы работал. Но тебя там не было. Ты тайком встречался с Тицианой, и вы с ней обнимались, как влюбленная пара. Ты ждал этого с *нетерпением*. И потом вы вместе уехали на Лидо. На твоей моторной лодке. С вещами, как будто собирались там ночевать. – Она бросила на него сердитый взгляд сквозь слезы. – И ты смеялся надо мной, говорил, что я пристала к тебе, как репей, и ты еле вырвался. От *меня*! – Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Ох, Нелли! – только и вздохнул Валентино. – Нелли, Нелли, Нелли.

Валентино потребовалась вся сила убеждения, на какую он был способен, чтобы успокоить рыдающую на диване женщину и убедить ее, что в его встрече с Тицианой не было ничего предосудительного.

– Поверь мне, Нелли, у меня нет от тебя никаких секретов. Я не вру.

Она издала возмущенный возглас.

– Ну хорошо. Я соврал тебе, но это было сделано только ради сюрприза, который я для тебя готовил.

– Ради сюрприза? – заинтересовалась она и перестала всхлипывать.

– Да, – кивнул он. – Через два дня будет День святого Валентина. Это день моих именин. И я хочу... – Тут он умолк и взял ее за руку. – Нелли, я приготовил для тебе сюрприз, который покажет тебе, что ты для меня значишь. Пожалуйста, поверь мне и не требуй сейчас объяснений! Я не хочу рассказывать об этом заранее. – Он посмотрел на нее умоляюще. – Как думаешь – ты можешь потерпеть еще два денечка? Или это тебе не по силам? Два денечка ради подарка, прекрасней которого еще ни один мужчина не делал женщине? – Ласково улыбаясь, он пригладил ее растрепавшиеся волосы.

Нелли высморкалась и тоже улыбнулась.

– Не надо так хвастаться, Валентино Бриаторе, – сказала она, немного утешенная. – Но предупреждаю тебя! Если это снова одна из твоих хитростей, я вообще откажусь с тобой разговаривать.

Всем известно, что мужчины не любят сюрпризов, в то время как женщины их обожают. После того как Валентино пришел к ней ни свет ни заря, Нелли все время гадала, что же это за сюрприз, которым он обещал ее удивить.

– Вот увидишь! – уверял он ее. – Такого подарка ты еще не получала ни от одного мужчины. Поверь мне, ты прямо закачаешься.

Что касается рыжекудрой Тицианы, то у Нелли еще оставались сомнения. Валентино так и не объяснил ей, почему он тогда умчался на Лидо со своей приятельницей, захватив с собой большую дорожную сумку.

– Подожди до Дня святого Валентина, и ты все поймешь.

Вообще-то, по своей натуре Нелли была человеком, вполне способным ждать: одного специалиста по Вирильо она как-никак дожидалась почти год. Но этот последний день, когда испытывалось ее терпение, дался ей нелегко.

Они условились прийти в «Settimo Cielo» поздно вечером, чтобы вместе поужинать и встретить там наступление дня, в который Валентино праздновал свои именины. Судя по всему, в Италии это торжество было очень популярным, не то что во Франции.

После обеда Нелли рыскала по улочкам вокруг церкви Санта-Мария Формоза в поисках подарка для Валентино. В конце аркады ей попались на глаза выставленные в лавке старинных вещей яркие шелковые подушки, разложенные на стульях, перед ними стояли два манекена. Одетые в красный бархат и с масками на лицах, манекены, по-видимому, изображали дожа и догарессу. Привлеченная красивой выставкой, Нелли вошла в магазин и углядела на заваленном антикварными безделушками овальном столике вещицу, которая сразу же показалась ей подходящим подарком. Это было пресс-папье из старинного стекла, на котором в окружении звезд красовался золотой лев, гордо вззирающий на посетителей. Лев с площади Сан-Марко.

Нелли не ожидала, что пресс-папье окажется таким дорогим, но все же купила его. Это будет ее подарок имениннику и одновременно прощальный подарок, который она сделает Валентино на память перед разлукой.

У Нелли встал комок в горле, когда продавец антикварной лавки заворачивал драгоценное стеклянное полушарие в папиросную бумагу, а

затем укладывал в синюю коробку. В глубине души она знала, что не хочет разлуки, но конец ее пребывания в Венеции неумолимо близился, и через четыре дня наступал день отъезда. Она провела здесь необыкновенные, незабываемые дни – дни, исполненные веселья и легкости. Хорошо бы, чтобы и дальше все шло в том же духе, но никто не может удержать прекрасный миг навсегда.

Нужно было возвращаться в Париж. Действительно нужно? Да, конечно. Венеция – это чудесный сон, а Париж – это настоящая жизнь. Нелли и сама толком не знала, почему вдруг у нее пропала охота возвращаться к настоящей жизни. Держа в руке коробку с тяжелым стеклянным шаром, она вдруг представила себе будущее. Она закончит магистерскую диссертацию и получит хорошее место в университете. Она снова будет выплачивать долг за квартиру, лакомиться блинчиками в кафе «Друзья Жанны», по вечерам гулять в Люксембургском саду и весной дышать ароматом цветущих каштанов. Когда-нибудь она познакомится с интеллигентным французом и выйдет за него замуж, возможно, это будет кто-то из сослуживцев по университету. Иногда – а со временем все реже – она будет брать в руки красную сумочку, которая однажды, в первый день ее пребывания в Венеции, упала с моста Риальто в проплывающую гондолу. И будет при этом с сентиментальной улыбкой вспоминать эти сумасшедшие дни, проведенные в обществе безумно красивого, жизнерадостного венецианца с блестящими темными глазами, который целовался как черт и ни разу не сказал, что любит ее.

Знала же она, что в этом кроется какой-то подвох!

Нелли вздохнула, отворяя в девять часов дверь маленького кафе, куда целую вечность назад (по крайней мере, так ей казалось сейчас) ее занесло по прихоти судьбы. За стойкой стоял Алессандро, он приветливо поздоровался с ней почти как с членом семьи, и это сразу развеяло внезапно накативший на Нелли приступ меланхолии. А завтра ее ждет подарок, великолепнее которого еще ни одна женщина не получала от мужчины ко Дню святого Валентина.

На губах у нее возникла ироническая улыбка при воспоминании о хвастливом заявлении Валентино. Ей было действительно интересно узнать, что же такое он мог придумать. И тут ей пришла на память неоконченная фраза, которая за вчерашними волнениями как-то не дошла до ее сознания, и при мысли об этом сердце у нее взволнованно екнуло. Только после того, как Валентино покинул ее квартиру, она вдруг поняла, что он сказал: этот подарок покажет ей, что она для него значит.

В кафе было не много посетителей. Дедушка Бриаторе, как всегда,

сидел в своем уголке с бокалом граппы, Валентино, как всегда, опаздывал.

Нелли сняла плащ, разгладила надетое в честь торжества бархатное платье, села за столик у окна и принялась ждать. Она поставила коробку с пресс-папье на стол, заказала бокал красного вина и стала смотреть в окно на кампо, над которым уже сгущались сумерки. В стекле отражалось ее лицо, освещенное висячими светильниками, и Нелли улыбнулась молодой женщине с уложенными в тяжелый узел волосами и покачивающимися длинными сережками в ушах. Она даже не догадывалась, что ей предстоит сегодня вечером сделать здесь, в «Settimo Cielo», невероятное открытие, которое чудесным образом затмит собой любой другой сюрприз.

Вспоминая об этом впоследствии, Нелли не переставала удивляться, как связано все между собой в великой книге жизни. У каждой вещи есть две стороны, и даже в постоянных опозданиях может быть своя хорошая сторона. Ибо нынешнее опоздание Валентино, превзошедшее все его прежние достижения, послужило причиной того, что произошло в этот вечер.

Рассерженная Нелли встала из-за стола – было уже двадцать минут десятого. Остальные посетители к тому времени ушли, только она сидела и ждала как дурочка. Алессандро принес ей вазочку с арахисом и затем со словами: «Он появится с минуты на минуту» – исчез в кухоньке за стеной.

Нелли оставалось только надеяться, что так оно и будет. К столь широкому толкованию условленного часа действительно нужно еще привыкнуть! Хотя Валентино однажды ей весело объяснил, что в Италии «немножко задерживаться» – это самое обыкновенное дело, она все же невольно задавалась вопросом, в чем причина его теперешнего опоздания. Никакие, даже самые великолепные, сюрпризы не могут служить для этого оправданием.

Нелли беспокойно прошлась по кафе, еще раз, чтобы как-то убить время, посмотрела все картины и фотографии на стенах, она мысленно перебирала все возможные причины и пыталась заглушить голос ревности, которая снова проснулась в ее душе. Рассмотрев подробно все картины и перечитав все дарственные надписи, она перешла к книжной полке. Склонив голову на плечо, Нелли попыталась прочесть названия, а затем принялась наводить порядок в том хаосе, который царил на книжных полках, где вперемешку стояли романы, биографии и художественные альбомы. Книги были кое-как засунуты в стеллаж без малейшей попытки как-то их систематизировать хотя бы по размеру, толстый слой пыли на книгах свидетельствовал о том, что на это кладбище историй давно не

заглядывала ни одна душа. От нечего делать Нелли стала по одной вынимать книжки с полок и сдвигать с обреза пыль.

Старый Джакомо, который сидел, загородившись газетой, после того как она чихнула, автоматически сказал «Salute»^[124]. Нелли вежливо поблагодарила за доброе пожелание.

Привычной рукой она начала ставить большие альбомы вниз, повыше – специальную литературу, а затем занялась романами, выстраивая их корешками наружу и подравнивая по краю полки. Стеллаж стал выглядеть гораздо аккуратнее. Нелли с удовлетворением любовалась на свою работу. На верхней полке еще выбивалась из ряда одна книга, она торчала, как будто не помещалась по ширине. Нелли принесла стул, вытащила книгу и поводила за ней рукой, стараясь найти, что там мешает. У задней стенки она нащупала завалившуюся сзади книгу и достала ее. Это был небольшой томик в твердом переплете, страницы были погнуты по углам. По-видимому, эта книжка, всеми забытая, пролежала на полке десятки лет, словно спящая красавица.

Нелли стряхнула с обложки пыль и мельком взглянула на название, написанное на рваной буровато-желтой обложке. То, что она увидела, заставило ее замереть от удивления, затем она слезла со стула.

Эта книжка была ей знакома. Не так давно она нашла ее в ящике среди бабушкиных книг и обнаружила внутри загадочную надпись, совпадающую со словами, выгравированными на ее кольце: AMOR VINCIT OMNIA.

Эта тоненькая книжечка стала причиной ее поездки в Венецию. Не отрываясь от книжки, которую держала в руке, она перевела дух. Название гласило: «Действительно в течение десяти дней». И принадлежала книга перу некоего Сильвио Тодди.

На время Нелли забыла о существовании Валентино Бриаторе. Взволнованная, она с книжкой в руке вернулась за столик у окна. Могло ли быть случайностью то, что она нашла еще один экземпляр бабушкиной книжки именно в этом кафе, которое называлось «Settimo Cielo» и с первого же мгновения произвело на нее какое-то магическое впечатление? Нет! Она торопливо открыла книжку и внимательно пролистала первые страницы. Они разочаровали ее, так как в этой книжке она не обнаружила никакой надписи. Она продолжила перелистывать страницы в поисках записок на полях, но и тут ничего не нашла. Зато эта книжка хранила еще гораздо более волнующую тайну. Нелли чуть не вскрикнула, наткнувшись на засунутое между страниц сложенное письмо, написанное на тонкой бумаге, словно ждавшее ее там все эти годы. Оно начиналось словами:

«Мой бесконечно дорогой и любимый» – и кончалось: «Твоя несчастная Клэр».

Письмо, без сомнения, было прощальным, и сейчас Нелли держала его в дрожащей руке. Письмо, за которым угадывалась история несчастной любви. Но главное, это было письмо, написанное ее бабушкой! С бьющимся сердцем Нелли читала написанные авторучкой, местами расплывшиеся строки. Словно кто-то над ними плакал.

*Мой бесконечно дорогой и любимый,
когда ты будешь читать это письмо, я буду ехать в поезде,
возвращаясь в Кемпер. С каждым километром я буду удаляться от тебя
все дальше на север, к побережью Бретани, где море несравненно суровее
прелестной Венецианской лагуны, в то время как мои печальные мысли
будут с тобой.*

Даже самое бурное море не сравнится с бушующим водоворотом любви, сказал ты мне однажды. Помнишь? Когда мы строили отчаянные планы сбежать вместе в Рим. Ах, как бы я хотела уехать с тобой, любимый! Но сейчас меня затопила волна страха, поглотив все наши планы, и унесла меня прочь от тебя.

Я пережила ужасные часы. Мой отец обо всем узнал, и я еще никогда не видела его в таком возмущении. Он то краснел, то бледнел и то и дело хватался за сердце, словно оно в следующий миг перестанет биться.

Как я могла с ним так поступить, спросил он. Не для того он платил за мои уроки итальянского языка и брал с собой в деловую поездку, чтобы я за спиной у него выкидывала такие штучки. Он говорит, что наша любовь ни к чему хорошему не приведет, что обоих нас она ввергнет в несчастье и что я в мои семнадцать лет вообще не понимаю, что делаю. Я сказала ему, что через два месяца мне уже исполнится восемнадцать и к тому же мы любим друг друга всем сердцем, но он ничего не желал слушать. Он сказал, что у него больше жизненного опыта. И он никогда не допустит, чтобы его дочь связалась с венецианским ничтожеством. Прости, пожалуйста, за это слово – «ничтожество», я так не считаю! Ты для меня – всё. Так я ему и сказала. Но тут он обрушился на меня, как разъяренный Зевс-громовержец, мечущий молнии на головы неразумных людей. Неужели-де я забыла свое происхождение? «Ты – Бофор! Бофор!» – кричал он. Неужели я действительно собираюсь всем пожертвовать ради глупого ребяческого каприза, в котором – не пройдет и месяца – я горько раскаюсь!

Я сидела в гостиной нашего номера в «Даниэли», и мне становилось

все хуже и хуже. Под конец я уже вообще ничего не понимала. И может быть, папочка в самом деле прав, а мы не понимаем, что затеяли. Я люблю тебя, у меня никогда еще не было такого чувства к мужчине, как к тебе, мой любимый, но ведь я и его люблю, и если бы я сейчас ушла к тебе, то мне пришлось бы порвать со своей семьей, а на это у меня не хватит смелости.

Меня всегда тянуло на юг, мой любимый, но моя родина на севере. Там, где такое бескрайнее небо и бурное море бьется о скалы, там мой дом. Я как-то об этом не задумывалась, а теперь не знаю – могла бы я это забыть навсегда или нет.

Amor vincit omnia. Любовь все побеждает, написал ты мне в книжке, которую подарил, когда мы с тобой в первый раз поцеловались, помнишь? Ты хотел, чтобы эта книжка была у нас обоих, и сказал мне, что двое влюбленных в этой книжке, которые носят наши имена, нашли в конце концов свое счастье.

Ах! Не осуждай меня! В романе, конечно, возможно, что любовь побеждает страх, но в жизни, наверное, частенько случается, что страх побеждает любовь. Прости меня, что у меня не хватило храбрости начать с тобой новую жизнь, прости меня!

Эти недели в Венеции были как прекрасный сон. И наши тайные свидания в «*Settimo Cielo*», где уже не было «я» и «ты», а было только одно *Noi*^[125]. Наши сердца соединились на короткий миг, который мне бесконечно дорог, и я его никогда не забуду. Да и как могла бы я это забыть! Это единственное, что я могу тебе обещать, мой бедный, бедный любимый, которого я вынуждена так огорчить и по которому уже сейчас тоскую!

Я так и вижу тебя перед глазами, вижу, как ты расстроен, получив в руки это письмо, вместо того чтобы, как ты ожидал, принять меня в свои объятия, и у меня сердце сжимается от горя. Мне так жаль, так ужасно жаль!

Когда-нибудь, возможно в другой жизни, мы будем счастливы вместе, как представляли себе в мечтах.

А пока – прощай. Прощай!

Твоя несчастная Клэр.

Венеция, май 1952 г.

Надеюсь, ты не обидишься на меня за то, что я оставила себе кольцо. Оно должно было служить залогом того, как сильна наша любовь, что она отважно преодолеет все препятствия, но я просто не могу с ним расстаться. Оно всегда будет мне...

Конец предложения невозможно было разобрать, и письмо на нем заканчивалось.

У Нелли перед глазами стоял образ молодой женщины, чьи слезы капали на бумагу. Она и сама чуть не плакала, читая это душераздирающее прощальное письмо молоденькой девушки, поставленной перед выбором между возлюбленным и отцом и раздираемой любовью и страхом. Письмо девушки, которая впоследствии должна была стать ее бабушкой, сильной и бесстрашной Клэр Делакур, несокрушимой бретонкой, на которой держалась семья. Женщиной, которую Нелли любила больше всех на свете и которой восхищалась, которая всегда говорила ей, что нельзя быть такой мимозой, потому что иначе ей будет очень трудно в жизни.

Читая письмо, Нелли вдруг увидела свою бабушку испуганной и нерешительной девушкой, и это только усилило ее любовь.

Нелли глядела на письмо, и строкиплыли у нее перед глазами. В это трудно было поверить! Спустя полвека она держит в руках письмо, написанное бабушкой! Бабушкой, которая тоже когда-то сидела в «Settimo Cielo» и, может быть, даже за тем же самым столиком, за которым сейчас сидит Нелли.

На миг ее охватило такое ощущение, как будто она очутилась в пространстве, неподвластном времени, и у нее появилось смутное чувство, что бабушка стоит у нее за спиной и заглядывает ей через плечо. Она невольно оглянулась, но рядом, конечно, никого не было. Она обвела помещение взглядом, и ей показалось, что она видит его глазами бабушки, которая полвека назад смотрела на те же светильники и маленькую площадь за окном, на которой вот-вот покажется влюбленный юноша.

Клэр Бофор приехала с отцом в Венецию и неведомо для остального мира встретила здесь, в «Settimo Cielo», свою первую большую любовь – любовь, которая кончилась трагически и о которой она никогда не рассказывала. Это так и осталось тайной между отцом и дочерью.

Даже Нелли ничего не знала про этот горький эпизод из жизни своей бабушки. Однако же бабушка подарила ей это кольцо как напоминание, чтобы она не упускала своего счастья и верила в любовь, когда встретит ее на своем пути.

Нелли смотрела на старинное гранатовое кольцо, мягко мерцавшее в свете ламп. До сих пор она, оказывается, и не догадывалась, что носит у себя на пальце. Теперь ей стало понятно, отчего так загорались бабушкины глаза, когда речь заходила об Италии. Кольцо с выгравированной внутри надписью сейчас предстало в ее глазах в совершенно новом свете.

И маленькое кафе, в котором Нелли с первого дня почувствовала что-

то родное, сейчас открылось ей как магическое место, где только что произошло маленькое чудо. Открыв книгу, которая так и лежала перед ней на столе, Нелли совершила путешествие во времени и встретила свою бабушку.

AMOR VINCIT OMNIA. Нелли бережно закрыла книжку, копия которой осталась на журнальном столике в ее appartamento. Итак, книжка, которую она нашла в Париже, принадлежала раньше ее бабушке. Значит, та, что лежит сейчас перед ней на столе, должна была принадлежать тому несчастному молодому человеку. Но какими же судьбами могла она оказаться здесь, на полках кафе?

Только сейчас она обратила внимание на сходство имен, о котором упоминалось в бабушкином письме. Героиню романа звали Кларой, а бабушку – Клэр. Но кто же тогда прототип героя книги? Кем был человек, подаривший бабушке эту книгу и собиравшийся бежать с ней в Рим? Наверняка он тоже бывал в «Settimo Cielo»!

Сердце Нелли взволнованно забилося.

Подняв голову, она увидела вернувшегося за стойку Алессандро.

– И где только пропадает этот мальчишка? – произнес он с добродушной усмешкой, несомненно имея в виду своего сына. Посмотрев на покрасневшую Нелли, бариста за стойкой издал смущенный смешок и, словно извиняясь, развел руками. – Что тут поделаешь! Валентино, видно, уродился в свою матушку, она тоже вечно опаздывает. Хорошо, вы хоть нашли, что почитать.

Взяв со стола книжку и письмо, Нелли решительно направилась к стойке.

– Алессандро, – сказала она взволнованным голосом, протягивая ему роман Сильвио Тодди. – Как эта книжка попала на стеллаж вашего кафе?

Бросив взгляд на переплет, он недоуменно поджал губы:

– Понятия не имею. Тут столько старых книг... По большей части я не знаю, откуда они. Это важно?

– Да, да, очень важно! – воскликнула Нелли. – Только что я в этой книге нашла старое письмо моей бабушки Клэр Делакур.

Алессандро с изумлением посмотрел на нее.

– Ну и ну! – произнес он. – Так, значит, эта книжка принадлежит вашей бабушке?

– Нет, но она принадлежала человеку, которому она написала это письмо. Значит, он тоже бывал тут. Вот...

Она протянула Алессандро письмо. Он взял его и пробежал глазами, время от времени покачивая головой.

– Подумать только! Это просто ужасно. – Он отдал Нелли письмо. – Но боюсь, я тут ничем не могу помочь, дорогая Нелли. Взгляните на дату. Когда писалось это письмо, меня еще не было на свете.

Нелли растерянно кивнула.

– Но мне необходимо узнать, что же тогда произошло, – сказала она.

– Вам бы, наверное, лучше спросить бабушку.

– Она уже несколько лет как умерла. – Нелли задумчиво посмотрела на баристу. – Но почему книга оказалась здесь, в кафе? Вот чего я не понимаю. Ведь кто-то же поставил ее на стеллаж. Только кто? И кто засунул письмо в эту книжку?

– В мае тысяча девятьсот пятьдесят второго, – повторил Алессандро. – Действительно странно.

Тем же жестом, который Нелли видела у Валентино, он взъерошил свои густые волосы, затем посмотрел на Нелли. В его взгляде она увидела неподдельное удивление.

Оба, как по команде, посмотрели в тот угол, где, уронив голову на грудь, сидел за граппой старый Джакомо Бриаторе. Слышалось негромкое похрапывание.

– Синьор Бриаторе? Синьор Бриаторе! – нетерпеливо потрясла она старика за плечо.

Джакомо Бриаторе вздрогнул и проснулся.

– Что? – вскрикнул он испуганно. – Неужели я заснул? Никак уже двенадцать? Давайте чокаться!

– Нет, не чокаться, – замотала головой Нелли, садясь с ним рядом. – Послушайте, синьор Бриаторе, мне нужно спросить у вас кое-что очень важное. – Глядя на старика, она задавалась вопросом: неужели Бриаторе и есть тот несчастный человек, который когда-то был влюблен в ее бабушку. – Что... Что вы знаете о Клэр Делакур? – начала она осторожно и тут же сама себя поправила: – Вернее, о Клэр Бофор?

Затаив дыхание, она ждала ответа. Рядом был подошедший к ним Алессандро.

– Клэр Бофор? Никогда не слыхал о такой.

Старик пожал плечами, с недоумением глядя на Нелли и своего сына, которые смотрели на него с каким-то странным выражением.

– Чего это вы на меня так уставились! Кто это такая? Еще одна подружка Валентино?

– Валентино, в виде исключения, не имеет к этой женщине никакого отношения, – сказала Нелли. – Пожалуйста, синьор Бриаторе, постарайтесь

вспомнить. Все это было очень давно. – Она мысленно сосчитала. – Шестьдесят три года назад, если быть точной. Клэр! Клэр Бофор! Молодая француженка. Ей было тогда семнадцать. Она была очень красивая, блондинка, яркие голубые глаза. Вы знали ее?

– Гм, – растерянно хмыкнул старик. – Если она была такая красивая, я бы обязательно ее запомнил. Но я не знаю никакой Клэр. Нет. Никогда не был знаком.

– И вы не были в нее влюблены, вы уверены? В Клэр Бофор? В мае тысяча девятьсот пятьдесят второго? Здесь, в этом кафе? – не отставала Нелли.

– Что за новости! – Старик Бриаторе изумленно посмотрел на нее. – Какую ерунду вы городите! – начал он громко возмущаться. – Я, может, и много чего забываю, но в кого был влюблен, это уж я, слава богу, как-нибудь могу вспомнить. Еще чего выдумали! Кроме того, – он задумался, мысленно тоже проводя подсчеты, – в тысяча девятьсот пятьдесят втором я был давно благополучно женат на моей Эмилии, единственной женщине, которую я любил, вот вам и весь сказ, basta!

Все трое смущенно замолчали.

– А что там вообще насчет этой Клэр? – спросил наконец Джакомо Бриаторе.

– Клэр была моей бабушкой, – сказала Нелли. – И должно быть, она бывала в этом кафе... с молодым венецианцем, с которым они тайно встречались. Я нашла ее прощальное письмо. – Она пододвинула к Джакомо лежавшую на столе книгу. – В этой книжке, которая стояла здесь на полке. Засунутая за другими. И мне страшно хотелось бы узнать, кто ее туда засунул.

Бриаторе взял книжку и поднес ее к самому носу.

– Действительно в течение десяти дней, – пробормотал он вслух.

И вдруг выражение лица у него изменилось, стариковские глаза осветились воспоминанием, смешанным с жалостью.

– А ведь и правда, теперь я вспомнил! – произнес Джакомо Бриаторе и задумчиво покивал головой. – Я сам поставил эту книжку на полку. Много-много лет тому назад, может быть, это и было в мае тысяча девятьсот пятьдесят второго.

Нелли услышала, как у Алессандро вырвалось вдруг удивленное восклицание:

– Так что же, папа, неужели это значит, что ты...

– Тсс, – остановил сына старик Бриаторе. – Ничего это не значит. Я поставил книгу на полку, чтобы сохранить ее для несчастного человека,

который ее тут оставил... Вон на том столике... – Он указал на столик у окна, за которым только что сидела Нелли. – Но он больше никогда не появлялся в «Settimo Cielo».

– Но кто же был этот человек? – спросила Нелли. – Вы его знали?

Старый Бриаторе печально кивнул:

– Да, да. Я знал его, хотя и не близко. Это был Паоло Палладино, сын мастера по светильникам.

– Сын того человека, который подарил вам тогда эти светильники?

Джакомо Бриаторе обернулся к Нелли:

– Тот самый. Он был немного моложе меня. Я тогда был баристой в «Settimo Cielo». Я тогда только что открыл кафе и трудился как одержимый. День за днем, вечер за вечером не вылезал из-за стойки.

Старик отхлебнул граппы.

– Знаете, синьорина Элеонора, работая баристой, много чего услышишь и увидишь. Тут поневоле узнаешь от людей их секреты, многие делятся с тобой своими горестями. Всякие истории так и снуют вокруг тебя, точно стая бездомных собак. – Джакомо вздохнул. – Счастливые истории и грустные истории...

Старик отвернулся к окну, и его взгляд, казалось, устремился в туманную даль времен.

– Но никогда больше за все годы, что я работал баристой, мне не приходилось наблюдать такой печальной истории, как та, что произошла с несчастным Паоло Палладино.

Паоло Палладино, как и его отец, должен был стать мастером по изготовлению светильников. Но молодой человек, не обладая талантами к этому ремеслу, мечтал о том, чтобы однажды уехать из Венеции, тесные рамки которой с каждым днем все больше тяготили его. Он был единственным сыном мастера, и если отец как человек, укорененный в местных традициях, жил по обычаю, не задаваясь лишними вопросами, его сын Паоло оказался мечтателем, он увлекался книгами и стихами, а свои мысли записывал в маленькую книжечку, которую постоянно носил с собой. После безвременной кончины супруги и матери Марии Палладино, которая всю жизнь была связующим мостом между отцом и сыном, один молча нес свое горе, в то время как другой погружался в мир своих фантазий. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, оставшись одни, они духовно все больше отдалялись друг от друга.

Отец считал сына фантазером, вбившим себе в голову всякую блажь, которая со временем пройдет. В свою очередь сын видел в отце, который целый день гнул спину в мастерской в Каннареджо, а чтение романов считал опасным занятием, скучного, прозаического человека, лишенного воображения, а между тем светильники, которые Чезаре Палладино с таким мастерством изготавливал по старинным образцам, были полны поэзии и очень нравились младшему Палладино.

Между Чезаре Палладино и Джакомо Бриаторе установились добрососедские отношения еще до того, как Джакомо с семьей переехал в Дорсодуро, чтобы открыть на маленьком кампо свое кафе, которое, несмотря на его укромное местоположение, сделалось в пятидесятые годы достаточно модным местом, притягательным для туристов. Джакомо был среди тех, кто провожал в последний путь жену Палладино и, стоя над свежей могилой, молчаливо поддерживал Чезаре Палладино и Паоло, похлопывая их по плечу, а Чезаре подарил ему к открытию кафе «Settimo Cielo» десять светильников, которые висели на окнах, привлекая посетителей.

Как-то в мае в этом кафе сидел, пристроившись в уголке, и Паоло с томиком Пабло Неруды, и вдруг дверь открылась и вошли двое – девушка и пожилой человек. Они были незнакомые, что сразу же было понятно не только по тому, как они, склонившись над большой картой Венеции, водили по ней пальцами, разыскивая нужные места, но и потому, что

разговаривали они по-французски. Очевидно, это были отец и дочь. Дочь на довольно хорошем итальянском заказала *due campari orange*^[126]. Девушка была очень хорошенькая – блондинка с длинными волосами, связанными на затылке в «конский хвост», на ней было воздушное белое платье с широкой юбкой, и она бодро покачивала ножкой в красной балетке. Вошедшие сначала оживленно переговаривались о чем-то, и даже слепому было понятно, что отец души не чает в своей дочери. Судя по его виду, он был предпринимателем, на нем был костюм из тонкой серой шерстяной ткани и темно-синие венгерские башмаки ручной работы, строгие серые глаза с любовью глядели на девушку, которая, по-видимому, рассказывала ему о последних приключениях этого дня, время от времени не спеша отпивая свой кампари.

Джакомо из-за стойки оглядывал посетителей. В маленьком кафе сегодня были заняты все столики, хорошая погода выманила на улицу многих – и местных, и туристов, и тут он заметил Паоло, который, отложив томик стихов, не сводил глаз с незнакомки.

В какой-то момент она, вероятно, заметила упорный взгляд молодого человека. Она улыбнулась и опустила глаза, как бы сосредоточившись на своем кампари, который она потягивала через соломинку, но уже через несколько секунд снова взглянула на молодого человека, сидевшего за спиной у отца, и убедилась, что он по-прежнему смотрит на нее.

Джакомо забавно было наблюдать, как переглядывается молодежь. Вскоре отец девушки встал и извинился, что ненадолго отойдет. Паоло тотчас же воспользовался удобным случаем. Он кинулся к столику молодой француженки и, очевидно, стал осыпать ее комплиментами. Его слова, как можно было заметить по заблестевшим глазам и порозовевшим щекам девушки, оказали свое действие. Бриаторе не разобрал, что там говорил Паоло, но, подавая вино за другим столиком, сильно удивился, услышав, как обыкновенно робкий сын лампового мастера говорит:

– Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет с дикой вишней в лесу.

Улыбаясь романтическому юношескому порыву, который звучал в этих страстных словах, Джакомо вернулся к себе за стойку. Откуда ему было знать, что Палладино-младший, недолго думая, позаимствовал их из стихотворения Пабло Неруды^[127], которое как раз читал, когда девушка, словно комета, появилась в полутемном кафе. Джакомо Бриаторе не читал стихов, его поэтическая жилка выражалась в том, чтобы время от времени запускать в небо свой монгольфьер, но зато он умел читать то, что

написано на лицах.

А на лицах этих двоих была написана возникшая в одно мгновение взаимная склонность. Когда отец девушки вернулся и оба вскоре покинули кафе, Паоло уже сидел за своим столиком, укрывшись за стихотворным сборником.

На следующий день молоденькая француженка снова появилась в «Settimo Cielo». Запыхавшаяся, она робкими шагами вошла в кафе, где за столиком у окна ее уже с нетерпением ждал Палладино-младший. Они смущенно поздоровались, и Паоло заказал два капучино как палочку-выручалочку, за которую можно ухватиться, когда от волнения не знаешь, куда девать руки.

В последующие недели Паоло и Клэр (так звали хорошенькую француженку) выпили вместе еще не одну чашечку кофе в «Settimo Cielo»; случалось, что на столике оказывался и графинчик вина или два samprà orange. Эти встречи происходили в разное время, и предприниматель в строгом костюме при этих встречах, разумеется, не присутствовал.

Джакомо Бриаторе сомневался, что тот был в курсе приключений своей дочери, встречавшейся с сыном венецианского мастера по светильникам, который читал ей стихи и восторженно рассказывал о вечном городе, который взрастил столько знаменитых писателей.

Нельзя, конечно, утверждать, что книжки и стихи были только предлогом, однако они послужили изящной прелюдией, которая очень скоро возымела свое действие. Глаза встретились, и пальцы сплелись, в вечернем сумраке на кампо произошел обмен поцелуями, и два юных сердца соединило общее чувство; и конечно, влюбленным казалось, что вместе они завоюют мир, потому что со времен Ромео и Джульетты еще никто не любил друг друга такой великой любовью.

Однажды Бриаторе заметил, как Паоло вынул книжку, в которой он явно что-то написал, и передал ее Клэр с нескрываемым волнением. Она прочла дарственную надпись, засмеялась, взяла его руку и посмотрела на него долгим взглядом. В другой раз он принес с собой ювелирную коробочку и надел ей на палец кольцо, и она была взволнована до глубины души.

Все это не ускользнуло от внимания баристы «Settimo Cielo». Иногда Джакомо Бриаторе с некоторой тревогой гадал, чем кончится эта маленькая история, ибо конец был неизбежен. Но не его ума дело вмешиваться в ход событий; он был всего лишь молодой бариста за стойкой кафе, который моет бокалы, готовит эспрессо, многое видит и о многом молчит. Вот и тогда он тоже промолчал.

Даже Чезаре Палладино не догадывался, что его сын ходит тропами любви, хотя блаженная рассеянность сына усилилась до невозможного.

А потом вдруг на горизонте собрались тучи и бросили мрачную тень на солнечную безмятежность счастливых дней в «Settimo Cielo». Что-то произошло.

Лица обоих влюбленных помрачнели, на них появилось заговорщицкое выражение. Несколько дней они все шушукались, что-то обдумывали, и глаза Паоло загорались лихорадочным блеском, когда он с жаром убеждал в чем-то девушку, чье личико становилось все бледней и бледней. Она мотала головой, потом принималась плакать, затем опять успокаивалась, наконец она закивала, не сводя огромных глаз с Паоло. Бог весть на что он там ее уговорил, но она была готова сделать все, как он сказал, потому что не хотела его терять.

В этот вечер они вышли на кампо из кафе, двери которого были раскрыты настежь, чтобы впустить прохладный вечерний воздух, и стали прощаться; Паоло порывистым движением схватил ее и, прижав к груди, крепко поцеловал в губы. Они стояли долго, не решаясь разнять объятия, между тем как бледная луна, зависнув между крышами, заливала площадь мертвенным светом.

– А domani! – крикнул он ей вслед на прощание, когда они наконец расцепили объятия и она быстрым шагом пошла прочь.

– До завтра, – донеслось в ответ, словно негромкое эхо, из соттопортего, в тени которого она скрылась.

На другой день случилось нечто ужасное. Сияло солнце, и ничто, казалось бы, не предвещало беды, тем не менее этот день надолго запомнился баристе. С годами на эти события наслоились другие истории и другие лица, но случившееся тогда отложилось в его душе и дожидалось того часа, когда Элеонора Делакур обнаружит старую книжку на полке «Settimo Cielo». И все забытое снова ожило в его памяти.

Джакомо Бриаторе только что засыпал кофейные зерна в сверкающую хромированную машину, как вдруг входная дверь резко распахнулась. Вошла Клэр в светлом поплиновом плаще и большой соломенной шляпе, на мгновение она в нерешительности остановилась посреди зала. В руке она что-то держала, прижимая к груди. Джакомо не сразу разглядел, что глаза у нее под шляпкой заплаканные. «Господи, до чего же она бледна!» – пронеслось у него в голове, и когда француженка двинулась к нему деревянной походкой, в нем шевельнулось недоброе предчувствие.

На улице он заметил какое-то движение. У входа девушку ждал отец,

он тоже был в плаще и шляпе. Он стоял неподвижно, как статуя командора в «Дон Жуане», рядом на земле Джакомо увидел два чемодана.

– Я уезжаю, – начала девушка, глядя на баристу с таким отчаянием в глазах, что это пронзило его до глубины души. – Не могли бы вы передать это Паоло, когда он придет?

Она нехотя протянула ему конверт, который прижимала к груди обеими руками.

– И скажите ему... – Тут у нее вырвались рыдания, и она быстро отвернулась, зажав рот рукой. – Скажите ему, что я очень хотела бы его дождаться, но я должна...

Командор за дверью кашлянул и нахмурил брови.

– Viens, ma Cherie^[128], а то мы опоздаем на поезд, – поторопил он дочку.

– Je vien, papa!^[129] – Клэр бросила на баристу умоляющий взгляд. – Скажите ему, что я очень сожалею... и пожалуйста... передайте ему это письмо!

С этими словами она повернулась и неслышными шагами выбежала из кафе.

Через два часа в «Settimo Cielo» пришел Паоло Палладино и обвел помещение взглядом, словно искал кого-то. Но девушки, с которой у него было назначено свидание, нигде не было. Он скинул на пол заплечный мешок и стал ждать. Джакомо Бриаторе был бы рад избавить его от горького переживания, но он все-таки подошел к молодому человеку и отдал ему тонкий голубой конверт авиапочты.

– Она уже приходила, Паоло, и оставила для тебя это письмо, – сказал бариста. – Она велела передать тебе, что ей очень жаль, но она не могла тебя дождаться.

Паоло с удивлением взял письмо.

– Письмо? – спросил он.

Он сел за столик у окна и дрожащими пальцами вскрыл конверт, затем развернул тоненький листок и стал читать. Его плечи поникли, пока он глазами пробежал строчки, пытаясь осмыслить прочитанное. Он снова и снова перечитывал письмо, словно мог этим что-то изменить. Но ничего не менялось.

Когда наконец он опустил письмо на стол, он был бледен как полотно.

– Нет! – только и прошептал Паоло. – Нет!

Закрыв руками лицо, он разразился беззвучными рыданиями, от которых сотрясилось все его тело.

Затем он вдруг вскочил и бросился к стойке:

– Когда она приходила? Когда?

Джакомо Бриаторе посмотрел на него с состраданием.

– Поверь мне, Паоло, она ушла уже очень давно, – сказал он. – Так давно, что поздно ее догонять. Она приходила рано утром. Отец ждал ее за порогом. Вид у нее был очень измученный, могу тебя заверить.

Шатаясь, как пьяный, Паоло вернулся за столик и уткнулся головой в сложенные на столе руки. Джакомо Бриаторе, ничего не говоря, поставил перед ним стаканчик граппы.

– Ничего, со временем все пройдет, – сказал он только.

В большинстве случаев жизнь подтверждает эту пошлую истину. Но не в случае Паоло Палладино.

Джакомо Бриаторе то и дело озабоченно поглядывал на молодого человека. Первую граппу тот опрокинул залпом, за ней вторую и третью. Потом он вынул из рюкзака какую-то книжку и листал ее, точно безумный. Затем, захлопнув книжку, просто сидел, глядя в пространство. Так он провел не меньше двух часов. Заходили другие посетители, кафе постепенно заполнялось людьми. Бриаторе только поспевал всех обслуживать.

Когда он посмотрел на столик в следующий раз, Паоло там уже не было. Только книжка в коричнево-желтой обложке осталась лежать на столе. Джакомо подобрал ее и поставил на полку, чтобы сберечь для Паоло.

Не имея понятия о символическом значении романа Тодди, бариста полагал, что сын Чезаре Палладино с горя просто забыл на столе эту книжку. Но он ошибался. Несчастный Паоло Палладино не желал больше держать у себя эту книгу, героям которой, в отличие от него, улыбнулось счастье, тогда как он навсегда потерял свою Клэр. Он не смог удержать ее, как сеть не может удержать воду. Печальная строка Неруды звучала у него в голове, когда он уходил из кафе: так коротка любовь, так долг путь в забытьё^[130].

Потом говорили, будто бы сын мастера Чезаре Палладино в тот же вечер пытался покончить с собой, прыгнув в Гранд-канал, но даже это ему не удалось.

Какой-то рыбак, который против обыкновения в тот вечер очень поздно возвращался на лодке, услышал всплеск и вытащил из воды несчастного молодого человека, не умеющего плавать. Один лишь бариста знал, что послужило причиной его отчаянного поступка, но он об этом помалкивал. Он только посоветовал мастеру Палладино, видевшему в

безумной выходке своего отпрыска лишь еще одно доказательство того вреда, который наносит чтение, обращаться с сыном помягче и не скупиться на выражение искренней любви, которую он к нему питает.

– Поверь мне, Чезаре, он хороший парень. Со временем он научится твердо стоять на земле. Просто имей терпение – у него душа художника. Ну что мы с тобой в этом смыслим, а?

Чезаре презрительно фыркнул, но слова молодого баристы запали ему в душу. И потому в последующие годы отец и сын мирно работали бок о бок в мастерской, изготавливая светильники, среди которых появилось и несколько таких, которые по своей сказочной красоте нисколько не уступали тем, что висели в кафе «Settimo Cielo».

Но Паоло Палладино никогда больше не заходил в «Settimo Cielo», которое несколько недолгих недель было для него земным раем. Вирильо, вероятно, сказал бы, что для сына ламповых дел мастера это кафе стало тем, что он называл «антиместо», с той только разницей, что там не происходило устрашающего ускорения времени, однако для Паоло не менее пугающим было то, что оно там остановилось, свернувшись петлей, у которой не было ни начала, ни конца.

Новые посетители приходили и уходили, на стеллаже появлялись новые книжки, и роман Сильвио Тодди, в который Паоло засунул прощальное письмо своей возлюбленной, скрылся в заднем ряду, заставленный другими книгами, и со временем даже Джакомо Бриаторе перестал вспоминать о его существовании, а потом и вовсе забыл.

Паоло Палладино умер, прожив всего тридцать три года, неженатым и бездетным и был похоронен под проливным дождем на кладбище Сан-Микеле. И снова Джакомо Бриаторе стоял над свежей могилой рядом с Чезаре Палладино, потерявшим жену и сына, и беспомощно похлопывал его по плечу.

Жизнь не заботится о справедливости, просто некоторым людям везет в ней меньше, чем другим. В конце концов остаются только воспоминания. А светильники выдержали испытание временем, и после смерти старого Палладино один достойный молодой человек, пожелавший сохранить в Венеции это ремесло, открыл магазины «Венеция Студиум», в одном из которых Нелли чуть было не приобрела лампу Фортунни.

– Говорят, что от несчастной любви люди не умирают, – сказал Бриаторе, закончив рассказ о печальном ламповом мастере. – Но про Паоло Палладино я не могу с уверенностью этого сказать. Возможно, он действительно умер от разбитого сердца.

Нелли молчала, пораженная только что услышанным. Судьба несчастного венецианца глубоко ее тронула. Она спрашивала себя, раскаивалась ли бабушка потом, что рассталась с молодым Паоло. С Максимилианом Делакурром, с которым судьба свела ее спустя несколько лет, она прожила счастливую жизнь, но разве можно забыть первую большую любовь? В особенности если она кончилась так печально.

– Ессо^[131], не каждому дано такое счастье, прожить с любимым до седых волос, – произнес старый бариста, словно прочитав ее мысли. – Это особая милость судьбы. Но кто знает, были бы счастливы друг с другом эти молодые влюбленные из таких разных семей?

Он задумчиво покачал головой, а Нелли молча посмотрела на гранатовое кольцо. Затем она вытянула руку перед Джакомо Бриаторе и сказала:

– Это кольцо подарила мне бабушка перед смертью. Может оно быть тем самым, которое ей тогда подарил Паоло?

Старый Бриаторе взял руку Нелли и внимательно посмотрел на кольцо.

– Да, вполне может быть, что это оно и есть, – сказал он, хотя совершенно не помнил, как выглядело кольцо, которое подарил Паоло. – Я его помню, – заявил он решительно. – Это то самое кольцо.

Нелли с облегчением вздохнула. Учítывая выгравированную на кольце надпись, оно и не могло быть ничем иным, но подтверждение из уст Джакомо значило для нее очень много.

– Какая грустная-прегрустная история! – сказала Нелли. Видно было, что рассказ Джакомо взволновал ее до глубины души. – Знаете, синьор Бриаторе, эти лампы в окне привлекли меня тогда с какой-то магической силой. Когда я подошла поближе и разглядела название кафе, то сразу почувствовала, что это кафе сыграет в моей жизни какую-то важную роль. Так оно и случилось.

Старик Бриаторе молча налил ей граппы, и она выпила ее в один присест, как стакан воды.

– Какое удивительное стечение обстоятельств. Такое чувство, как будто меня вела незримая рука, правда? – Нелли перевела взгляд на светильники. – Это ведь поразительно, что ваши светильники были сделаны отцом человека, который так любил мою бабушку, что не мог без нее жить? – Она покачала головой. – И вот после стольких лет я здесь. – Тут она умолкла, не договорив того, что подумала: будто все повторяется сначала.

Она взяла со стола книгу и вложила в нее бабушкино письмо. Затем

взглянула на часы. Было без нескольких минут десять.

– Пожалуй, я пойду домой. Скажите Валентино, что я больше не могла его ждать, – с улыбкой попросила она отца и дедушку Бриаторе. – Придется ему встречать свои именины без меня. Кто знает, когда еще он вернется.

Пожав плечами, она подумала и добавила:

– Скажите ему, что завтра я поеду на Сан-Микеле. Я хочу навестить могилу печального ламповщика и передать ему поклон от моей бабушки.

Старый Бриаторе молча взглянул на нее. Затем по его лицу пробежала улыбка.

– Я хочу вам кое-что подарить, синьорина Элеонора.

Придвинувшись к сыну, он что-то прошептал ему на ухо. Алессандро кивнул и пошел к окну. Встав на стул, он снял девятую лампу и подал ее отцу.

– Вот вам, барышня, теперь она ваша, – сказал старик Бриаторе. – У меня такое чувство, словно эта лампа только и ждала, когда вы придете. Нет-нет, никаких возражений, а не то я рассержусь. – Улыбаясь, он подмигнул Нелли. – По мне, так даже лучше, а то было несимметрично.

Когда запыхавшийся Валентино в полночь показался на пороге «Settimo Cielo», он застал там одного только дедушку, который сидел в своем углу. Джакомо Бриаторе остался дожидаться внука, да так и заснул.

– Дедушка, а дедушка! Куда подевались остальные?

Старик Бриаторе проснулся.

– Ну и крепкие же у тебя нервы, парень, – сказал он. – Ты хоть знаешь, который уже час?

– Да уж как не знать! Знаю, поверь мне! – ответил Валентино, который на этот раз действительно опоздал не по своей вине. Он выставил перед дедом измазанные в машинном масле руки. – Сначала меня подвела лодка, а тут как на грех отказал и telefonino. Слава богу, что еще как-то добрался. Вконец измотался!

– Да, парень, самое интересное ты уже пропустил, – сказал ему Джакомо Бриаторе. – Ты даже не представляешь себе, что тут было сегодня вечером. Никакое кино не сравнится. – Шаркая ногами, он пошел к стойке за вторым бокалом. – Да ты присядь хотя бы. – Старик наполнил бокалы до краев. – Придется тебе довольствоваться обществом деда. А у деда есть что рассказать.

В конечном счете каждая жизнь превращается в историю, и самая краткая та, что значится на надгробии: начало и конец, рождение и смерть. Эта история может быть длинной или короткой. Иногда длится девяносто три, иногда, бывает, всего три года. Ты скользишь взглядом по этим цифрам и мысленно рисуешь себе, что может за ними крыться.

На кладбище Сан-Микеле они провели уже час. Это остров, на который можно добраться лишь на лодке, а поскольку лодка Валентино вчера окончательно сломалась, они прибыли сюда на вапоретто.

Валентино, вздыхая, тащился за Нелли, которая взволнованно носилась среди надгробий. Уж он мог бы придумать, как провести Валентинов день, но съездить ради праздника на кладбище Сан-Микеле ему бы никогда не пришло в голову. Оставалось только надеяться, что ей потребуется немного времени на поиски могилы семейства Палладино, и тогда можно будет закрыть эту печальную главу. В конце концов, у него на сегодня были запланированы гораздо более важные вещи – важные для будущего!

– Я, конечно, рад тебе помочь, но будь моя воля, я бы нашел что-то более интересное, чем проводить Валентинов день на кладбище, – заявил он недовольным тоном, когда они прошли в большие ворота, за которыми тянулись ряды мраморных плит и семейных склепов с увитыми плющом мраморными колоннами и ангелами, обратившими к небесам лишенный выражения взгляд. На многих могилах среди цветов и сердечек можно было видеть вставленные в рамку фотографии покойных, по которым можно было узнать, как эти люди выглядели при жизни. – Ну что мы тут делаем среди покойников? Прошлого ведь все равно не изменишь!

– Может, и так, – возражала Нелли. – Но из прошлого можно извлечь уроки, тебе не кажется?

Валентино оставалось только надеяться, что Нелли извлечет из прошлого правильный урок и не захочет повторять ту же ошибку, что ее бабушка, которая разбила сердце бедного итальянского парнишки.

Вернувшись ночью накануне Дня святого Валентина в «Settimo Cielo», Валентино уже не застал там Нелли. Зато дедушка рассказал ему историю Паоло Палладино и Неллиной бабушки, несчастливый конец которой и на него произвел тревожное впечатление. Оно еще больше усилилось, когда он нашел на столе коробочку, которую оставила для него Нелли.

Сначала он обрадовался и с любопытством достал из бумажной обертки тяжелое стеклянное пресс-папье с золотым львом. Получить от нее такой красивый подарок было добрым знаком. Но затем он наткнулся на открытку, которую Нелли вложила в коробку с подарком:

Дорогой Валентино!

Даже если ты меня скоро забудешь, пускай хотя бы этот лев напоминает тебе иногда, что была когда-то несчастная девушка, которая свалилась на тебя на площади Сан-Марко, как раз когда пробил колокол Кампанилы (знак судьбы?), и которую ты не раз смешил своими шутками. Мне было очень приятно под охраной моего чичисбея, хотя тот, к счастью, не всегда вел себя примерно.

*Спасибо за все,
Нелли.*

Валентино даже не знал, как понять эту короткую записку, которая своей бесповоротностью производила впечатление прощального письма. Оно было написано так, словно Нелли уже одной ногой была в поезде, который увезет ее в Париж, хотя, как было известно Валентино, до отъезда Нелли оставалось еще три дня. Но он не мог и не желал допустить, чтобы она снова исчезла из его жизни. И что это вообще за разговоры о том, что он ее скоро забудет? Какую чушь она несет! Или она это пишет потому, что сама скоро его забудет? С другой стороны, она ведь, кажется, написала, что была рядом с ним счастлива, разве не так? И разве не упомянула она о том, что когда они встретились, пробил колокол на Кампаниле? Может быть, этим упоминанием она хотела на что-то ему намекнуть?

Ах! Никто не умеет так хорошо читать между строк, как влюбленный.

Валентино отнюдь не был суеверным, но сейчас больше всего на свете он желал, чтобы та его шутка оказалась правдой.

Когда они утром ехали на вапоретто на кладбищенский остров, он все время украдкой поглядывал на Нелли. Она, казалось, вся ушла в свои мысли, одержимая желанием во что бы то ни стало разыскать могилу Паоло Палладино.

— Я должна поставить точку в этой истории, понимаешь? — сказала она. — В конце концов, это же касается моей бабушки.

Он добродушно покивал и тихонько вздохнул. Что поделаешь, раз ей это так важно! Казалось, ее даже не особенно интересовало, почему он вчера так сильно задержался.

— Да, да, ничего, — сказала она рассеянно, когда он утром позвонил ей по телефону. — Это не имеет значения.

Ну хоть не сердится, и то хорошо!

Обходя ряды могил и внимательно глядя по сторонам, он подумал о великолепном монгольфьере, который во всей красе дожидался своего часа на Лидо, и у него сразу поднялось настроение. У Арлекина припасен такой козырь, перед которым Коломбине сложно будет устоять!

И тут он остановился. Он нашел могилу.

– Вот она!

Он помахал, подзывая Нелли, и указал ей на скромную беломраморную плиту, на которой были выгравированы имена супружеской четы Марии и Чезаре Палладино. На узеньком надгробии рядом с первым было написано имя и даты жизни Паоло Палладино.

Нелли нагнулась и отвела в сторону побеги плюща, чтобы взглянуть на фотографию с портретом молодого Паоло. У него были правильные черты, серьезный взгляд темных глаз устремлен куда-то вдаль.

– Вот, значит, кому бабушка отдала свое сердце, ее первая любовь, – задумчиво вымолвила Нелли. – Как-то странно, что она никогда не рассказывала мне о нем, а между тем я ношу кольцо, которое он ей подарил. Бедный мальчик! По-моему, он немного похож на тебя, Валентино.

– Не вижу ни малейшего сходства, – заявил Валентино. – Разве что черные волосы и карие глаза. Надеюсь, что я все-таки смотрю веселей. – Он внимательно вгляделся в фотографию. И только тут обнаружил внизу какие-то слова.

– Посмотри-ка, тут что-то написано!

Нелли наклонилась поближе.

– «Любовь так коротка, забвениеечно», – прочла она надпись и покачала головой. – Нет, Паоло Палладино, ты не забыт навеки. Я принесла тебе книгу, которую ты вручил моей бабушке в кафе «Settimo Cielo», и, поверь мне, она тебя помнила, потому что подарила мне это кольцо. – Она подняла руку к свету, и гранатовое кольцо заиграло в лучах солнца. – Она могла бы подарить мне любое другое кольцо, но она наверняка не случайно выбрала именно это. Все эти годы она тебя помнила и помнила надпись в книге.

Нелли достала из сумки бабушкину книжку Сильвио Тодди и поставила ее между побегов плюща. Затем взяла экземпляр, принадлежавший Паоло Палладино, и положила рядом с первым. Письмо, вложенное в книгу, она заранее вынула.

– Ну вот, – сказал Валентино, обняв Нелли за плечи. – Теперь хотя бы книжки соединились, чтобы до конца оставаться вместе.

Нелли улыбнулась. Они молча постояли над могилой. Книжки лежали рядом, почти скрытые густыми зарослями плюща.

– Amor vincit omnia, – торжественно произнесла Нелли.

– На мой взгляд, это очень хороший девиз для Дня святого Валентина, – сказал Валентино и потрогал, на месте ли в кармане бархатная коробочка с рубиновым кольцом. – А теперь пошли! Нам пора. – Он заговорщицки подмигнул девушке. – Тебя ждет сюрприз.

Он потянул за собой к выходу немного упирающуюся Нелли, которой сейчас было как-то не до новых сюрпризов.

– Ах, Валентино! Я даже не знаю, – начала было Нелли. – Я все еще под впечатлением всей этой истории. Может, лучше отложим твой сюрприз на завтра?

Валентино энергично замотал головой и подумал, что некоторых женщин надо просто силком тащить навстречу их счастью.

– Ни в коем случае, – заявил он. – Кроме того, это нельзя просто взять и перенести на другое время.

Он взглянул на часы и подумал, что Тициана и Лучано должны были уже приехать на Лидо.

– Andiamo, синьорина Элеонора, andiamo! – позвал он ее с гордой улыбкой на губах. – Сегодня ты станешь у меня самой счастливой женщиной в Венеции. Вот увидишь, ты на радостях упадешь в обморок!

Так почти оно и случилось.

День уже клонился к вечеру, и солнце раскинуло свой огненный плащ широко над лагуной, когда их вапоретто взял курс на Лидо.

Нелли еще никогда не бывала на Лидо, продолговатом острове, отделяющем Венецию от Адриатического моря. Раз в году на время кинофестиваля остров принаряжался и превращался в подиум знаменитых красавиц и красавцев, а затем снова возвращался в свое обычное состояние. Вот и в это четырнадцатое февраля на Лидо все было тихо и спокойно.

Быстрым шагом Валентино устремился по набережной Гульельмо Маркони мимо белевшего за живой изгородью знаменитого «Гранд-отеля» с каменным львом над порталом, который давно уже превратился в резиденцию класса люкс, мимо домов и гостиниц, мимо отеля «Эксцельсиор» с его гигантской террасой с видом на море. Он шел, увлекая за собой Нелли, которая, заразившись его волнением, время от времени нервически посмеивалась. Интересно, что же выдумал Валентино, если напускает на себя такую таинственность?

Наконец он остановился и помахал какой-то парочке на пляже, и те побежали ему навстречу. Нелли тотчас же узнала рыжеволосую женщину с набережной у Ка-Реццонико, молодого человека с нею она раньше никогда не встречала.

– Ну вот и вы, наконец-то! – воскликнула Тициана, с любопытством поглядев на Нелли.

– Направление ветра благоприятное, так что вперед – можно начинать! – радостно сообщил молодой человек.

Куда – вперед? Может быть, они задумали покататься вчетвером по морю или затеяли на Лидо пикник? Это и есть обещанный сюрприз?

– Это мои друзья Тициана и Лучано, – представил незнакомцев немного запыхавшийся Валентино. – Без их помощи я бы не управился в срок!

Все смеялись, а Тициана подошла к Лучано и взяла его под руку. Эти двое явно были любящей парой, и Нелли немного устыдилась, что ревновала Валентино к Тициане. Она смущенно переводила взгляд с одного на другого.

– Но что...

– Закрой глаза! – потребовал Валентино.

Нелли отозвалась нервным смешком. Сердце у нее так и прыгало, словно взбесившийся резиновый мячик.

– Ах, Валентино. Не наводи такой таинственности! – воскликнула она, но послушно закрыла глаза.

– Да, наш Валентино любит эффектные неожиданности, – услышала она голос Тицианы. – Он у нас большой романтик!

– То есть в отличие от меня, хотела ты сказать, – пояснил Лучано.

Они возбужденно засмеялись. Потом все замолчали.

Нелли шла, крепко ухватившись за Валентино, – примерно так же, как почти месяц назад на площади Сан-Марко. Было непривычно идти, ничего не видя перед собой. Один раз она споткнулась и зашаталась.

– Piano, piano!^[132] – послышался голос Валентино. Он был рядом и так близко, что она снова почувствовала аромат лаванды и сандалового дерева. Он осторожно провел ее вниз по тропинке. В следующую секунду Нелли почувствовала под ногами песок и ощутила запах моря. К легкому шуму набегающих волн примешивались звуки, похожие на то, как хлопает разворачиваемый на ветру парус.

Валентино отпустил ее руку и отошел в сторону. Рядом послышались быстрые шаги, взволнованные голоса о чем-то переговаривались.

– А теперь можешь открыть глаза, – сказал Валентино. – Желаю счастья, и с Днем святого Валентина!

Нелли была готова ко всему, но от того, что она увидела сейчас, у нее перехватило дыхание.

Прямо перед ней в свете заходящего солнца возвышался великолепный монгольфьер в синюю, красную и золотую полосу – это был тот самый воздушный шар, которым она восхищалась на картинках в маленьком кафе. Привязанный на канате, шар так и рвался взлететь в вечернее небо.

Своим подарком злосчастный Валентино и впрямь попал в самое яблочко. Он стоял рядом со своими друзьями, и гордость, казалось, переполняла его до краев. Тициана и Лучано радостно зааплодировали удавшемуся сюрпризу.

Нелли почувствовала себя близкой к обмороку.

В полном ужасе, не способная произнести ни слова, она смотрела на Валентино, который с довольным выражением ожидал, что она скажет.

– Я знал, что тебе понравится! – воскликнул он радостно. – Все это сделано только для тебя. Иди сюда! – Он протянул ей руку, и в его улыбке во всей полноте отразилась любовь, какую только способен чувствовать к женщине мужчина.

Небо закружилось у Нелли перед глазами.

– Ни за что! – только и смогла она выговорить. – Лучше умереть!

– Что-о-о? – воскликнули трое друзей в один голос, и небо перестало вращаться.

Бедная Нелли увидела перед собой лицо Валентино, на котором отразилось безмерное огорчение. Она подумала, сколько часов он должен был на это потратить, изо дня в день трудясь над тем, чтобы приготовить ей самый замечательный подарок, какой он только мог себе представить. Она вспомнила, с каким измученным лицом, опаздывая, он прибегал в кафе, вспомнила черные круги у него под глазами, его напряженное ожидание. Она вспомнила, как сама, останавливаясь перед фотографиями воздушного шара старого Джакомо, воскликнула: «Как романтично!»

Она сама направила его по ложному пути.

А главный парадокс заключался в том, что, в сущности, все было правильно. Для Нелли не могло быть ничего поэтичнее воздушного шара, поднимающегося при помощи нагретого воздуха, но только при условии, что она наблюдала бы за ним, стоя на земле. Внезапно Нелли вспомнила, как в октябре прошлого года в Париже она в солнечный день с завистью наблюдала за монгольфьером, который плавно пролетал над Сеной.

– Мне очень жаль, – прошептала она, как когда-то давно Клэр Бофор. – Мне очень жаль.

Валентино смотрел на нее с безмерным отчаянием. Он не знал, что в эту минуту делалось в ее душе, он понимал только одно: ее «Ни за что!» было окончательным и бесповоротным, и, конечно же, принял это на свой счет.

Откуда ему было знать, что заманить его возлюбленную в качающийся монгольфьер могли только магические силы. А магическими силами не обладал даже Валентино.

В растерянности он покачал головой:

– Этого не может быть, Нелли. Этого просто не может быть, – пролепетал он, беспомощно разведя руками. – Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? Я же люблю тебя, Элеонора Делакур!

Нелли закрыла глаза. Вот они, эти слова, о которых она так давно мечтала.

Ее сердце бурно забилося, и при каждом его быстром, пульсирующем ударе перед ней возникала другая картина. Монгольфьер над Сеной. Профессор Бошан, который хотел полететь с ней в Нью-Йорк; Шон,

поющий перед собором Нотр-Дам «Come fly with me»; Жанна, стучающая себя пальцем по лбу и рассказывающая что-то про статистику, свидетельствующую о безопасности полетов; ее родители, которые весело махали ей из голубого «ситроена»; синьор Поцци, поторапливающий ее своим «andiamo»; Пульчинелла в белом костюме, раскачивающийся в небесной вышине; Валентино, целующий ее на маленьком кампо так, что у нее земля из-под ног уходила; настойчивый взгляд бабушки, с которым она вручала ей гранатовое кольцо: «*От души желаю тебе, детка, встретить однажды человека, с которым ты не побоишься летать*». Нелли схватилась за свое колечко, которое вдруг, как огнем, обожгло ей палец.

– Но я... я никогда этого не пробовала, – сказала она, посмотрев на Валентино большими глазами.

Валентино протянул ей руку:

– Все когда-то бывает в первый раз.

«*Amor vincit omnia*, – подумала Нелли, взяв его руку. – *Amor vincit omnia*».

Когда Валентино и Нелли под ликующие крики Тицианы и Лучано начали подниматься в воздух, Нелли крепко зажмурилась и обеими руками вцепилась в край корзины. От страха у нее свело живот, и она не могла понять, поднимаются они или падают.

«*Боже мой, сейчас мы упадем, сейчас упадем*», – билась у нее в голове единственная мысль.

– Нелли! Посмотри же вокруг! Открой глаза и посмотри, как красиво! – негромко позвал ее Валентино. Она ощутила его щеку рядом со своей. Он стоял сзади, крепко держа ее в объятиях. – Я кладу к твоим ногам всю Венецию.

Нелли осторожно открыла глаза. Они медленно плыли по темно-синему вечернему небу. Снизу доносился слабый шум, воздух стал точно стекло. А у них под ногами из воды поднимался волшебный город с его огнями и историями.

Нелли ничего не могла с собой поделать. Она засмеялась. Подняв голову, она посмотрела в синеву ночного неба и, смеясь и ликуя, протянула руки к звездам.

Это был магический миг. И как это бывает в таких случаях, невозможное стало возможным. Это и зовется чудом. Иногда такое происходит не только в романах, но и в жизни – все страхи побеждает любовь и вопреки всем колебаниям и сомнениям дает нам крылья.

В эту ночь звезды горели ярче обыкновенного, и когда Нелли, счастливая, очутилась в объятиях Валентино, который в небесной вышине сделал ей предложение руки и сердца и, прежде чем поцеловать невесту, надел ей на палец кольцо, не уронив его в воду, она подумала, что Поль Вирильо, наверное, одобрил бы этот способ полета.

Впрочем, он назывался воздухоплаванием.

Эпилог

Понятное дело, что шестнадцатого февраля Нелли не уехала в Париж, как предполагала, а вернее сказать, уехала в Париж не одна. Рядом с ней сидел в поезде ее счастливый жених, который не выпускал ее руку и которого она собиралась представить членам своей семьи.

Они допоздна пировали и пили вино в кафе «Друзья Жанны», на дверях которого в этот вечер была вывешена табличка «Закрыто в связи с экстренными семейными обстоятельствами».

Ради порядка сообщим, что за столом присутствовал и один начинающий летчик из Мэна, который одну за другой выдавал под гитару песни Фрэнка Синатры; он объявил свое путешествие по Европе законченным и чрезвычайно хвалил французскую кухню. Каждый раз, пригубив бокал, он заглядывал в глаза Жанны, и Madame la tigresse отвечала ему блаженной улыбкой.

Нелли закончила свою магистерскую диссертацию о Вирильо, но уже не собиралась оставаться в университете. Ее планы совершенно переменились. Профессор Бошан не мог нахвалиться на ее работу, в которой рассматривались не только теории Поля Вирильо, но – вы только подумайте! – затрагивались вопросы воздухоплавания. Еще больше, правда, профессор порадовался за свою любимую ученицу, получив сообщение о ее помолвке.

Нелли сдала внаем свою квартиру на улице Варенн и переехала к Валентино в Венецию. Вернувшись туда в мае и впервые попав на площадь Сан-Марко, кишевшую людьми, она сперва даже испугалась, но вскоре убедилась, что в Венеции в любое время года можно найти тихое местечко, особенно на тех калле, куда вообще не заглядывают туристы.

Через несколько месяцев Валентино и Нелли поженились, вследствие чего в «Settimo Cielo» появилась на стене еще одна фотография, на которой можно было видеть старый красно-сине-золотой монгольфьер, и эта картинка стала предметом невероятной гордости не одного только Джакомо Бриаторе.

Год спустя у Нелли и Валентино родилась девочка. Маленькая Флора унаследовала от отца черные кудри, а от матери глаза цвета моря, и второй пальчик на ее ножке был длиннее остальных. Но главное, девочка, казалось, унаследовала решительный нрав своей прабабки Клэр. Она бесстрашно исследовала окружающий мир и радостно визжала, когда отец

подбрасывал ее на руках, а в детской комнате у нее покачивался перед окном сказочный шелковый светильник.

«Settimo Cielo» позволило Нелли осуществить свою детскую мечту. В память о «Дикой гортензии», чайном салоне, который был у ее матери в Кемпере, Нелли превратила кафе в уголок, где можно купить и почитать книжку, а также перекусить, выпить чашечку чая или чего-нибудь еще.

Нелли старалась сделать все, чтобы люди находили в «Settimo Cielo» то магическое тепло, которое своим ясным светом озарило ее собственное детство. А где еще можно соприкоснуться с магией, как не под обложкой книги или в хорошем кафе, словно нарочно созданном для чудес.

notes

Примечания

1

Кофе с молоком (*фр.*).

На четверть часа позже указанного времени (*лат.*) – о допустимом времени опоздания преподавателя на лекцию.

«Глупые слова» (англ.).

«Странники в ночи» (англ.).

Хоакин Соролья-и-Бастид (1863–1923) – испанский художник-импрессионист.

Лоранс Бост (р. 1972) – французская художница.

«Полетели со мной» (англ.).

«Давай улетим, давай улетим отсюда...» (*англ.*)

«Как только мы окажемся на небесах... Я обниму тебя крепко-крепко...» *(англ.)*

«Это такой потрясающий день...» (англ.)

Финистер – департамент на западе Франции.

Почему вы такая печальная, мадемуазель? (англ.)

Ага... (англ.)

Черт возьми (*англ.*).

Ну да... (англ.)

Английская поговорка, по смыслу примерно то же, что «кто не рискует, тот не пьет шампанского».

Не стоит переживать! (*англ.*)

Ах вот что! *(англ.)*

Имеется в виду американский фильм 1989 года «Когда Гарри встретил Салли».

Круто! (англ.)

Жизнь – сплошное беспокойство. Покой бывает в могиле (*англ.*).

Господи (фр.).

Только и всего (*фр.*).

Пауза (*англ.*).

Итак (англ.).

А вот и нет (*англ.*).

Ну и что? (*англ.*)

Вот как? (англ.)

Гречневый блинчик с утиной грудкой (фр.).

Салат с козьим сыром (*фр.*).

S'il vous plait – пожалуйста (фр.).

Шоколадный мусс (фр.).

Тигрица (*фр.*).

Здорово (*англ.*).

Да-да, конечно... (англ.)

Береги себя (*англ.*).

Пьер Огюст Кот (1837–1883) – французский художник, представитель академизма.

Название департамента Финистер, в котором выросла Нелли, означает «край света».

Любовный почтальон (*фр.*).

Здравствуйте, месье Бошан! (фр.)

Полная катастрофа, полная катастрофа! (*англ.*)

«Поздравляю вас!» (*ит.*)

С лепестками розы (*фр.*).

Шоколадный торт (*фр.*).

Роман Уинстона Грэма, по которому снят одноименный фильм Альфреда Хичкока.

Милая (*фр.*), в детской речи – обращение к бабушке.

Мы... всегда... Седьмое Небо... (*ит.*)

Сиорапалук – поселение в Гренландии, одно из самых северных в мире.

Тэ-жэ-вэ (TGV) – сеть скоростных поездов во Франции.

Джон Китс. Эндимион. Перевод Б. Пастернака.

Счастливого пути! (*фр.*)

Улица (*ит.*).

Ваноретто – вид водного общественного транспорта в Венеции, вроде речного трамвайчика.

Здесь: до свидания! (*ит.*)

Успокойтесь, успокойтесь (*ut.*).

Квартира (*ит.*).

Идемте! (*ut.*)

Идемте, синьорина Делакур, идемте! (*ит.*)

Здесь! (*ит.*)

Зал, гостиная (*ит.*).

Замечательно! (*ит.*)

Вот! (*um.*)

Отопление! (*ит.*)

Холод – тепло! Холод – тепло! (*ит.*)

Сотовый телефон (*ит.*).

Кампо – маленькая площадь.

Корнетто – рогалик вроде круассана.

Соттопортего – крытый проход в здании или между зданиями.

Кампанила – колокольня; здесь: колокольня на площади Сан-Марко.

Торре-делл'Оролоджо – часовая башня в северной части площади Сан-Марко.

Привет, красавица! (*ит.*)

Спасибо! (ит.)

Вы одна? Впервые в Венеции? Не хотите к нам присоединиться?
(англ.)

Откуда вы приехали? (англ.)

Америка? Швеция? Германия? *(англ.)*

Ах, Париж!.. Очень приятный город... Мне нравится! Но Венеция гораздо лучше Парижа, вот увидите, мадемуазель... *(англ.)*

Погодите! (англ.)

Возьмите это! (англ.)

Я покажу вам Венецию, мадемуазель. Если у вас найдется время, только дайте мне знать... (англ.)

Так не забудьте позвонить мне, о'кей? (*англ.*)

Пьяцетта – небольшая площадь по соседству с площадью Сан-Марко.

Да, конечно! (*ит.*)

О... нет! Моя сумочка, моя сумочка! (*фр.*)

Квестура – местное полицейское управление.

Дорсодуро – один из исторических районов (сестере) Венеции.

Спасибо! Большое спасибо! (*ит.*)

Большое пожалуйста (*ит.*).

Слушаю (*ит.*).

Да! (*um.*)

Гондолы, гондолы! (*ut.*)

Феттучини альфредо – разновидность итальянской пасты.

Моя дорогая (*ит.*).

Трамеццино – итальянский сэндвич.

Какая красота! (*ит.*)

Мы поставляем товары по всему миру (*англ.*).

Ну хорошо! (*фр.*)

Сеттеченто – музей Венеции XVIII века.

Догана – старая морская таможня; в настоящее время в бывших складских помещениях находится Музей современного искусства.

Пьяцца – площадь; в Венеции разговорное название площади Сан-Марко.

100

Маленькая площадь (*ит.*; уменьшительное от *сапро*).

«Буря» (ит.).

Панини – горячий бутерброд, закрытый с двух сторон хлебом.

Фокачча – пшеничная лепешка с начинкой, предшественница пиццы.

Вот так-то! (*um.*)

Эти времена миновали (*ит.*).

Красивая девушка (*ит.*).

Полночь (*ut.*).

«Лететь» (*ut.*) – песня Домнико Модуньо и Франко Мильяччи.

Антипасто – итальянская закуска, которая может включать разные виды мяса, сыр и овощи.

Доктор (*um.*).

Что этому человеку надо? (фр.)

Ничего (*фр.*).

Какая неожиданная встреча! *(англ.)*

Дорогуша (*англ.*).

Ага! Мир тесен! *(англ.)*

Прошу прощения! (*англ.*)

Здесь: итак (*фр.*).

Это что-то невероятное... (фр.)

Буквально: высокая вода (*ит.*).

Все в порядке? (*ит.*)

До свидания! (*ит.*)

Живи настоящим (*лат.*; буквально: лови день).

Сладкая жизнь (*ит.*).

Будьте здоровы (*ит.*).

Мы (*ut.*).

Два кампари с апельсиновым соком (*ит.*).

Имеется в виду «Поэма 14» («Каждый день ты играешь светом целой вселенной...», перев. с исп. П. Грушко).

Пойдем, дорогая (*фр.*).

Иду, папа! (фр.)

Из «Поэмы 20» («Этой ночью на сердце грустные стынут строки...»,
перев. с исп. П. Грушко).

Вот так-то (*um.*).

Помедленнее, помедленнее! (*ит.*)